

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Быков Андрей Вячеславович

**АЛЬТРУИЗМ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД**

Специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
социологических наук

Научный руководитель
д. социол. н., профессор И.Ф. Девятко

Москва 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Понятие «альтруизм» в социологии: от классических концепций к практическому забвению	17
1.1. Альтруизм до «альтруизма»: Аристотель, Д. Юм, А. Смит	20
1.2. Понятие альтруизма в классической социологии: Спенсер, Дюркгейм, Зиммель	25
1.3. После классиков: почему проблематика альтруизма исчезла из социологии?	39
1.4. Выводы	50
Глава 2. Основные модели объяснения и методологические подходы к изучению альтруизма в социальных науках	53
2.1. Родственный альтруизм	53
2.2. Реципрокный альтруизм	63
2.3. Проблема «истинного» альтруизма	75
2.4. Выводы	90
Глава 3. Интегративный подход к изучению альтруизма: «новая» социология морали	95
3.1. «Новая» социология морали и перспективы исследования социальных норм, связанных с альтруизмом	96
3.2. Когнитивная социальная наука о морали и когнитивная теория аксиологических чувств Р. Будона	98
3.3. Интегративный социологический подход к изучению альтруизма: альтруизм как моральная норма	104
3.4. Исследование факторов, определяющих нормативные оценки необходимости совершения альтруистических действий.	111
3.4.1. Метод	113
3.4.1.1. Экспериментальные факторы и гипотезы	113
3.4.1.2. Участники и процедура	115
3.4.2. Результаты	116
3.4.3. Обсуждение	129

3.4.4. Ограничения и возможные направления дальнейших исследований.....	133
3.5.5. Заключение.....	134
3.5. Выводы	135
Заключение.....	136
Литература.....	140
Приложение.....	158

Введение

Актуальность темы исследования

Термин «альtruизм», введенный основоположником социологии Огюстом Контом [Comte, 1875], быстро занял важное место в системе понятий целого ряда классических социологических концепций, поскольку он как нельзя лучше отражал фундаментальную направленность этой новой для второй половины XIX столетия науки на изучение просоциального поведения и связанных с ним социальных представлений. Тем не менее, по мере развития социологии и трансформации социологической теории, проблема изучения альтруистического поведения (а также других проявлений человеческой морали) и создания соответствующих моделей объяснения в значительной степени исчезла из социологической повестки дня [Hitlin, Vaisey, 2013].

С другой стороны, концепции альтруистического поведения активно разрабатывались в смежных с социологией социальных и поведенческих дисциплинах – в первую очередь, биологии, антропологии, психологии и экономике. Помимо собственных моделей объяснения альтруизма, эти дисциплины породили массу эмпирических исследований, опирающихся, в первую очередь, на экспериментальную методологию. В настоящее время именно биология, психология и когнитивная наука занимают доминирующие позиции в сфере научного изучения морали и альтруизма [Hitlin, Vaisey, 2010].

Подобное положение дел находится в явном противоречии с историческим определением социологии как науки о «моральных фактах» [Дюркгейм, 2002; Durkheim, 1973; Levine, 1995], науки, рассматривающей социальный порядок как «моральный порядок»

[Rawls, 2010]. Предпринимаемые сегодня рядом исследователей усилия к «воскрешению» социологии морали в качестве полноправной области социологических исследований говорят о возрастающем внимании социологов к этой незаслуженно забытой сфере; в этой связи одной из ключевых проблем становится необходимость переосмысления альтруизма в качестве понятия социологической теории и предмета эмпирических социологических исследований. Альтруизм представляет собой фундаментальную форму просоциального поведения человека и является ключевым элементом социальной солидарности в современных обществах, что диктует необходимость его социологического изучения.

Поскольку тематика альтруизма и альтруистического поведения в течение десятилетий в целом не находила должного освещения в социологии, необходимым условием выработки нового социологического подхода к изучению альтруизма является систематизация имеющихся в социальных и поведенческих науках моделей объяснения альтруистического поведения, а также методов его эмпирического изучения. Анализ теоретико-методологических подходов к изучению альтруизма в «смежных» с социологией дисциплинах, подчеркивается в диссертации обеспечивает предложить интегративный социологический подход к изучению этого явления, который, с одной стороны, учитывает достижения имеющихся моделей объяснения альтруистического поведения, а с другой – позволяет социологии обрести свое место в изучении тех сторон феномена альтруистического поведения, которые обычно упускаются из виду в социальных и поведенческих науках.

Научная разработанность проблемы

Хотя понятие альтруизма занимало одно из центральных мест в концепциях таких представителей классической социологической традиции как Г. Спенсер [Spencer, 1896], Э. Дюркгейм [Durkheim, 1978, 2003], Г. Зиммель [Simmel, 1950] и П. Сорокин [Сорокин, 1913; Sorokin, 1967], в дальнейшем теоретические модели объяснения альтруизма разрабатывались главным образом в биологии, антропологии, психологии и других социальных науках. Разработка модели объяснения альтруизма в рамках эволюционной теории родственного отбора связана, в первую очередь, с именами У. Гамильтона [Hamilton, 1963, 1964], Дж. Мэйнарда Смита [Maynard Smith, 1964], Э. Уилсона [Wilson, 1975], Р. Докинза [Докинз, 2013 (1976)], Ф. де Ваала [de Waal, 2008], В.П. Эфроимсона [Эфроимсон, 1971], М.Л. Бутовской [Бутовская, 1998] и других эволюционных биологов и этологов. Модель реципрокного альтруизма получила свое развитие в работах Р. Триверса [Trivers, 1971], Р. Аксельрода [Axelrod, 1984], Р. Александера [Alexander, 1985]; фундаментальный характер отношений реципрокного и обобщенного обмена как основы альтруистического поведения в обществе анализировался в работах М. Мосса [Мосс, 2011], М. Салинза [Салинз, 1999], Р. Эмерсона [Emerson, 1976], П. Экеха [Ekeh, 1974], Н. Тахакаши [Tahakashi, 2000], и других исследователей в области антропологии и социологической теории социального обмена. Проблема безусловного, «истинного» альтруизма исследовалась в работах Дж. Пилявин [Piliavin, 2008], Д. Бэтсона [Batson, 2011], К. Монро [Monroe, 1994, 1996] и др. Социально-психологическая традиция изучения альтруизма связана, в первую очередь, с оригинальными исследованиями Дж. Дарли и его коллег [Darley, Latane, 1968; Darley, Batson, 1973].

Классификации типов альтруизма и анализ объяснительных возможностей различных подходов к его изучению представлены в работах Э. Уилсона [Wilson, 1988], М. Канингхэма [Cunningham, 1986], К. Монро [Monroe, 1996], Д. Майерса [Майерс, 2007] и др. Достаточно подробное теоретическое обсуждение поведенческих, мотивационных и нормативных аспектов альтруистического поведения в контексте социальных и поведенческих наук (включая определенную классификацию моральных норм) представлено в работе Й. Эльстера [Эльстер, 2011]. Краткий обзор социально-психологических подходов к изучению альтруизма как потенциального источника «новой» социологии морали приведен в работе С. Хитлина [Hitlin, 2014].

В современной отечественной социологической¹ традиции едва ли можно обнаружить более-менее значимые модели научного объяснения альтруизма; эмпирические работы по изучению альтруизма также представлены в недостаточной мере. Интерес отечественных социологов в основном сосредоточен на изучении творческого наследия П. Сорокина и его концепции «креативного альтруизма» [Sorokin, 1967], анализ которой представлен в работах И.А. Голосенко [Голосенко, 1998], В.В. Сапова [Сапов, 2002], А.Ю. Долгова и П.П. Кротова [Долгов, 2012, 2014; Krotov, 2012, 2014; Кротов, Долгов, 2011] (стоит отметить, что очевидный интерес к прескриптивным составляющим некоторых социологических концепций альтруизма наблюдается и в американской социологии [Jeffries, 2014]). Кроме того, можно обнаружить определенные попытки изучения альтруизма в межпоколенческих трансферах [Загребина, Сурков, 2010], а также роли эмпатии в формировании

¹ Следует отметить, что ряд исследований альтруизма имеется в современной отечественной психологической [Подольский, 2010] и философской [Лаверычева, 2008] литературе.

альтруистической личностной ориентации [Лаверычева, 2013]. В то же время, в отечественной литературе имеется ряд интересных обзоров современных «западных» подходов к изучению альтруизма [Якимова, 2012, 2014]. Кроме того, мета-теоретический анализ концепций социального обмена и теоретико-игровых моделей взаимодействия, важных для понимания сотрудничества в форме реципрокного альтруизма, представлен в работе И.Ф. Девятко [Девятко, 2003]. Вместе с тем, подчеркивается в диссертации, специального обсуждения возможности развития «нового» социологического подхода к изучению альтруизма (а также реактуализации для этой цели наследия классической социологической теории) в российской социологии до сих пор не проводилось. Данная диссертация, включающая в себя историко-социологическую реконструкцию основных концепций альтруизма в классической социологии, а также анализ моделей объяснения и методов изучения альтруизма в современных социальных науках, обосновывает подобный подход.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются теоретические модели объяснения и методологические подходы к изучению альтруизма в социальных и поведенческих науках.

Предметом исследования является интегративный теоретико-методологический подход к изучению альтруизма в социологии.

Цель и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является разработка интегративного социологического теоретико-методологического подхода к изучению альтруизма, основанного на исследовании нормативных социальных представлений об альтруистическом поведении.

Для достижения указанной цели решаются следующие исследовательские *задачи*:

1. Анализ теоретических истоков понятия «альтруизм» и принципов объяснения альтруистического поведения в классических социологических концепциях на примере работ Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля.
2. Историко-теоретическая реконструкция и критический анализ концепций альтруизма в контексте классической социологической традиции, а также историко-социологический анализ причин последующего общего снижения интереса социологов к понятию «альтруизм» и объяснению альтруистического поведения.
3. Систематизация основных моделей объяснения и методов изучения альтруизма в современных социальных и поведенческих науках на основе анализа теоретических и эмпирических исследований факторов, определяющих альтруистическое поведение.
4. Разработка интегративного социологического подхода к изучению нормативных составляющих альтруистического поведения.
5. Демонстрация возможностей и ограничений предлагаемого подхода при помощи эмпирического исследования факторов, определяющих нормативные оценки социальными акторами

необходимости осуществления альтруистических действий в повседневных ситуациях.

Теоретические и методологические основы диссертации

Основными методами диссертационного исследования являются историко-социологическая реконструкция классических социологических концепций альтруизма, а также мета-теоретический анализ основных моделей объяснения альтруистического поведения в современных социальных и поведенческих науках. Предметом социологической реконструкции и теоретического анализа являются оригинальные тексты ряда представителей философской традиции (Аристотель, Д. Юм, А. Смит), релевантные для темы исследования, а также оригинальные произведения представителей классической и современной социологической традиции; кроме того, анализ опирается на вторичные источники, содержащие интерпретацию указанных текстов. Анализ современных моделей объяснения альтруизма в социальных и поведенческих науках, а также основных методов его изучения проводится на основе теоретических и эмпирических работ из области биологии, антропологии, психологии, социологии и др. дисциплин и опирается на сложившиеся в социологической традиции подходы к историко-теоретической реконструкции и критическому анализу методологических принципов, категориального аппарата и логических связей между теоретическими понятиями и методологией эмпирического исследования.

Эмпирическое исследование факторов, определяющих нормативные оценки необходимости совершения альтруистических действий, которое в рамках диссертационной работы служит цели

демонстрации возможностей предлагаемого интегративного подхода, основано на применении общенаучной экспериментальной методологии и базовых принципах выявления каузальных связей, применявшихся к планированию и анализу данных эксперимента.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Впервые проведен сравнительный анализ концепций альтруизма в работах трех крупнейших представителей классической социологической традиции – Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля.
2. Впервые в отечественной социологической литературе показано, что в XX веке проблематика альтруизма и альтруистического поведения в целом перестала эксплицитно разрабатываться в социологической теории.
3. Впервые в отечественной социологической литературе проведена экспликация основных моделей объяснения альтруизма в социальных и поведенческих науках на основе различения трех «типов» альтруизма – родственного, реципрокного и «истинного» – и систематический анализ основных методологических подходов к изучению альтруистического поведения в социальных и поведенческих науках.
4. Предложен оригинальный когнитивно-социологический подход к изучению нормативных суждений о необходимости/желательности осуществления

альтруистического поведения в специфических контекстах социального взаимодействия.

5. Возможности и ограничения предложенного подхода продемонстрированы при помощи экспериментального исследования факторов, определяющих нормативные суждения об альтруистическом поведении в контексте ежедневного взаимодействия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «альтруизм» играло важную роль в классических социологических концепциях Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, поскольку его использование позволяло акцентировать внимание на просоциальных аспектах поведения человека. В то время как Спенсер предлагал эволюционное объяснение альтруизма, связывая подобное поведение с индивидуальной выгодой альтруиста, Дюркгейм и Зиммель видели в альтруизме поведение, направленное на благо группы как надиндивидуального целого.
2. Развитие социологической теории в XX веке – создание структурно-функциональной теории Т. Парсонса и, в особенности, ее последующая критика (в первую очередь за чрезмерное внимание к нормативности социального действия), – привело к тому, что социологи практически перестали использовать понятие «альтруизм» в своих теориях и не предлагали эксплицитных объяснительных моделей подобного поведения. Являющаяся в этом смысле исключением концепция «креативного альтруизма» П. Сорокина в значительной степени

носит этико-нормативный, а не объяснительный характер, и поэтому не может рассматриваться как прямой вклад в построение научных моделей объяснения альтруизма.

3. Анализ основных моделей объяснения альтруизма в социальных и поведенческих науках позволяет выделить три «типа» альтруизма, соответствующие моделям его объяснения, каждая из которых описывает специфические механизмы поддержания альтруистического поведения:

а) *Родственный альтруизм.* Альтруистическое поведение объясняется наличием у донора и реципиента общих генов, которые получают эволюционную выгоду от альтруистических действий в результате увеличения шансов на репродукцию.

б) *Реципрокный альтруизм.* Альтруистическое поведение ориентировано на ответные альтруистические действия реципиента в будущем (или представляет собой ответ на подобные действия в прошлом) и, по сути, является взаимовыгодным обменом помощью (в том числе благами и услугами) между двумя и более индивидами.

в) *«Истинный» альтруизм.* Альтруистическое поведение не основано на непосредственной внешней выгоде для донора. Предлагаемые объяснения подобного поведения достаточно разнообразны и, как правило, включают в себя отсылки к специфической мотивации, определенным психологическим качествам или

аффективным состояниям, специфике социальной ситуации, наличию неявной (непрямой или обобщенной) реципрокности и необходимости следования интериоризированным социальным нормам.

4. Интегративный социологический подход к изучению альтруизма как многомерного явления предполагает взаимодействие известных механизмов поддержания альтруистического поведения в современных обществах и основывается на использовании соответствующих моделей объяснения. Данный подход фокусируется на изучении обыденных нормативных представлений о необходимости совершения альтруистических действий в специфических ситуациях, а также на исследовании связи подобных представлений с альтруистическим поведением. С методологической точки зрения, данный подход предполагает экспериментальное изучение факторов, определяющих воспринимаемую необходимость альтруизма, при помощи фиксации выносимых испытуемыми с внешней позиции «арбитра» суждений о ситуациях социального взаимодействия, описанных в сценариях-виньетках.
5. Предлагаемый интегративный подход продемонстрировал свою применимость в эмпирическом исследовании влияния трех основных механизмов альтруистического поведения («типов» альтруизма) на нормативные суждения о необходимости/желательности совершения альтруистических действий в контексте ежедневного взаимодействия.

Апробация результатов

Результаты данного диссертационного исследования были апробированы автором на III Всероссийском социологическом конгрессе (октябрь 2008 г., Москва), IV Всероссийском социологическом конгрессе (октябрь 2012 г., Уфа), 108-й Ежегодной встрече Американской социологической ассоциации (август 2013 г., Нью-Йорк), 109-й Ежегодной встрече Американской социологической ассоциации (август 2014 г., Сан-Франциско), Вторых Давыдовских чтениях (октябрь 2014 г., Москва), промежуточной конференции исследовательской сети RN26 Европейской социологической ассоциации (октябрь, 2014 г., Мангейм).

Основные результаты исследования отражены в ряде публикаций автора в российских рецензируемых изданиях. Кроме того, материалы исследования были использованы автором при разработке программы дисциплины «Социология морали» для студентов 3-го курса бакалавриата Департамента социологии НИУ ВШЭ.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Данное исследование эксплицирует основные модели объяснения альтруизма в социальных и поведенческих науках, а также предлагает перспективный социологический теоретико-методологический подход к изучению нормативных представлений об альтруистическом поведении, интегрирующий объяснительные возможности данных моделей в исследовании нормативных суждений об альтруистическом поведении. Данный подход может служить основой для дальнейших экспериментальных исследований

разнообразных факторов, определяющих воспринимаемую нормативность альтруизма и ее связь с альтруистическим поведением.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для преподавания курсов по социологии морали, социологической теории, методам социологического исследования, а также других дисциплин, связанных с теоретическим и эмпирическим изучением альтруизма и альтруистического поведения.

Структура и объем работы

Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 190 источников, и приложения.

Глава 1. Понятие «альтруизм» в социологии: от классических концепций к практическому забвению

Термин «альтруизм» был придуман Огюстом Контом, философом, сыгравшим определяющую роль в появлении социологии и оказавшим огромное влияние на следующее поколение социологов, многих из которых сегодня принято считать классиками нашей дисциплины. Привлечение понятия альтруизма было очень важно для зарождающейся социологии, поскольку позволяло акцентировать внимание на просоциальных аспектах поведения человека, что, в свою очередь, свидетельствовало о важности этой новой науки. Тем не менее, это, конечно же, не означает, что до того, как Конт в своей «Системе позитивной политики» [Comte, 1875a] впервые использовал этот неологизм, в истории западной философской (и религиозной²) мысли не существовало схожих идей и этических концепций – напротив, проблема поиска добродетелей всегда являлась одной из первостепенных, и отношения с ближними занимали в этом поиске особое место. Изобретение же в XIX веке слова «альтруизм» открыло дорогу научному изучению поведения, которое, пожалуй, как ничто другое характеризует человека как социальное существо.

Прежде чем приступить к анализу представлений об альтруизме в классической социологии и современных социальных науках, необходимо сделать ряд предварительных замечаний касающихся определения альтруизма, а также соотношения этого понятия с рядом близких (а также противоположных) по значению социально-научных категорий. В самом широком смысле альтруизм можно определить как поведение, приносящее пользу другим индивидам и при этом

² Анализ представлений об альтруизме в различных религиозных учениях выходит за рамки данной работы.

связанное с затратами самого действующего. Такой подход предполагает возможность изучения альтруизма как универсальной формы поведения живых организмов и, соответственно, построения общих моделей объяснения подобного поведения³. С этой, натуралистской, точки зрения, польза, затраты и, в конечном итоге, причины и механизмы поддержания альтруистического поведения могут быть идентифицированы наблюдателем объективно и не предполагают обращения к точке зрения действующего⁴.

Тем не менее, очевидно, что альтруизм у человека, в отличие от животных, связан с субъективными намерениями и смыслом, который люди придают своим действиям, из-за чего выявление и объяснение альтруизма в социологии приобретают свою специфику. По этой причине в рамках данной работы под альтруизмом в общем случае понимается *интенциональное действие, (либо бездействие) направленное на благо другого (или группы) и сопряженное с затратами для самого действующего*. Это определение позволяет очертить предмет исследования достаточно широко и поставить один из ключевых для данной работы вопросов о том, каким образом альтруистические действия могут получить научное объяснение. В то же время, в ряде случаев вопрос о соотношении субъективно и объективно понимаемого блага и затрат может привести к весьма неоднозначной идентификации того или иного действия как альтруистического, эгоистического или даже агрессивного⁵. Не претендуя на разрешение всех возникающих здесь затруднений,

³ Такой подход характерен, в частности, для социобиологии и теории сотрудничества (см. Главу 2).

⁴ См. более подробное обсуждение натурализма в контексте социологических теорий деятельности в [Девятко, 2003, с. 70-72].

⁵ Случаи убийства ради сохранения чести рода или гораздо более банальная и распространенная в современных обществах практика угощать друг друга сигаретами могут служить иллюстрациями подчас возникающих при определении альтруистических действий неоднозначных интерпретаций.

которое едва ли возможно в настоящей работе, отмечу лишь, что само благо (или, в экономических терминах, полезность) в современной науке, как правило, понимается релятивистски, и проблема его идентификации предполагает эмпирическое, а не метафизическое решение [Девятко, 2003]. Более того, понимание альтруизма как интенционального действия не означает, что субъективное намерение (или субъективное представление о благе) – это та конечная причина, которой его следует объяснять; описанному выше натуралистскому подходу (где польза-благо понимается достаточно специфическим образом), который в общем случае не привлекает понятие интенционального действия для объяснения альтруизма (как формы поведения живых организмов), в работе также будет уделено достаточно большое внимание.

Кроме того, как будет ясно в дальнейшем, понятие альтруизма в социальных и поведенческих науках тесно связано с такими близкими по смыслу и традиционными для социальных наук понятиями как мораль⁶, сотрудничество, солидарность, просоциальное поведение и т.п. Хотя детальный анализ взаимоотношений между ними не входит в задачи данной работы, определенные аспекты этой связи так или иначе будут затрагиваться в ходе дальнейшего изложения. То же

⁶ В данной работе термины «альтруизм» и «мораль» часто используются в одном ряду и необходимо в самых общих чертах прояснить их соотношение, поскольку социологическое определение морали представляет не меньшую трудность, чем определение альтруизма. Для целей настоящей работы можно воспользоваться определением Джонатана Тернера, понимающего мораль как состоящую из ряда связанных элементов: (1) абстрактные и общие культурные правила, определяющие то, что является правильным/неправильным, хорошим/плохим, подходящим/неподходящим; (2) интенсивные эмоции, ассоциированные с этими правилами; (3) чувства удовлетворения или счастья в случаях, когда поведение Я или Другого соответствует предписаниям и запретам этих правил; (4) чувства вины и стыда у индивидов, чье поведение не соответствует этим правилам; (5) негативные эмоции по отношению к тем, кто не ведет себя в соответствии с этими правилами [Turner, 2010, p. 125-126]. В той мере, в какой альтруизм соотносится с данным определением, он представляет собой моральное действие (поведение). Более подробное исследование соотношения понятий альтруизма и морали составляет предмет отдельного рассмотрения и, как следствие, невозможно в рамках данной работы.

самое касается важной проблемы отношения между понятием альтруизма и его исторически предшествовавшим антонимом – эгоизмом, детальный анализ которой здесь, безусловно, невозможен. Вместе с тем, необходимо отметить, что в рамках многих подходов следование собственным интересам в той или иной форме (что связано с понятием эгоизма, но не всегда тождественно) служит в качестве фактора, обуславливающего проявления альтруизма, поэтому проблема соотношения альтруистических и эгоистических действий (мотивации)⁷ в определенной степени найдет свое отражение в данной работе.

В этой главе я попытаюсь очень кратко остановиться на некоторых идеях, касающихся альтруизма, в истории западной философской мысли, а также проанализировать использование этого понятия в трех классических социологических концепциях – Герберта Спенсера, Эмиля Дюркгейма и Георга Зиммеля. Я также попытаюсь продемонстрировать, что с определенного момента проблематика альтруизма практически исчезла из повестки дня социологии, и для ее возвращения потребуются более внимательно отнестись к тому, что было сделано в этой области в рамках других социальных и поведенческих наук.

1.1. Альтруизм до «альтруизма»: Аристотель, Д. Юм, А. Смит

Говоря об интеллектуальных истоках анализа того, что сегодня называют альтруизмом, следует начать с такого выдающегося представителя античной традиции как Аристотель. В «Никомаховой этике» [Аристотель, 2011] он разделял добродетели на

⁷ См. обсуждение проблематичного характера дихотомии «альтруизм – эгоизм» в исследованиях мотивации, например, в [Krebs, 1991].

интеллектуальные и нравственные, определяя последние как способность выбирать среднее между двумя крайностями. Рассуждая о дружбе как одной из главных добродетелей, Аристотель указывает, что зачастую она бывает основана на удовольствии или полезности, и поэтому подобная дружба, хотя и может быть названа таковой, случайна и недолговечна, а следовательно не может претендовать на звание истинной добродетели [Аристотель, 2011, с. 302]. Об истинной дружбе, с точки зрения Аристотеля, можно говорить только тогда, когда друзья искренне желают друг другу добра, не исходя из каких-либо утилитарных интересов, а ради благополучия друга как самодостаточной цели [Аристотель, 2011, с. 303]. Для такой дружбы определяющим качеством является то, что потребность любить оказывается сильнее потребности быть любимым, что является признаком истинной добродетели. В то же время – продолжает Аристотель – все это справедливо и для характеристики отношения добродетельного человека к самому себе, поскольку он, будучи последовательным в своем мнении, точно так же желает добра и себе [Аристотель, 2011, с. 330]; таким образом, истинная любовь к другу и любовь к самому себе оказываются взаимосвязанными, причем первая основана на второй. В то же время, по мнению Аристотеля, дружба основана на более общей благожелательности, которую можно испытывать и к незнакомым людям, однако эта благожелательность сама по себе не является достаточно интенсивной для образования дружбы [Аристотель, 2011, с. 332].

Чарльз Кан полагает, что то, что Аристотель называет истинной дружбой, по сути, является максимально приближенным определением альтруизма⁸, поскольку для античной традиции в целом

⁸ В данном случае, речь идет о мотивационном определении альтруизма, характерном для ряда современных психологических и социологических концепций (см. Главу 2).

не характерны отсылки ко всему человечеству, а ремарки Аристотеля по поводу общей благожелательности не играют существенной роли в его теории [Kahn, 1981]. В то же время, на важность этой общей благожелательности много столетий спустя обратил внимание Дэвид Юм, шотландский философ XVIII века, которого многие считают наиболее выдающимся англоязычным мыслителем. В своем «Исследовании о принципах морали» Юм [1996] подчеркивает, что такие эпитеты как «общительный», «добродушный», «гуманный», «милосердный», «благодарный», «благодетельный» и т.п. существуют во многих языках, и поэтому, безусловно, выражают наивысшую добродетель, которую человек может достичь. Согласно Юму, общая благожелательность является не менее реальной и естественной предрасположенностью человека, чем эгоизм, к которому философы зачастую пытаются свести объяснение любой ипостаси человека (что, по мнению Юма, происходит из-за чрезмерной любви последних к простым объяснениям). По крайней мере значительная часть человеческой благожелательности, полагает Юм, может быть объяснена тем, что такая черта является полезной как для общества, так и для всего человеческого рода: «Голодный от него [благожелательного человека] получает пищу, нагой – одежду, невежественный и ленивый – мастерство и трудолюбие. Подобно солнцу, исполнителю воли провидения, он подбадривает, животворит и поддерживает окружающий мир» [Юм, 1996, с. 186]. Полезность всегда приятна, поэтому, с точки зрения Юма, благожелательность вызывает всеобщее одобрение.

Современник и друг Юма Адам Смит, известный прежде всего как один из основоположников политической экономии, в 1759 году – задолго до своего знаменитого «Богатства народов» – опубликовал большое произведение под названием «Теория моральных чувств»

[Smith, 2006]⁹, которое начинается с известного изречения: «Какую бы степень эгоизма мы не предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем» [Smith 2006, p. 4]. Такое желание, полагает Смит, обусловлено чувством симпатии¹⁰, то есть способностью эмоционально сочувствовать другому, которая возникает у наблюдателя тогда, когда он представляет, что бы чувствовал сам в похожей ситуации (Смит подчеркивает, что в этом процессе важна роль именно воображения – в отличие от простого восприятия аффекта). Причем, как указывает Эллиас Халил своей статье, посвященной реконструкции теории человеческого поведения Адама Смита [Khalil, 1990], последний использует термин «симпатия» для обозначения как основания моральных суждений, так и мотивации. Халил также полагает, что позиция Смита по вопросу соотношения эгоистических и альтруистических мотивов в суждениях и поведении не является однозначной и предполагает активную роль незаинтересованного оценивающего наблюдателя. По мнению Смита, оценить действие другого как достойное одобрения или осуждения, нельзя с точки зрения того человека, кто стал объектом для этого действия, поскольку последний «естественным образом» будет благодарен за благотворительный поступок и возмущен поступком оскорбительным [Smith, 2006, p. 61]. Напротив, незаинтересованный наблюдатель, прежде чем, например, со-почувствовать благодарность одного человека по отношению к другому только потому, что этот другой стал причиной счастья первого, должен сперва понять мотивы

⁹ Существует русскоязычный перевод этой работы [Смит, 1997]. Тем не менее, из-за ряда неточностей перевода здесь и далее я ссылаюсь на англоязычное издание.

¹⁰ Смит использует это слово в значении, близком к современному слову «эмпатия».

благотворителя (также при помощи симпатии): если они не являются достойными, то тот, безусловно, одобрения не заслуживает. Если же наблюдатель установил, что мотивы благотворителя были в высшей степени достойными (должными), то, с точки зрения Смита, последний заслуживает самой высокой награды [Smith, 2006, p. 63].

Этот же принцип, полагает Смит, нужно применять и для оценки достоинства собственных поступков: для этого необходимо абстрагироваться от собственных мотивов и занять позицию воображаемого незаинтересованного наблюдателя [Smith, 2006, p. 99]. Этот воображаемый незаинтересованный наблюдатель является не чем иным как чувством совести, благодаря которому человек понимает, что является всего лишь одним из многих; совесть призывает к действию в соответствии с великодушными и благородными мотивами [Smith, 2006, p. 118]. В то же время, Смит критикует тех моралистов, которые призывают к безграничному состраданию ко всем несчастным в мире, поскольку внутренний наблюдатель должен заботиться и о своих собственных нуждах. Более того, подобные идеи абсурдны, ведь в среднем на Земле «на каждого человека, страдающего от боли или горя, найдутся двадцать, пребывающих в благополучии и радости, или, по крайней мере, в терпимых обстоятельствах. Безусловно, нет никакой причины для того, чтобы мы плакали вместе с одним, а не радовались с двадцатью» [Smith, 2006, p. 122]. Такая чрезмерная симпатия ко всем несчастным, в конечном итоге, бесполезна и губительна, поскольку, из-за очевидной невозможности помочь всем страждущим, она порождает только чувство тревоги у того, кто ее испытывает.

На примере трех выдающихся представителей философской традиции – Аристотеля, Дэвида Юма и Адама Смита – я попытался показать, что проблема альтруизма в истории западной мысли

разрабатывалась задолго до изобретения самого понятия; более того, многие ключевые для данной исследовательской области идеи (о мотивации, эмоциях и полезности) были высказаны за целые столетия и даже тысячелетия до того, как альтруизм стал предметом изучения современной эмпирической науки. Вместе с тем, появление в XIX веке новой науки об обществе придало огромный импульс исследованию просоциальных аспектов поведения человека (а также соответствующих нормативных представлений), что нашло отражение в трудах целого ряда ученых, которых сегодня принято причислять к разряду классиков социологии.

1.2. Понятие альтруизма в классической социологии: Спенсер, Дюркгейм, Зиммель

Сам автор неологизма Огюст Конт противопоставлял альтруизм эгоизму как тот тип поведения, который, с его точки зрения, необходимо всецело развивать и поощрять [Comte, 1875a; Pickering, 2009], причем последовательное подчинение эгоизма альтруизму рассматривалось Контом как центральная проблема человеческой жизни. С точки зрения контовского позитивизма, эгоизм и альтруизм как специфические аффективные принципы соответствуют двум фундаментальными формам организации жизни – индивидуальной и коллективной. Прогресс в значительной степени состоит в развитии подчинения индивидуальной жизни коллективному началу, в пределе выступающему как все Человечество. В «Системе позитивной политики» Конт пытается построить «истинную теорию аффективной жизни» [Comte, 1875a, p. 559] и выстраивает своеобразные классификации различных аффектов по степени близости к двум крайним полюсам. С его точки зрения, эгоизм и альтруизм являются

принципами, проявляющими себя как у животных, так и у людей, но альтруизм у человека достигает наивысшего состояния, поскольку служит сильнейшим импульсом интеллектуального и нравственного развития: «Существо – человек или животное – которое не любит ничего вне себя, и в действительности живет только для себя, самым этим фактом обречено на проведение жизни в унылой чередке невежественного безразличия и неконтролируемого возбуждения» [Comte, 1875a, p. 566]. Поэтому индивидуальное и коллективное благополучие всецело зависит от степени развития «благожелательных инстинктов». Понятие альтруизма у Конта выступало ключевой характеристикой будущего желаемого состояния общества, и с точки зрения «субъективного метода» культивирование этого принципа являлось основной задачей изобретенной им религии Человечества: «Живи для других – это простейшая формулировка всего морального кодекса позитивизма» [Comte, 1875a, p. 566].

Хотя в современной науке творческое наследие Конта редко воспринимается как актуальное, основоположник позитивизма оказал огромное влияние на своих последователей, многие из которых оставили в истории социологии гораздо более заметный след: одним из таких последователей был Герберт Спенсер.

Спенсер известен как один – наряду с Чарльзом Дарвином – из основоположников эволюционизма в социальных науках – именно он, в частности, придумал известное выражение «выживание наиболее приспособленного». Для концепции Спенсера характерно сочетание социально-эволюционных и прогрессистских идей (здесь наиболее очевидно влияние Конта) – это касается и его взглядов на соотношение эгоизма и альтруизма в развитии общества, чему он посвятил две главы своих «Научных оснований нравственности» [Спенсер, 1896]. С его точки зрения, последней необходимо принять

«неэтичную мысль», согласно которой эгоизм эволюционно предшествует альтруизму, поскольку каждое существо, для того чтобы просто выжить, должно в первую очередь удовлетворять свои собственные потребности, так что ни о каком изначальном альтруизме не может быть и речи. Спенсер полагает, что альтруизм всегда вторичен по отношению к эгоизму – более того, именно здоровая забота о себе позволяет сохранять достаточно сил для помощи ближним: в сообществах, состоящих из здоровых и сильных людей, общий уровень счастья будет гораздо выше по сравнению с теми сообществами, где люди пренебрегают собственными интересами (что, по мнению Спенсера, есть верный путь к депрессии и несчастью). С его точки зрения, чрезмерный альтруист, забывающий о собственных нуждах и удовольствии, во-первых, своим плачевным духовным и физическим состоянием создает проблемы для окружающих, а, во-вторых, становится неспособным к сколь-нибудь продуктивному альтруистическому поведению [Спенсер, 1896, с. 216]. Кроме того, важным фактором является наследственность: человеку, который заботится о благополучии потомства, необходимо быть эгоистичным не только в смысле поддержания функционирования собственного организма, но и всячески стремиться к получению «должного количества» удовольствий от жизни. Эта способность к получению удовольствия и пребыванию в хорошем расположении духа, по мнению Спенсера, передается по наследству (равно как и склонность к депрессии), и уже из этих соображений необходимо проявлять заботу о себе в первую очередь [Спенсер, 1896, с. 219].

Спенсер (как и Смит) критикует моралистов, проповедующих безграничный альтруизм, поскольку такой способ поведения в конечном итоге приводит к доминированию эгоизма: чрезмерная тенденция к самопожертвованию во благо других может привести к

смерти до брака или потере привлекательности для противоположного пола, в результате чего альтруист не оставит после себя потомства, в то время как число эгоистов, которые не пренебрегают собственными интересами, неизбежно увеличится¹¹ [Спенсер, 1986, с. 218]. Впрочем, Спенсер полагает, что сами проповедники безграничной любви к ближнему, как правило, не спешат следовать собственным максимам и не отдают последнее ради благополучия всех нуждающихся, что лишний раз доказывает справедливость тезиса о том, что человек изначально является существом эгоистичным. Кроме того, Спенсер пишет, что удовольствие от совершения альтруистического поступка (кроме которого, согласно изречению Смита, сам альтруист ничего не получает), безусловно, занимает свое место в сумме удовольствий, которую человек получает от жизни и в этом смысле с необходимостью является эгоистичным [Спенсер, 1896, с. 234].

Тем не менее, Спенсер отдает себе отчет в том, что альтруизм, хотя и основанный на изначальном эгоизме, является не менее характерным и «существенным» для живых организмов, чем последний. Наиболее показательным примером альтруизма является забота о потомстве и «поддержании вида», причем этот альтруизм не обязательно предполагает осознанность своих действий – напротив, он может быть «автоматическим»: «Всякое бессознательное или сознательное действие, влекущее трату индивидуальной жизни с целью увеличения жизни в других индивидах, бесспорно альтруистично в известном, – если не в обычном, – смысле; в этом смысле нужно понимать его здесь для того, чтобы мы могли видеть,

¹¹ По сути, Спенсер обращает внимание на одну из главных проблем эволюционной биологии. Однако разработанные позднее теории родственного и группового отбора позволяют понять, почему альтруистическое самопожертвование при отсутствии прямых потомков не всегда бывает эволюционно бессмысленным [Maynard Smith, 1964].

как сознательный альтруизм вырастает из бессознательного» [Спенсер 1896, с. 222]. Спенсер рассматривает альтруизм как универсальный биологический феномен, последовательно развивающийся из «автоматической» и «неосознанной» формы у примитивных животных к «полу-осознанной» и «осознанной» форме у высокоразвитых животных¹² и людей. На определенном этапе развития человеческого общества этот универсальный «родительский альтруизм» превращается сначала в «семейный» (объектами альтруистических действий служат члены собственной семьи), а затем и в «социальный» (направленный на членов более широкой, не родственной социальной или политической группы). При этом главным принципом объяснения «социального» альтруизма у Спенсера остается эволюционный принцип индивидуальной выгоды, которую каждый человек получает от пребывания в сообществе альтруистично настроенных соплеменников, поскольку «если люди, вместо житья порознь, должны соединяться для защиты или других целей, то каждый из них в отдельности должен получать от образования союза более блага, чем вреда. В общем выводе, от антагонизма тех, с кем он ассоциируется, он должен потерять меньше, чем все же выигрывает от ассоциирования» [Спенсер, 1896, с. 226]. Одной из основных форм альтруизма, делающей ассоциацию людей возможной, по мнению Спенсера, является снижение агрессии и неиспользование насилия по отношению к соплеменникам (добровольное, а не из страха перед наказанием), от чего каждый получает выгоду в виде собственной безопасности.

¹² Аргумент об «осознанности» или «полу-осознанности» альтруизма у животных у Спенсера основан, в частности, на том, что некоторые из них демонстрируют возбуждение в ситуации опасности для своего потомства и «горе» в случае его гибели, т.е. именно внешние проявления эмоций, с точки зрения Спенсера, указывают на эту «осознанность».

Стоит отметить, что противопоставление альтруизма и эгоизма служит у Спенсера важным методологическим принципом в свете позитивистской идеи об общественном прогрессе. В книге «Изучение социологии», опубликованной в 1873 году и вызвавшей тогда самый живой интерес по обе стороны Атлантики, а ныне почти забытой [Carneiro, 1974], он пишет о двух «религиях»¹³: «У первобытного человечества была только одна религия; у людей отдаленного будущего будет тоже одна. Эти две религии совершенно противоположны друг другу, и мы, стоя на полдороге цивилизации, принуждены веровать в обе» [Спенсер, 2006, с. 230]. Спенсер называет их «религией вражды» и «религией согласия» - первая основана на примитивном эгоизме, вторая – на безграничном альтруизме. В каждый момент эти «религии» находятся в известном соотношении, которое изменяется с течением времени, и социологии необходимо всегда иметь это в виду [Спенсер, 2006, с. 234]. Крайние случаи – как ничем не сдерживаемый эгоизм, так и чрезмерный альтруизм – являются фактически и логически невозможными, и, по мнению Спенсера, общественный прогресс основан на взаимодействии и балансе двух этих сил.

Понятие альтруизма играло важную роль в концепции другого классика социологии – Эмиля Дюркгейма, человека, который, как и Спенсер, сделал очень многое для обоснования необходимости социологии, и которому она в значительной степени обязана своей институционализацией. Для Дюркгейма, также воспринявшего позитивистские идеи Конта, было важно показать, что социология имеет свой собственный предмет изучения – общество как особую надындивидуальную реальность, не сводимую к взаимодействию

¹³ Спенсер оговаривается, что использует это слово не в буквальном смысле (в отличие от Конта, воспринимавшего религию Человечества, проповедующую альтруизм, буквально). Скорее он говорит о двух экстремальных типах нормативных представлений.

индивидов. С другой стороны, Дюркгейм был моралистом не в меньшей степени, чем социологом [Turner, 2005; Alexander, 1986], и анализировать роль понятия альтруизма в его концепции необходимо в контексте его социально-онтологических и нормативистских воззрений.

Идея общества как реальности своего рода является центральной в концепции Дюркгейма. В своей известной работе, посвященной проблеме разделения общественного труда [Дюркгейм, 1996], он пишет о двух типах солидарности (которая, по сути, является для него синонимом общественного состояния как такового¹⁴) – механической, основанной на сходстве между людьми и их группами, и характерной для примитивных обществ, и органической, характерной для современных сложных обществ и основанной на взаимозависимости людей по причине разделения труда; Дюркгейм полагал, что в ходе истории первая постепенно уступает место последней. В примитивных обществах люди в известном смысле не отличаются друг от друга, и индивидуальное сознание растворяется в сознании коллективном, чему, с точки зрения Дюркгейма, есть масса примеров. Он критикует позицию (в первую очередь, Спенсера), которая утверждает, что «эгоизм – отправная точка человечества, а альтруизм, наоборот, недавнее завоевание» [Дюркгейм, 1996, с. 204], игнорирующую ту роль, которую общество играет для подавления и нейтрализации «борьбы за существование». Спенсер, по мнению Дюркгейма, неверно понимает примитивные общества как основанные на жесткой централизации под властью вождя и подавлении личности, поскольку интерпретирует «эти факты глубокой древности, исходя из современных понятий» [Дюркгейм, 1996, с. 202]. На самом деле, полагает Дюркгейм, в примитивных

¹⁴ О концепции солидарности Дюркгейма см. подробнее, например в [Gofman, 2014].

обществах таких понятий как личность или индивидуальность просто не существовало, а единственной силой, которой индивид мог подчинить свою волю, являлась группа как целостное надиндивидуальное образование. Именно группа является объектом альтруистического поведения, которое в крайних случаях доходит до самопожертвования в виде «альтруистического» самоубийства [Дюркгейм, 1998].

В то же время, очевидный рост индивидуализации современного общества представлялся Дюркгейму серьезной моральной проблемой, и, обосновывая взаимозависимость людей в современных обществах, он пытался решить эту проблему и совместить индивидуальную свободу с внешним принуждением: с его точки зрения, современный индивидуализм возможен лишь постольку, поскольку для этого существуют определенные внешние по отношению к индивиду условия, выраженные в специфической морали. «Морально, можно сказать, все то, что служит источником солидарности, все, что заставляет человека считаться с другими, регулировать свои движения не только эгоистическими побуждениями. И нравственность тем прочнее, чем сильнее и многочисленнее эти узы» [Дюркгейм, 1996, с. 406]. Альтруизм, как действия на благо не отдельного человека, а группы в целом, служит выражением солидарности, какую бы форму ни имела последняя: «Везде, где существует общество, существует альтруизм, потому что существует солидарность» [Durkheim, 1984, p. 145].

Как и Спенсер, Дюркгейм придает большое значение семье, этому «политическому обществу в миниатюре» [Durkheim, 2003, p. 26], в процессе усвоения моральных норм, касающихся

альтруистического поведения¹⁵. Однако, в отличие от эволюционистской позиции Спенсера, полагавшего «родительский» и «семейный» альтруизм одним из наиболее ранних и фундаментальных, Дюркгейм расставляет акценты так, что кровное родство перестает выглядеть определяющим фактором для семейного альтруизма: в современных обществах «естественное» родство все чаще уступает место «искусственному», т.е. не биологическому, а социальному. С точки зрения Дюркгейма, семья – это в первую очередь группа, обусловленная физической близостью и общностью («солидарностью») интересов, а кровное родство всего лишь способствует этому объединению. Именно семья является той первичной моральной общностью, «школой альтруизма и самоотречения» [Durkheim 1984, xliv], в которой индивид усваивает регулирующие поведение моральные нормы.

Помимо семьи, в условиях современного разделения труда одними из ключевых моральных общностей, по мнению Дюркгейма, являются корпорации и профессиональные группы. В серии лекций, опубликованных на английском языке под названием «Профессиональные этики и гражданская мораль» [Durkheim, 2003], он проводит некоторые важные различия, касающиеся природы моральных норм или «правил поведения». Во-первых, пишет Дюркгейм, моральные нормы можно разделить на две большие категории: происходящие из внутренней человеческой природы и основанные на принадлежности индивида к конкретной группе. В первый тип входят нормы, являющиеся универсальными и относящиеся к человечеству вообще (в которые, пишет Дюркгейм,

¹⁵ Следует подчеркнуть, что в данном отношении оба следуют за Контом, считавшим семью ключевым элементом морального воспитания. С точки зрения Конта, семья играет определяющую роль в появлении тех альтруистических чувств, которые затем распространяются на членов политической группы и, в конце концов, на все Человечество [Comte, 1975b (1852), p. 155].

входит все, что способствует уважению и прогрессу людей): они, в свою очередь, подразделяются на нормы, характеризующие отношение человека к самому себе («индивидуальные моральные принципы»), и нормы, касающиеся отношений к другим людям как таковым – без привязки к какой-то конкретной группе. С точки зрения Дюркгейма, нормы второго типа, «которые определяют обязанности людей к своим братьям, просто как к другим людям, формируют вершину этики» [Durkheim, 2003, p. 3]. Между этими двумя крайними случаями, тем не менее, находятся моральные нормы, определяющие отношения между людьми постольку, поскольку они принадлежат к конкретным социальным группам – например, профессиональным. Фактически, полагает Дюркгейм, в обществе существует столько профессиональных этик, сколько существует различных профессий: «Этот моральный партикуляризм, – если мы можем его так назвать – которого не существует в индивидуальной этике, появляется в домашней семейной морали, продолжается и достигает наивысшей точки в профессиональной этике и угасает в гражданской морали, чтобы окончательно исчезнуть в морали, которая управляет отношениями людей как человеческих существ»¹⁶ [Durkheim, 2003, p. 5].

Несмотря на центральное место, которое в концепции Дюркгейма занимает общество как реальность *sui generis*, он уделяет внимание и рассмотрению индивида, поскольку, с его точки зрения, невозможно изучать целое без анализа элементов, из которых оно состоит. В своей поздней работе Дюркгейм обращает внимание на то, что в самых разных культурах люди, как правило, воспринимают себя

¹⁶ Интересно сравнение взглядов на природу морали Дюркгейма и концепции двух источников морали философа Анри Бергсона [Бергсон, 1994], выделявшего «статическую» мораль, обусловленную включенностью человека в конкретную группу, и «динамическую» характеризующуюся направленностью на все человечество (см. подробнее в [Гофман, 1994]).

как состоящих из двух различных сущностей – тела и души. Поскольку подобные верования распространены практически повсеместно, полагает Дюркгейм, они не могут быть полностью ошибочными, и «психологический анализ, фактически, подтвердил существование этой двойственности: он находит ее в самом сердце нашей внутренней жизни» [Durkheim, 1973, p. 151]. Разум и деятельность человека, который предстает как *homo duplex* [Shilling, Mellor, 1998], состоят из двух форм – «чувств и чувственных тенденций» и «абстрактного мышления и моральной деятельности». Чувства, пишет Дюркгейм, с необходимостью являются эгоистичными, поскольку удовлетворение, например, голода или жажды, имеет отношение только к самому индивиду и ни к чему большему. Напротив, «моральная деятельность» направлена на нечто трансцендентное по отношению к индивиду, нечто «другое», чем он сам не является: «мораль начинается с незаинтересованности, с привязанности к чему-то, отличному от нас». Именно эта необходимая для человека привязанность к чему-то внешнему побуждает его к альтруистическим поступкам, поскольку «ошибочно полагать, что эгоисту живется легко» [Durkheim, 1973, p. 153]. Для Дюркгейма таким квази-религиозным источником альтруистических действий выступало общество как реальность *sui generis*.

Третьим представителем классической социологической традиции, чью концепцию альтруизма мы рассмотрим в данной работе, является Георг Зиммель. Традиционно Зиммеля считают одним из наиболее эклектичных социальных теоретиков – тем не менее, он известен как создатель оригинальной концепции формальной социологии. Как и в случае Дюркгейма, анализировать использование понятия альтруизма в концепции Зиммеля можно лишь в контексте его более общих социально-онтологических взглядов. С

его точки зрения [Simmel, 1950], существование социологии как самостоятельной дисциплины может быть проблематично в том смысле, что изучением общества уже занимаются самые разные науки, например, экономическая теория. Кроме того, одним из аргументов против научного статуса социологии может быть утверждение, согласно которому общества как особой реальности не существует, и единственным легитимным («реальным») объектом научного изучения являются индивиды. Однако, пишет Зиммель, даже если принять верность последнего утверждения, сторонники подобной точки зрения забывают, что людям в принципе свойственно абстрактное мышление, а любой синтетический познавательный процесс неизбежно привносит нечто новое в тот объект, на который он направлен. Социология в этом смысле не является исключением – это с необходимостью абстрактная наука, занимающаяся изучением «форм» обобществления, т.е. процессов организации индивидов в новые целостные образования. «Общество» (Зиммель часто использует это слово в кавычках), таким образом, состоит из повторяющихся взаимодействий индивидов, и в качестве такого абстрактного образования является предметом изучения специфической науки [Simmel, 1950, p. 11]. Социология, по мысли Зиммеля, должна заниматься изучением абстрактных форм социальных взаимодействий, безотносительно к их конкретному содержанию. Таким образом, с точки зрения Зиммеля, социология имеет свою собственную перспективу, подчеркивающую фундаментальный характер формирования целостных социальных образований из формальных взаимодействий.

Следуя за Иммануилом Кантом, который ставил вопрос об условиях существования природы, Зиммель ставит вопрос о том, как возможно общество [Зиммель, 1996]? Ответ на него в чем-то сходен с

теорией познания Канта, который полагал, что мир формируется при помощи априорных категорий мышления: люди, с точки зрения «эпистемологической теории общества» Зиммеля, взаимодействуя, априори видят друг друга принадлежащими к неким социальным категориям, воспринимая другого как «чиновника», «купца», «офицера» и т.п., т.е. неизбежно проводя некоторую социальную генерализацию. С другой стороны, каждый «элемент группы» является не только ее частью, но, помимо этого, чем-то еще: «Это экстра-социальное бытие, его темперамент и осадок от опыта, его интересы и ценность его личности, как бы мало все это не меняло главную сущность бюрократической, торговой, военной деятельности, все же дает индивиду, в каждом случае, для всякого, с кем он находится в контакте, определенный оттенок, и глубоко проникает в его социальную картину при помощи вне-социальных штрихов» [Зиммель, 1996, с. 516]. Таким образом, индивид для Зиммеля, как и для Дюркгейма, выглядит как все тот же *homo duplex*, частично принадлежащий к группе как целостному единству, а частично сохраняющего свою вне-социальную природу.

Это различие двух сторон жизни индивида очень важно для понимания смысла, который Зиммель вкладывает в понятие «альтруизм». С его точки зрения, индивид и общество находятся в постоянном конфликте: последнее, как результат объединения индивидов в новый феномен, «развивает свои собственные орудия и органы, с чьими требованиями и приказами индивид сталкивается как с чуждой стороной» [Simmel, 1950, p. 58]. Индивид ощущает этот конфликт внутри себя, поскольку одна его часть желает принадлежать обществу, а другая – быть вне этого общества и следовать своим собственным интересам. Общество, между тем, борется за свое единство и целостность, требуя от индивида затрачивать все свои

силы для того, чтобы выполнять свои функции как элемента этого целого; индивид же, со своей стороны, тоже борется за свою целостность, т.е. за возможность развивать свои способности без учета нужд общества. Зиммель использует дихотомию альтруизм-эгоизм именно для характеристики таких отношений: стремление индивида к реализации собственных интересов вопреки воле общества выглядит как эгоизм, в то время как общество требует от индивида альтруистических действий, т.е. отречения от своих интересов полного в пользу интересов общества. С другой стороны, это требование общества является не чем иным как эгоизмом, который в предельном случае приводит к полному самоотречению индивида, и, как следствие, его «чрезвычайно односторонней специализации и даже атрофии» [Simmel, 1950, p. 59]. Это противостояние двух «эгоизмов» – индивида и общества (которое в последнем случае скрывается под маской альтруизма) – с точки зрения Зиммеля, принципиально неразрешимо.

В то же время, Зиммель подчеркивает, что противопоставление эгоизму альтруизма не всегда является правомерным, поскольку не может описать все возможные мотивации человеческих действий. С его точки зрения, существование определенных вещей может представлять собой «объективную ценность», не имеющую прямого отношения к чьим-либо интересам (и в некоторых случаях только случайным образом с этими интересами совпадающую): «Мы чувствуем себя обязанными в этом [следовании объективным интересам] сотрудничать, не спрашивая всегда, доставляет ли это удовольствие или ведет ли это к выгоде для какого-либо человека, т.е. соответствует ли это собственным интересам или интересам другого» [Simmel, 2004, p. 240]. Возможно, пишет Зиммель, ссылаясь на Гете и Ницше, всестороннее развитие и совершенствование человека как

такое является именно такой объективной ценностью и поэтому не может считаться проявлением эгоизма. Более того, это совершенствование человека может не иметь никакого отношения к его собственному счастью и даже ему противоречить [Simmel, 1950, p. 60]. Зиммель подчеркивает, что «третья альтернатива» эгоизму и альтруизму не имеет никакого отношения к взаимоотношениям людей (т.е. не может быть характеризована как проявление одного или другого) и представляет собой независимое следование объективным идеалам.

Несмотря на то, что принципы объяснения альтруизма у Спенсера, Дюркгейма и Зиммеля достаточно различны, данное понятие играло значительную роль в концепциях этих крупнейших представителей классической социологии. Альтруизм занимал важное место в ряду схожих социологических понятий, характеризующих просоциальную направленность поведения человека. Казалось, традиция изучения альтруизма должна была бы получить в социологии богатое продолжение; тем не менее, в XX веке ситуация сильно изменилась.

1.3. После классиков: почему проблематика альтруизма исчезла из социологии?

Стивен Хитлин и Стивен Вэйси, редакторы «Настольной книги по социологии морали», определенно правы, полагая, что классики социологии пришли бы в некоторое замешательство, обнаружив, что эта исследовательская область в настоящее время пребывает не в самом лучшем состоянии [Hitlin and Vaisey, 2010]. Действительно, трудно себе вообразить реакцию, к примеру, Дюркгейма, которому бы на глаза попала книга по социологии, изданная в 2014 году, под

названием «Настольная книга по альтруизму, морали и социальной солидарности: формулирование области исследований» [Jeffries, 2014] – вероятно, один из отцов-основателей социологии, который считал все три понятия центральными для этой науки, впал бы в глубокое уныние. Тем не менее, (к сожалению для Дюркгейма) авторы этой книги нисколько не грешат против истины – проблематика альтруизма и морали в определенный момент стала в социологии настолько маргинальной¹⁷, что сегодня требуются большие усилия по ее «воскрешению». Социологи с какого-то момента практически перестали использовать понятие «альтруизм» в своих теориях и объяснительных моделях. Тем не менее, нельзя сказать, что схожая проблематика и не присутствовала в социологических концепциях в менее эксплицитной форме. Так, например, теория социального действия Макса Вебера [Вебер, 1990], который, по данным Роберта Вутноу [Wuthnow, 1993], редко употреблял сам термин, оставляет возможности для интерпретации альтруистических действий. Проблема заключается в том, что альтруизм можно представить и как ценностно-рациональное действие (например, мотивированное желанием помочь нуждающемуся), и как целе-рациональное (ориентированное на возможную выгоду от помощи); альтруистическое поведение матери, с риском спасающей попавшего в опасность ребенка, может выглядеть и как аффективное действие. Вутноу отмечает, что проблематику альтруизма можно отыскать и в анализе Вебером героизма и самопожертвования как характеристик воинской этики древних обществ.

Тем не менее, пожалуй, определяющим этапом для судьбы морали и альтруизма в социологии стала разработка теории действия

¹⁷ Хитлин и Вэйси приводят данные о частоте употребления терминов «мораль» и «моральный» в двух ведущих американских социологических журналах, которая с середины XX века сократилась более чем в два раза [Hitlin and Vaisey, 2013].

Толкотта Парсонса [Parsons, 1966; Parsons and Shils, 1951]. Его целью было создание интегрированной, системной модели действия, одной из ключевых характеристик которого является нормативная ориентация, представленная в ряде типовых переменных, каждая из которых, в принципе, может иметь отношение к описанию альтруистического действия. Этими типовыми переменными являются: 1) аффективность – аффективная нейтральность, 2) ориентация на себя – ориентация на коллектив, 3) универсализм – партикуляризм, 4) приписывание – достижение, и 5) специфичность – диффузность. Основная мысль Парсонса заключается в том, что при каждом действии осуществляется выбор из этих альтернатив как возможных нормативных ориентаций. Эти категории, с точки зрения Парсонса и его коллег, могут «в равной степени быть использованы для описания как актуального поведения, так и нормативных ожиданий, и они являются достаточно точными для первых приближений в сравнительном анализе» [Parsons and Shils, 1951, p.79]. Развивая свою системную теорию общества, Парсонс придавал большое значение моральным ценностям как определенным институциональным ограничениям допустимости действий¹⁸: «Его [актора] ориентация действия, т.е. выбор, который он осуществляет из альтернатив, с неизбежностью сталкивается с “личностными” интересами других акторов, с которыми он взаимодействует, а также коллективов, членом которых он является, коль скоро эти интересы не могут быть точно отделены друг от друга. В той степени, в которой оценивается его “ответственность” за эти интересы других и коллективные интересы, актер имеет дело с “моральной” проблемой» [Parsons, 1991, p. 32]. Продолжая классическую дюркгеймианскую

¹⁸ В одном месте Парсонс определяет мораль как «необходимое условие минимума стабильности» [Parsons, 1991, с. 136].

традицию, Парсонс выделяет, с одной стороны, «личную мораль», имеющую отношение к «эго-интегративной» функции, а с другой – определяет моральное действие в терминах следования интересам коллектива [Parsons, 1991, p. 99]. Эта «альтруистическая» ценностная ориентация на коллектив принимает форму нормативных ожиданий, которые в конкретном случае соотносятся с той или иной социально-ролевой позицией. В качестве эмпирической иллюстрации своей абстрактной концепции системы действия Парсонс рассматривает профессию врача как наиболее очевидный пример «альтруистической» нормативной ориентации, т.е. необходимости ставить благо пациента выше собственной выгоды, равного отношения к каждому и т.п. Парсонс, тем не менее, оговаривается, что, несмотря на «альтруистичность» нормативной ориентации в данном случае, мотивация следования врачебной этике может быть основана на собственных интересах, поскольку врач, не соответствующий определенным для своей профессии нормативным ожиданиям, рискует остаться без работы или подвергнуться более жестким санкциям [Parsons, 1991, p. 317]. Тем не менее, в фокусе внимания теории Парсонса находятся не эгоистические или альтруистические психологические мотивы действия, а его «внешняя» нормативная ориентация и комплекс ролевых ожиданий.

Несмотря на то, что альтруистическое действие в том или ином случае может в принципе быть рассмотрено как некая констелляция из предложенных Парсонсом типовых переменных (например, аффективное, ориентированное на коллектив, универсальное и т.д.), а также на некоторые (весьма редкие) эмпирические иллюстрации, теория Парсонса в целом слишком абстрактна для того, чтобы говорить о ее увязке с конкретным поведением конкретных людей. Кроме того, громоздкая теоретическая система Парсонса, по сути,

служила не столько средством объяснения тех или иных действий, сколько специфическим языком описания социальной реальности. По этой и целому ряду других причин системная теория Парсонса во второй половине XX века утратила свое доминирующее положение в социологии [Гоулднер, 2003].

Если Парсонс в свое время задавался вопросом, кто убил Спенсера [Parsons, 1966, p. 3], то Хитлин и Вэйси полагают, что он сам является главным подозреваемым в деле об убийстве (или, как минимум, причинении тяжкого вреда здоровью) социологии морали [Hitlin and Vaisey, 2013]. С их точки зрения, теория Парсонса была чрезмерно ориентирована на «моральный консенсус», и следование внешним нормам, а человек в ней выглядел, по выражению одного из главных критиков Парсонса Гарольда Гарфинкеля, «культурным придурком» [Garfinkel, 1967: Lynch, 2012]. Признавая, что нельзя рассматривать падение интереса социологов к альтруизму как нечто, случившееся одномоментно, Вутноу также отмечает, что концепция типовых переменных Парсонса сыграла в этом процессе одну из определяющих ролей: в то время как одни социологи находили ее слишком абстрактной для того, чтобы использовать в эмпирическом исследовании, другие эмпирически обнаружили, что действительное поведение в определенных сферах (таких, как наука) основана не в меньшей степени на «контр-нормах» [Wuthnow, 1993, p. 249-345], в результате чего встал вопрос об адекватности этой концепции, а также преувеличении значимости социальных норм как таковых. Таким образом, альтруизм, сначала превратившийся в констелляцию типовых переменных действия, окончательно покинул социологическую повестку дня вместе с последними – что вполне укладывается в русло развития социологической теории во второй половине XX века.

Кроме того, Вутноу видит еще одну фундаментальную причину более чем заметного снижения интереса социологов к изучению альтруизма. С его точки зрения, в то время как раннехристианская идея «любви к ближнему» основывалась на божественном откровении, а пришедшие к ней на смену идеи Просвещения предполагали отсылки к внутренней человеческой природе, в современной социологии нет ничего такого, что имело бы сопоставимый онтологический статус: «Усилия по превращению альтруизма в нечто, укорененное в генетическом отборе, утилитарном интересе или рациональном выборе могут быть рассмотрены именно как попытки обосновать его чем-то фундаментальным» [Wuthnow, 1993, p. 350]. С Вутноу можно согласиться в том плане, что перманентное сомнение многих социологов-теоретиков в основаниях собственной науки [Коллинз, 1994] определенно не способствовало интересу к объяснению альтруизма – чего нельзя сказать о тех дисциплинах, чьи базовые основания (и как следствие – научный статус) не кажутся их представителям столь зыбкими¹⁹.

Впрочем, «позднеконтовский» позитивистский проект социологии как источника социальных преобразований не до конца утратил свое значение, поскольку, пожалуй, единственным из крупных социологов XX века, активно использовавшим понятие альтруизма в своей работе, был Питирим Сорокин. Он создал своеобразную теорию «креативного альтруизма» или «любви», которые, с его точки зрения, должны быть основополагающими принципами поведения людей [Sorokin, 1967]. Этой теме он посвятил целый ряд работ, которые могут быть охарактеризованы скорее как

¹⁹ Тот энтузиазм, с которым социобиология и, позднее, эволюционная психология взялись за изучение человеческого альтруизма позволяет предположить, что социологии, в отличие от этих и некоторых других дисциплин, помимо прочего, просто не хватило общей сциентистской ориентации.

основанные на моралистической и квази-религиозной риторике: как отмечает Вутноу, «среди своего поколения, Питирим Сорокин уделял этому [альтруизму] наиболее эксплицитное внимание, хотя, как и многие из других его работ, его изучение альтруизма получило сравнительно мало последующего внимания, возможно по причине того, что оно было интерпретировано как производное в большей степени от его философских и религиозных убеждений, нежели систематического научного исследования» [Wuthnow, 1993, p. 345]. Инна Пономарева анализирует историю развития взглядов Сорокина от неопозитивизма (в российский и ранний американский периоды творчества) до фокуса на социальной и культурной динамике и «интегрализме», а также «креативном альтруизме» (в поздний американский период) – с ее точки зрения, русская философская и религиозная мысль, традиционно подчеркивающая важность принципов «деятельной любви» и «непротивления злу насилием»²⁰, оказала определяющее влияние в том числе и на позднейшие труды Сорокина [Ponomareva, 2011]. Барри Джонстон также полагает, что ключевым этапом в творчестве Сорокина стал переход от позитивизма и утверждений, что эмпирическая социология является единственной удовлетворительной парадигмой для дисциплины к более абстрактным и нормативно-нагруженным концепциям [Johnston, 1996]. Джонстон связывает эти события с изменением соотношения сил на социологическом факультете Гарварда в 1940-е годы (т.е. стремительно набравшим влияние Парсонсом²¹), а также с тем, что Сорокин остро воспринимал кризис и «деморализацию» современного общества, при этом считая мейнстримовую социологию

²⁰ Пономарева пишет, что смерть Льва Толстого глубоко потрясла молодого Сорокина, который позднее написал статью, посвященную реконструкции и защите его философских взглядов [Сорокин, 1912].

²¹ См. подробное обсуждение причин того, почему Сорокин, в отличие от Парсонса, не сформировал своей научной школы, в другой работе Джонстона [Johnston, 1986].

«бесплодной». Тем не менее, подобную тематику можно проследить уже в очень ранних, «позитивистских» работах Сорокина.

Так, в своей ранней статье от 1913 года Сорокин ставит вопрос о том, может ли этика быть нормативной наукой, или, в более общем виде, существует ли такая вещь как «нормативная наука» [Сорокин, 1913]? Анализируя характер нормативных суждений, он занимает не-когнитивистскую позицию, согласно которой, по отношению к подобным суждениям вопрос об истинности или ложности в строгом смысле неприемлем, из чего следует, что о собственно научном характере этических концепций говорить нельзя. «Теоретическая наука», с точки зрения Сорокина, представляет собой совокупность логических суждений об истинном и ложном, и поэтому «этика, как и всякая наука, не может быть нормативной, ибо нормативная наука – не наука, а может быть только теоретической, изучающей сущее как оно есть» [Сорокин, 1913, с. 15-16]. Как и Дюркгейм, Сорокин считает, что, прежде чем давать какие-то рекомендации в области этики, необходимо изучить реальные причинно-следственные отношения между явлениями нравственной жизни. Именно отсутствием внимания к реальным фактам, с точки зрения Сорокина, объясняется практическая несостоятельность большинства этических систем, основанных на постулатах, которые не могут быть названы общепризнанными («постулировать каждому вольно все, что Бог на душу положит, ... но это отношения к науке не имеет» [Сорокин, 1913, с. 21]). Тем не менее, Сорокин признает возможность и даже необходимость создания «практической» этической науки, которая будет исходить не из необоснованных постулатов, а из тех принципов, которые де-факто признаются общезначимыми. С одной стороны, пишет Сорокин, «[т]еоретически одинаково обоснован или необоснован и идеал действенной любви и действенной ненависти.

Нет никаких логических оснований, которые бы заставили принять первый и отвергнуть последний или наоборот» [Сорокин, 1913, с. 26]. С другой стороны, с точки зрения Сорокина, на практике общезначимым, безусловно, признается идеал любви, поскольку даже «[с]амые “отчаянные” теоретики эгоизма, ненависти и индивидуализма фактически сплошь и рядом были великими альтруистами, коллективистами и людьми, помогавшими и любившими других» [Сорокин, 1913, с. 27]. Практическая общезначимость идеи альтруизма, по мнению Сорокина, вполне может служить основанием для развития прикладной науки, которая, развивая «моральные технологии», способствовала бы общественному прогрессу. Уже в этой ранней статье Сорокина присутствует тема «кризиса» социальной жизни, а также необходимости следования этическим идеалам «действенной любви», выраженным, в том числе, и в религиозных учениях.

Принято считать ранний этап творчества Сорокина «позитивистским» или «сциентистским», поскольку в это время он занимался в основном тем, что сам называл теоретической наукой. В вышедшей в свет в том же году работе «Преступление и кара, подвиг и награда», написанной в достаточно бихевиористском ключе, Сорокин разделяет человеческие действия (в их субъективном выражении, т.е. с точки зрения самого действующего) на три категории: «дозволенно-должные», «запрещенные» и «рекомендуемые» [Сорокин, 2006 (1913), с. 122]. Первые соотносятся с соответствующими представлениями о должном поведении, с правами и обязанностями которыми люди наделяют друг друга. «Запрещенные» действия характеризуются тем, что противоречат представлениям человека о должном поведении. Наконец, к «рекомендуемым» действиям относятся все те добровольные

поступки, которые не противоречат представлениям о должном, но, напротив, представляют собой некоторый «избыток» того, что можно было бы ожидать – сюда, с точки зрения Сорокина, относятся как простые ежедневные проявления «доброты», вроде одалживания коллеге редкой книги для чтения, так и более выдающиеся альтруистические поступки, выходящие за рамки ожиданий. Эти типы действий («актов») соотносятся с соответствующими типами реакций на них: так, в случае «запрещенного» действия (преступления) реакцией является наказание, в случае «рекомендуемого» (подвига) – награда. С точки зрения Сорокина, в процессе развития общества происходит переход от общественно-полезного поведения, обусловленного карами и наградами, к поведению, которое мотивированно исключительно общественной пользой, и таким образом «природа человека» постепенно улучшается: «Кары и награды нужны были для того, чтобы уничтожить кары и награды» [Сорокин, 2006 (1913), с. 491]. Сорокин соглашается с позитивистами в том, что общественный прогресс действительно имеет место – при этом прогресс понимается на основании предпосылки об общезначимости альтруистического нравственного идеала: «Если мы считаем социально полезное (альтруистическое) поведение лучшим, чем социально вредное (эгоистическое),...если мы считаем поведение человека, руководствующегося только стимулом общественной пользы, лучшим, чем поведение человека, руководствующегося карами и наградами, если, наконец, мы считаем отсутствие кар и наград, не ведущее к росту социально вредных поступков, лучшим, чем беспощадные кары и грандиозные награды..., то должны сказать, что исторический процесс, несмотря на зигзаги и отклонения, в своем целом виде есть и прогресс» [Сорокин, 2006 (1913), с. 485-485]. Ярко выраженная сциентистская ориентация работы Сорокина – широкое

использование статистики и склонность к бихевиористским объяснениям – тесным образом переплетается с нормативными оценками поведения и стремлением к реализации альтруистических идеалов.

К моменту образования Гарвардского исследовательского центра креативного альтруизма, фокус работ Сорокина окончательно сместился из области «теоретической» в область «прикладной» науки. Получение значительной финансовой поддержки позволило Сорокину начать исследования, направленные, по выражению Джонстона, на то, как «создавать лучших людей» [Johnston, 1996, p. 233]; на основании этих исследований он выдвинул ряд практических рекомендаций для усиления альтруизма, т.е. подчинения поведения идеалам «действенной любви» [Sorokin, 1967; Долгов, 2014]. Тем не менее, как отмечает Вадим Сапов, эти усилия «не получили широкой поддержки со стороны многих его коллег в США и исследовательских институтов» [Сапов, 2002, с. 150]; Джонстон, в свою очередь, заключает, что в результате своих не слишком свойственных академической традиции исследований «Сорокин превратился в более маргинализованную фигуру, и был отодвинут на задворки дисциплины» [Johnston, 1996, p. 235]. Известно характерное замечание Льюиса Козера, считавшего исследования альтруизма Сорокина недостойными даже обсуждения в качестве потенциального вклада в социологическую теорию [Coser, 1977, p. 491]. Несмотря на последующее избрание Сорокина президентом Американской социологической ассоциации (как знак определенного признания среди коллег), а также на растущий интерес к творчеству Сорокина среди некоторых современных социологов [Кротов, Долгов, 2011], следует признать, что исследования альтруизма Сорокиным до сих пор мало поспособствовали продвижению в научном объяснении

этого явления. Кроме того, как будет ясно из следующей главы, утверждения некоторых исследователей творческого наследия Сорокина о том, что его сочинения «стали классикой для тех, кто изучает альтруизм, мораль и солидарность» [Krotov, 2012, p. 366], могут ввести в заблуждение, поскольку, как минимум, не способствуют формированию адекватного представления о достижениях в этой исследовательской области.

1.4. Выводы

По результатам проведенного в данной главе анализа основных концепций альтруизма в классической социологической традиции можно сделать следующие выводы:

1. С одной стороны, альтруизм являлся одним из важных понятий в ряде классических социологических концепций, поскольку позволял акцентировать внимание на социальных характеристиках человека, и, как следствие, легитимизировать существование этой новой для конца XIX века науки. Спенсер, придававший большое значение здоровому эгоизму, предлагал эволюционное объяснение альтруистическому поведению, исходя из принципа индивидуальной выгоды, которую получают члены сообществ, состоящих из альтруистов. Для Дюркгейма альтруизм выступал своего рода определяющим качеством социальности, подчеркивающим влияние, оказываемое на индивидов обществом, как особой формой реальности; кроме того, понятие альтруизма, как действия на благо социальной группы как внешней и превосходящей индивида целостности, играло важную роль в контексте его

нормативистских идей. Зиммель же, считавший альтруизм не более чем эгоизмом общества по отношению к собственным членам и придававший большое значение проистекающему из этого конфликту, полагал, что само противопоставление эгоизма и альтруизма бывает ложным, поскольку человеческие взаимоотношения не имеют никакого значения в случае, когда речь идет о следовании объективным идеалам. Альтруизм входил в круг базовых социологических понятий и, кажется, как нельзя лучше подходил в качестве одного из основных проблемных полей для новой науки об обществе.

2. С другой стороны, развитие социологической теории в XX веке парадоксальным образом привело к тому, что социологи стали отказываться от эксплицитного использования термина «альтруизм» и попыток объяснения поведения, которое этот термин отражает; и хотя альтруистическое поведение можно попытаться понять в контексте общих социологических теорий действия (таких, например, как теории Вебера и Парсонса), проблематика альтруизма и морали в социологии в значительной степени отошла на второй план. Концепция «креативного альтруизма» П. Сорокина может быть охарактеризована скорее как этико-нормативная, чем объяснительная, и поэтому в настоящий момент не может рассматриваться как значимый вклад в научное понимание альтруизма.

Главное, тем не менее, заключается в том, что проблематика альтруизма, несмотря на практически полное забвение в социологии, активно разрабатывалась в других социальных и поведенческих

науках, которые достигли в этой области значительных успехов. Следующая глава посвящена анализу моделей объяснения альтруистического поведения, сложившихся в эволюционной биологии, антропологии, экономике, психологии и других смежных с социологией дисциплинах. Возможно, более внимательное отношение к концепциям, разработанным в рамках других научных областей, позволит возрождающейся сегодня социологии морали предложить собственный подход к изучению альтруизма.

Глава 2. Основные модели объяснения и методологические подходы к изучению альтруизма в социальных науках

В этой главе я остановлюсь на основных объяснительных моделях альтруизма и подходах к его исследованию, характерных для ряда дисциплин, изучающих поведение человека – биологии, антропологии, экономики, психологии и др. Особое внимание будет уделено тем механизмам, при помощи которых альтруизм получает объяснение в различных социальных и поведенческих науках. При этом я основываюсь на концептуальной схеме, неявно присутствующей у многих исследователей ([Cunningham, 1986; Monroe, 1994, 1996; Elster, 2007] и др.), которая предполагает выделение трех «типов» альтруизма: родственного, реципрокного и «истинного». Эта классификация позволяет понять различие в подходах к объяснению такого зачастую парадоксального и сложного явления как человеческий альтруизм через различие в механизмах, ответственных за поддержание подобного поведения. Кроме того, в задачи данной главы входит обзор наиболее важных и интересных исследований альтруизма в социальных и поведенческих науках, что также позволит продемонстрировать возможность и потенциал традиционных для этих дисциплин методов его эмпирического изучения – в первую очередь, экспериментальных – для «новой» социологии морали.

2.1. Родственный альтруизм

Хотя для многих моральных философов и классиков социологии связь родства и альтруистического поведения выглядела вполне

естественной (см. Главу 1), проблема возникновения альтруизма долгое время волновала эволюционных биологов [Michod, 1982; Frank 2013], поскольку поведение, направленное (в конечном итоге) на увеличение шансов на выживание и репродукцию другого организма, часто сопряжено с риском для собственной жизни, на первый взгляд, противоречит самому принципу естественного отбора предполагающего конкуренцию организмов за возможность воспроизводства [Дарвин, 1953]. И все же распространенность альтруистического поведения в животном мире столь очевидна²², что необходима была эволюционная теория, способная объяснить этот кажущийся парадоксальным факт. Такое объяснение было предложено теорией родственного отбора, которая предлагает рассматривать в качестве элементарных единиц селекции не индивидов или группы, а отдельные гены²³. Выдающийся эволюционный биолог Уильям Гамильтон [Hamilton, 1963, 1964] использовал понятие «коэффициента связности» r (разработанного Сиуолом Райтом еще в 1922 году [Wright, 1922]), который определяет вероятность того, что данный ген, содержащийся в ДНК двух индивидов, является «идентичным по происхождению», т.е. представляет собой копию одной и той же аллели одного из предков. Так, в случае пары сиблингов $r=0,5$, в случае пары племянник – дядя $r=0,25$ и т.д. По мнению Гамильтона, проявление альтруизма наиболее вероятно, когда выполняется условие $rB > C$, где B – польза для реципиента, а C – затраты для «альтруиста». Отсюда следует, что (при прочих равных), чем больше это отношение, и чем вероятнее наличие у индивидов общих генов, тем больше шансов обнаружить существование альтруистического поведения. «Правило Гамильтона»

²² На это указывали еще Петр Кропоткин и Уордер Клайд Эли (см. [Dugatkin, 2006]).

²³ В популярной форме основные принципы теории родственного отбора изложил Ричард Докинз в своей знаменитой книге «Эгоистичный ген» [Докинз, 2013 (1976)].

способно объяснить широкую распространенность альтруизма среди животных, включая как достаточно очевидные вещи вроде родительской заботы о потомстве, так и, к примеру, поразительную эусоциальность общественных насекомых (так, феноменальная забота рабочих пчел о своих сестрах – кормление и уход за личинками – может объясняться тем, что значение коэффициента связности между ними равняется $0,75^{24}$, что значительно превышает данный показатель между сиблингами для большинства видов с половым размножением). Сам Гамильтон, чьей главной страстью были общественные насекомые, полагал, что предложенная им теория справедлива и для людей, признаваясь, однако, что ему лично очень хотелось бы верить в то, что «все мы выше этого и являемся предметом для более непостижимых законов»²⁵ (подробнее см. в [Dugatkin, 2006]).

В «Эгоистичном гене» Ричард Докинз [Докинз, 2013 (1976)] выдвинул гипотезу о существовании особого механизма альтруистического поведения в рамках родственного отбора – так называемого «эффекта зеленой бороды». Поскольку, как ясно из «правила Гамильтона», для альтруизма важно не родство как таковое, но наличие общих генов, Докинз предположил, что гипотетически возможна ситуация, при которой определенный ген (или «связка»

²⁴ Пчелы гаплодиплоидны: женские особи имеют диплоидный набор хромосом (т.е. половину генов они получают от отца, а половину – от матери), в то время как трутни (самцы) с гаплоидным набором хромосом не имеют отца и все свои гены получают от матери. Таким образом, сестры в колонии оказываются исключительно сильно генетически связанными между собой (сильнее, чем они были бы связаны со своими собственными детьми).

²⁵ Следует отметить, что идеи Гамильтона о родственном отборе вызывают бурное критическое обсуждение, в том числе и в отечественной научно-популярной литературе (см. например [Панов, 1997]). Критики, как правило, указывают на то, что «гипотеза гаплодиплоидии» не применима к ряду видов эусоциальных насекомых (таких как термиты, которые имеют диплоидный набор хромосом), усложнена фактами множественного спаривания самок гаплодиплоидных видов, а также сталкивается с рядом других затруднений. Вместе с тем, критическое отношение к данной гипотезе не снижает объяснительный потенциал теории родственного альтруизма (см. подробнее в [Queller, Strassmann, 1998]).

генов) обуславливает, с одной стороны, некоторый внешний признак, который может быть идентифицирован другим индивидом (вроде зеленой бороды), а с другой – тенденцию помогать тем, кто этот признак демонстрирует. В такой ситуации носители зеленых бород получают преимущество от взаимопомощи, даже при отсутствии у них других общих генов. Несмотря на спекулятивный характер гипотезы Докинза, существуют некоторые данные в ее поддержку, по крайней мере, для ряда видов [West, Gardner, 2012]; впрочем, до возможности ее прямой экспериментальной проверки применительно к людям еще далеко.

Проблема родственного альтруизма, как правило, интересует эволюционных биологов в общем случае, и теоретические модели строятся безотносительно к какому-либо конкретному виду [Hamilton, 1964; Maynard Smith, 1964; Frank, 2013]. Вместе с тем, после публикации ключевых работ Гамильтона некоторые антропологи попытались применить набиравший популярность эволюционно-биологический подход к традиционному для своей дисциплины анализу систем родства в человеческих сообществах. Так, Наполеон Шаньон и Пол Багос высказали идею о том, что общепринятые антропологические объяснения родственных отношений (в первую очередь, символические) могут быть дополнены более общим научным объяснением, основанном на эволюционной биологии и теории родственного отбора [Chagnon, Bugos, 1979]. В качестве иллюстрации этой идеи они приводят описание случая конфликта в индейском племени Яномамо в Венесуэле в 1971 году, который привел к групповой драке с применением оружия, и свидетелями которого оказались антропологи. Запечатленный на фото- и кинолентку конфликт между двумя мужчинами, принадлежащими к разным частям недавно разделенной деревни (один из которых

защищал от оскорбления свою сестру), быстро оброс новыми участниками, вступавшими в драку на стороне одного или другого. Через некоторое время накал страстей снизился до взаимных вербальных оскорблений членов противоборствующих групп, и вскоре конфликт затих. Основываясь на данных своих информантов о родственных отношениях – в генеалогическом, а не терминологическом смысле – между участниками драки, Шаньон и Багос подсчитали коэффициенты связности между ними: оказалось, что участвующие в драке в каждой из групп оказались сильнее связанными между собой, чем с представителями противоборствующей группы. С точки зрения исследователей, этот факт позволяет говорить о релевантности теории родственного отбора для объяснения поведения членов примитивных культур, а также конфликтов между ними²⁶; кроме того, Шаньон и Багос призвали исследователей человеческих обществ к разработке новых исследовательских программ, ориентированных на использование достижений эволюционной биологии²⁷.

Как и антропологи, специалисты в области экспериментальной и когнитивной психологии обратили внимание на потенциал объяснительных возможностей теории родственного отбора для объяснения человеческого альтруизма, но, в отличие от первых, попытались применить подобный подход для изучения членов современных обществ. Юджин Бернштейн, Кристиан Крэндэлл и Шинобу Китаяма [Burnstein, Crandall, Kitayama, 1994] провели серию экспериментов, чтобы комплексно оценить эффекты родственного

²⁶ Следует оговориться, что исследования Шаньона породили острые дебаты о возможной роли антрополога в провоцировании конфликтов среди Яномамо, а также целый ряд споров об этической стороне работы полевых антропологов [Borofsky, 2005].

²⁷ См. обзор антропологических данных, свидетельствующих в пользу теории родственного отбора (и реципрокного альтруизма, см. ниже) в [Essock-Vitale, McGuire, 1980]. Кроме того, обзор данных о связи генетического родства и показателей убийств в современных обществах см. в [Daly, Wilson, 1988].

альтруизма на взаимодействия людей, предсказанные теорией Гамильтона. Они предлагали испытуемым гипотетические сценарии, описывающие ситуации, в которых людям требовалась помощь, варьируя релевантные для теории родственного отбора переменные, такие как пол, возраст, социальное положение и здоровье предполагаемых реципиентов помощи, а также степень их родства с предполагаемым донором. Кроме того, одним из ключевых факторов выступала ситуация взаимодействия, которая могла быть либо «ежедневной» (не представляющей ни для кого особой угрозы), либо содержать себе прямую угрозу жизни предполагаемым реципиентам. В целом, результаты экспериментов показали, что в условиях «жизнь или смерть» испытуемые были склонны выбирать в качестве объектов альтруистических действий более близких родственников по сравнению с более дальними, молодых по сравнению со старыми, здоровых по сравнению с больными (а также фертильных женщин по сравнению с женщинами в постменопаузе) – что свидетельствует в пользу теории родственного отбора. Напротив, в условиях ежедневного взаимодействия без рисков для чьей-либо жизни испытуемые отдавали предпочтение молодым или старым по сравнению с людьми среднего возраста, больным по сравнению со здоровыми, женщинам по сравнению с мужчинами, а также бедным по сравнению с богатыми – что авторы объясняют действием «совести и вежливости». Бернштейн, Крэндэлл и Китаяма также ссылаются на ряд исследований, выявивших эффект родственного альтруизма в реальных ситуациях класса «жизнь или смерть» (например, известного пожара в доме отдыха на острове Мэн в 1973 году), а также на антропологические данные, согласно которым в некоторых примитивных культурах, где точное определение отцовства бывает затруднительно, мужчины инвестируют больше ресурсов в детей

своих сестер, чем жен, выбирая таким образом наиболее близкого родственника из тех, в чьем родстве можно быть уверенным.

Тем не менее, взаимодействия людей в современном обществе столь сложны и многообразны, что могут возникнуть сомнения в релевантности «правила Гамильтона» применительно к человеку (в частности, еще Дюркгейм, рассуждая о семье, указывал на то, что в человеческих обществах «природное» родство зачастую уступает место «социальному» [Durkheim, 2003], что, очевидно, снижает объяснительный потенциал биологических детерминант поведения). Специалисты в области социальных наук осуществили ряд попыток проверки универсальности «правила Гамильтона» применительно к человеку, сфокусировавшись на тех переменных, которые, теоретически, могли бы опосредовать родственный альтруизм – среди недавно опубликованных работ можно отметить исследования Г. Рачлина и Б. Джонса [Rachlin, Jones, 2008], а также О. Карри, С. Робертса и Р. Данбора [Curry, Roberts, Dunbar, 2013]. Тема биологических детерминант поведения человека традиционно является сензитивной для ученых (и не в последнюю очередь – социологов) и, как правило, вызывает жаркую полемику (см. [Wozniak, 1984; Ellis, 1977] и др.), поэтому имеет смысл остановиться на данных работах более подробно.

Говард Рачлин и Брайан Джонс провели исследование, призванное проверить справедливость выводов Гамильтона и определить, какое место родственный альтруизм занимает у людей. Для начала они попросили испытуемых представить себе список из 100 человек, которых они знают (как родственников, так и нет), и проранжировать их, начиная от самых близких и заканчивая едва знакомыми – таким образом была измерена социальная дистанция. Исследователи определили 7 критических точек (номера 1,2,5,10,20,50

и 100), после чего участники указали, в каких отношениях они состоят с людьми, занимающими в списках эти позиции (мать, сестра, друг, сосед и т.д.). Далее была проведена интересная с точки зрения концептуализации альтруизма процедура: испытуемых просили ответить на вопрос, от какой суммы они готовы отказаться ради того, чтобы человек, находящийся на определенной позиции в списке, получил \$75. Например, некто готов «пожертвовать» \$25 для того, чтобы человек, занимающий строчку под номером 10, получил \$75; в то же время если на кону стоят уже \$50, то он скорее заберет эти деньги себе, оставив другого ни с чем. Таким образом, чем больше сумма «пожертвования», на которое испытуемый готов пойти, тем более альтруистичным его можно считать в сравнении с другими (если речь идет об одной и той же позиции в списке).

Примечательно, что для определения наличия родственной связи Рачлин и Джонс прямо использовали коэффициент связности r : в тех случаях, когда его значение между испытуемым и упомянутым им человеком в списке превышало 0,03125, они считались родственниками²⁸. Оказалось, что, по мере увеличения порядкового номера в списке (а с ним – социальной дистанции), процент родственников практически неуклонно снижался, начиная от 72 для первого места и заканчивая 5 для последнего. Испытуемые имели тенденцию «жертвовать» большими суммами для более близких родственников, причем для каждого числового значения социальной

²⁸ Коэффициент r для двух индивидов представляет собой сумму путей коэффициентов по всем линиям до общего предка. Путевой коэффициент между предком A и потомком B рассчитывается по формуле $r_{AB} = (\frac{1}{2})^n \sqrt{(1+f_A)/(1+f_B)}$, где f_A и f_B – коэффициенты инбридинга для A и B , а n – число поколений между ними. Коэффициенты инбридинга, в свою очередь, можно вычислить по формуле $f = 2h - 1$, где h – вероятность того, что данный гипотетический ген является гомозиготным. Как поясняет Райт, значения h будут стремиться к 1 в популяциях с интенсивным инбридингом; в случае же, если в популяции доминантные и рецессивные гены представлены в равных пропорциях, для потомства двух случайно отобранных индивидов $h=0.5$ (подробнее см. в [Wright, 1922]).

дистанции родственники получали больше денег по сравнению с неродственниками. Эти результаты позволили исследователям заключить, что в человеческом обществе для альтруистических действий родственные связи являются более важным фактором, чем социальная дистанция, что свидетельствует в пользу идей Гамильтона. В то же время в качестве недостатков такого типа исследований перспективного альтруистического поведения следует отметить высокую вероятность получения социально желательных ответов, а также влияние на ответы испытуемых их собственных интересов (таких как поддержание собственного образа) и других неконтролируемых исследователем переменных (например, специфики взаимоотношений испытуемых с конкретными людьми, на вопросы о которых они отвечали). Кроме того, очевидно, что к результатам исследований моральных суждений следует относиться весьма осторожно, когда целью является изучение действительного поведения (см. о т.н. проблеме «разрыва» между моральными суждениями и моральным поведением, например в [Blasi, 1980]).

Возможно, тем не менее, что существуют другие факторы, имеющие не меньшее влияние на желание людей совершать альтруистические поступки, чем факт кровного родства с предполагаемым реципиентом (точнее, воспринимаемое родство). Еще одно недавнее исследование, направленное на выявление подобных переменных, было проведено Оливером Карри, Сэмом Робертсом и Робинот Данбаром из Института когнитивной и эволюционной антропологии Оксфордского университета [Cunyu, Roberts, Dunbar, 2013]. С точки зрения исследователей, факторами, опосредующими влияние родственного альтруизма, могли стать эмоциональная близость, а также положение реципиента в социальной сети донора. Последняя была операционализирована следующим

образом: респондентов спрашивали, с кем они контактируют каждую неделю, каждый месяц или каждый год. В этих случаях названных людей относили к одному из трех «слоев» социальной сети респондента – «слою поддержки», «слою симпатии» или «активному слою», соответственно. Далее для каждого «слоя» участников исследования попросили определить четырех человек: по одному родственнику и другу каждого пола (всего, таким образом, сеть каждого респондента состояла из 12 человек). Респондентов просили оценить насколько «эмоционально близким» является для них каждый член сети по шкале от 1 (совсем не близкий) до 10 (очень близкий). Для измерения альтруизма участникам исследования был задан вопрос, насколько вероятно, что они пожертвуют почку для каждого члена сети, а также предложена шкала от 1 (очень маловероятно) до 7 (очень вероятно). Результаты проведенного многоуровневого анализа данных позволили исследователям сделать вывод о том, что люди были склонны выражать больший альтруизм по отношению к членам семьи, чем друзьям, и «степень» альтруизма уменьшалась от «слоя поддержки» к «активному слою». Причем «эффект родства» оказался значимым даже при контроле «эмоциональной близости», что является сильным свидетельством в пользу теории родственного отбора.

Данные работы представляются важными, поскольку исследователи осуществили попытку интеграции традиционно социологических (социально-психологических) концепций измерения социальной дистанции и социальных сетей с теоретическими выводами эволюционной биологии. Полученные результаты, с одной стороны, говорят о том, что люди не являются исключением из «правила Гамильтона», а с другой – оставляют поле для дальнейших исследований в этой области. Рачлин и Джонс, например, признаются,

что социальную дистанцию можно понимать по-разному: кто-то считает друга близким человеком просто потому, что с ним весело проводить время, и это вовсе не обязательно влечет за собой желание отдавать ему крупную сумму денег. Напротив, вы можете недолюбливать своего дядю, но полагать, что он скорее сможет оказать вам ответную помощь в будущем – поэтому вы склонны пожертвовать ему больше денег. Рачлин и Джонс также признают существование и другого типа мотивации альтруистических действий, когда последние выступают частью определенных ценностно-нормативных паттернов, которым следует в своей жизни тот или иной человек (то, что можно назвать «истинным» альтруизмом) – и которые уже по этой причине вызывают желание совершать подобные поступки.

2.2. Реципрокный альтруизм

«Отец» социобиологии Эдвард О. Уилсон, кажется, всерьез опасался, что распространенность «иррационального» родственного альтруизма (в его терминах – «жесткого») в конечном итоге может привести чуть ли не к краху цивилизации, поскольку действия исключительно на благо своей родственной (этнической) группы ставят предел международному сотрудничеству и грозят бесконечными войнами [Wilson, 1988]. К счастью, по мнению Уилсона, люди достаточно эгоистичны для того, чтобы рациональность и трезвый расчет взяли верх и «мягкий» (реципрокный) альтруизм получил широкое распространение. Мотивация такого «альтруизма» абсолютно утилитарна, поскольку, совершая альтруистический поступок, человек ожидает «реципрокации со стороны общества». В отличие от Уилсона,

эволюционный биолог Роберт Триверс, который в свое время и ввел в научный обиход понятие реципрокного альтруизма, полагал, что последний не требует для своего объяснения привлечения идеи группы в том или ином виде и может быть сведен к повторяющимся взаимодействиям между двумя индивидами [Trivers, 1971]. Для иллюстрации своих идей Триверс использует следующий пример²⁹: представьте, что вероятность тонущего человека погибнуть, при условии, что никто не попытается ему помочь, равна 0,5. Представьте также, что вероятность того, что потенциальный спасатель погибнет, бросившись в воду на помощь, значительно меньше, например, 0,05. Утопающий всегда тонет, если тонет спасатель, и всегда остается в живых, если и тому удастся выплыть. Предположим также, что затраты энергии на попытку спасения относительно невелики по сравнению с шансами выжить. В том случае, утверждает Триверс, если описанная ситуация представляет собой единичное явление, очевидно, что спасателю вовсе не стоит рисковать своей жизнью и следует оставить утопающего наедине с его собственной судьбой. Но что произойдет, если подобная ситуация сложится еще раз, причем утопающий и спасатель поменяются местами? Несомненно, в таких условиях обоим будет выгодно обменять 50% шанс спастись собственными силами на приблизительно 90% ($0,95 \cdot 0,95$) вероятность выжить с помощью другого – таким образом, отбор будет благоприятствовать распространению реципрокного альтруизма.

В свое время еще Петр Кропоткин, основываясь на собственных наблюдениях во время экспедиции по Сибири, обратил внимание на важность взаимопомощи как «фактора эволюции» – в противовес вульгарно понимаемому социал-дарвинистами принципу естественного отбора как выживания сильнейшего [Кропоткин, 1907].

²⁹ Сам образ, по-видимому, заимствован из работ Джона Холдейна (см. [Dugatkin, 2006])

Позже к подобным выводам пришли и специалисты в области теории игр [Swedberg, 2001], использующие в качестве одного из основных методов компьютерные имитации взаимодействий между индивидами. Так, одно из наиболее известных исследований было описано Робертом Аксельродом в его книге «Эволюция сотрудничества», частично написанной в соавторстве с Гамильтоном [Axelrod, 1984]. Главный тезис Аксельрода (и Гамильтона) состоит в том, что сотрудничество в форме реципрокного альтруизма может быть адекватно смоделировано при помощи формализованной игры «Дилемма заключенного». В самом общем виде игра представляет собой ситуацию выбора для каждого из двух игроков – сотрудничать или отказаться от сотрудничества. В соответствии с правилами игры, если оба игрока выберут сотрудничество, то каждый из них получит равное число баллов, например 3. Если оба откажутся от сотрудничества, то каждый получит минимальное количество баллов, например, 1. Если же один из игроков выберет сотрудничество, а второй от него откажется, то первый получит 5 баллов, а второй – 0³⁰. Как и Триверс, Аксельрод полагает, что в случае, если два игрока играют в игру (т.е. взаимодействуют) не единожды, а неопределенное количество раз, между ними может возникнуть продолжающееся взаимовыгодное сотрудничество, поскольку постоянное взаимодействие превратится в «эволюционно стабильную стратегию»³¹ [Weibull, 1995]. Им был объявлен конкурс на лучшую компьютерную программу со стратегией, которую может использовать игрок при игре в «Дилемму заключенного» с повторами, для того, чтобы набрать наибольшее число баллов (под «стратегией» в данном случае понимается алгоритм действий игрока в зависимости

³⁰ Здесь важны не абсолютные значения баллов, а их ранговое соотношение.

³¹ Т.е. такую, которая, при условии достаточной распространенности в популяции, не может быть вытеснена другой стратегией.

от действий оппонента). После проведения серии компьютерных имитаций взаимодействий выяснилось, что наиболее успешной оказалась простая реципрокная стратегия TIT FOR TAT: сотрудничать в первом раунде, а затем принимать то решение, которое было принято вторым игроком в предыдущем раунде. Такая стратегия позволяет поощрять сотрудничество второго игрока ответными действиями, а также наказывать его за нарушение реципрокного обмена. Эти данные, полагает Аксельрод, говорят об универсальной важности реципрокного сотрудничества, в том числе и для человеческого альтруизма, поскольку «мы все встречали избалованных детей, людей, которые ожидают от других заботы и великодушия, но не думают ни о чьих нуждах, кроме своих собственных. С такими людьми нужно обращаться не так, как с более заботливыми людьми, иначе они будут нас эксплуатировать. Это рассуждение предполагает, что цена альтруизма может быть контролируема тем, чтобы быть альтруистичным сначала по отношению ко всем, а затем только к тем, кто демонстрирует схожие чувства. Но это быстро возвращает нас к реципрокности как основанию сотрудничества» [Axelrod, 1984, P. 135-136].

Тем не менее, аргументация специалистов по компьютерным симуляциям носит достаточно абстрактный характер, в то время как пример Триверса с взаимным спасением утопающих нагляден, но малореалистичен³². Вместе с тем, следует отметить, что антропологи давно обратили внимание на чрезвычайно важный характер обмена в человеческих группах [Мосс, 2011]. Маршалл Салинз [Салинз, 1999] использовал понятие «обобщенной реципрокности», отражающее тот факт, что в примитивных культурах «материальная сторона обмена

³² Если только вам с приятелем не приходится по два раза в неделю поочередно тонуть и спасать друг друга.

часто подавляется социальной». Когда один член такого общества помогает другому, это не означает, что реципрокация должна быть немедленной или равноценной. Напротив, обобщенная реципрокность предполагает, что ответ может иметь неопределенную задержку по времени и быть неопределенного свойства, которые зависят от актуальных потребностей оригинального донора, причем, с точки зрения Салинза, отсутствие ответной помощи не приводит в дальнейшем к отказу от альтруистических действий. Такая позиция заметно контрастирует с исследованиями в традиции социобиологии [Wilson, 1975; Wilson, 2007; Баскин, 2014] теории сотрудничества [Axelrod, 1984], которые уделяют особое внимание объяснению механизма образования непрямой реципрокности [Alexander, 1985; Simpson, Willer, 2008] (то есть основанной на репутации), а также способам нормативного поддержания сложившихся практик реципрокного взаимодействия (в т.ч. вычислению и «альтруистическому наказанию» [Boyd et al., 2003] тех, кто сотрудничать не желает).

Очевидный интерес представляет вопрос о соотношении родственного и реципрокного альтруизма в поведении людей – другими словами, всегда ли родственники получают больше помощи по сравнению с не-родственниками, которые оказывали помощь ранее? Подобные исследования были проведены как среди представителей примитивных культур, так и современных западных обществ. Антропологи Уэсли Аллен-Арэв, Майкл Гурвен и Ким Хилл провели исследование практик распределения пищи в резервации племени Аче в Парагвае, для того, чтобы сопоставить эффекты родства и реципрокного обмена [Allen-Arave, Gurven, Hill, 2008]. Представители этого племени делятся большей частью добываемой пищи с другими домохозяйствами (чем, как отмечают исследователи,

очень гордятся), при этом, однако, число последних сильно ограничено. Исследователи подсчитали коэффициенты связности между членами племени, основываясь на данных многолетнего (около 30 лет) наблюдения, переписях населения, а также интервью, в которых члены племени рассказывали о своих родственных отношениях. Поскольку единицей исследования были не индивиды, а домохозяйства, Аллен-Арэв, Гурвен и Хилл подсчитали коэффициенты связности между ними как средние коэффициенты связности между индивидами, входящими в состав этих домохозяйств. Выяснилось, что, в соответствии с теорией родственного отбора, эта средняя связанность значимо предсказывает число калорий, которое одно домохозяйство передает другому. В то же время данные показали, что при распределении пищи Аче скорее выбирали не те родственные домохозяйства, которые получили бы от этого больше пользы, а те, которые с большей вероятностью окажут ответную помощь, из чего исследователи заключают, что механизмы реципрокного обмена оказываются в резервации Аче более сильными.

Исследования взаимодействия механизмов родственного и реципрокного альтруизма проводились и в современных городах – в качестве примера можно привести опрос 300 женщин в Лос-Анджелесе, проведенный Сьюзан Эссок-Витали и Майклом МакГуайэром в 1984 году [Essock-Vitale, McGuire, 1985]. В ходе многочасового интервью женщинам задавались вопросы, кающиеся, в том числе, того, сколько помощи различного вида они получали от своих родственников и знакомых, а также предоставляли им, за последний год. В целом, ответы респондентов показали, что помощь друзьям с большей вероятностью носила реципрокный характер, чем помощь родственникам, от которых респонденты получали наибольшую долю помощи (пропорциональную степени родства) –

что авторы склонны объяснять наличием значимых эффектов как родственного, так и реципрокного альтруизма. Вместе с тем, недостаток подобного рода ретроспективных исследований альтруистического поведения состоит в том, что они опираются на память участников (что может быть источником значительных искажений), и их результаты подвержены влиянию собственных интересов респондента – осознанных или неосознанных. Так, Эссок-Витали и МакГуайэр отмечают, что женщины, которых они опрашивали в Лос-Анджелесе, демонстрировали признаки склонности к «самообману», поскольку сообщали, что предоставляли другим больше помощи, чем получали от них, а также в большей степени отвечали на предоставленную ранее помощь, чем другие [Essock-Vitale, McGuire, 1985, p. 171].

Другое исследование соотношения родственного и реципрокного альтруизма в поведении людей было проведено эволюционным психологом Стивом Стюартом-Уильямсом – на этот раз на традиционной для психологических экспериментов студенческой выборке [Stewart-Williams, 2007]. В данном случае исследователя, прежде всего, интересовало то, каким образом такие факторы как родство, реципрокность, а также цена помощи взаимодействуют, обуславливая альтруистическое поведение. Основываясь на теории родственного отбора, Стюарт-Уильямс предположил, что, при условии значительной цены помощи, альтруистическое поведение будет в большей степени направлено на родственников, по сравнению с не-родственниками, поскольку в данном случае риск отсутствия реципрокации компенсируется «эволюционной выгодой», которую в любом случае «получают» общие с родственником гены. Другим ключевым предположением был характер связи между полученной и предоставленной помощью,

которая, с точки зрения исследователя, должна быть наиболее сильной между знакомыми и друзьями, чем родственниками (т.е. реципрокность должна играть меньшую роль для последних). Для проверки этих гипотез было проведено следующее исследование.

Участникам, отобранным из студенческого пула, предлагалось заполнить ряд опросников. Первый из них касался определения того человека из социальной сети респондента, на вопросы о взаимоотношениях с которым необходимо было отвечать в дальнейшем (кто-то из родственников, знакомых или друзей). Далее следовало задание на определение значений слов, половина из которых касались честности, что, по мнению исследователя, должно было привести к получению более честных ответов в дальнейшем. Основной же блок вопросов касался взаимоотношений испытуемого с определенным заранее человеком из его или ее окружения: в частности, участников спрашивали о характере и количестве помощи, полученной от данного человека и предоставленной ему за последние два месяца, а также о готовности совершить серьезное пожертвование для данного человека (вплоть до пожертвования собственной почки). Проведенный анализ данных показал, что, в целом, большая степень родства ассоциировалась с большим уровнем альтруизма; кроме того, с увеличением цены помощи, ее доля, предоставляемая родственникам, увеличивалась, в то время как количество помощи неродственникам уменьшалось. Статистическая связь между предоставленной и полученной помощью была наиболее сильной в случае знакомых (даже больше, чем в случае друзей), что может служить свидетельством важности реципрокности в данной категории отношений. Обсуждая полученные результаты, Стюарт-Уильямс отмечает, что они согласуются как с теорией родственного отбора, так и с теорией реципрокного альтруизма, признавая при этом, что

возможны и альтернативные объяснения, увязывающие различия в паттернах помощи родственникам и не-родственникам с соответствующими культурными нормами.

Действительно, данные антропологии свидетельствуют в пользу того, что культурные нормы играют важную роль в поддержании механизмов реципрокного альтруизма. Теория обмена [Homans, 1958; Emerson, 1976] предлагает объяснение, согласно которому альтруизм может иметь реципрокный характер даже в тех случаях, когда это не является очевидным – для этого привлекается разработанное в классической антропологии понятие «обобщенного обмена» [Malinowski, 1922; Levy-Strauss, 1969; Ekeh, 1974; Yamagishi, Cook, 1993; Девятко, 2003]. В отличие от прямого обмена с предварительными переговорами (т.е. классической формы экономического обмена) и прямого реципрокного обмена, обобщенный обмен имеет непрямой характер, и в нем отсутствует жесткая структура – актер *A* может, на первый взгляд поступая альтруистически, время от времени отдавать нечто актору *B* или актору *C*, при том что те совершенно необязательно дают *A* нечто взамен. Однако при условии достаточной распространенности подобного способа поведения (т.е. существования соответствующей нормы), существует определенный шанс, что в конце концов *A* получит нечто от совершенно постороннего актора, и «обмен» таким образом будет завершен³³. Расширив понятие обмена до предела, альтруизм можно представить в форме «чистого обобщенного обмена» (термин Нобуюки Такахашии [Takahashi, 2000]), куда попадут такие с виду бескорыстные поступки как сдача крови для переливания

³³ О социологических теориях обмена см. подробнее в [Девятко, 2003]

или перевод незнакомой старушки через оживленную магистраль³⁴. В подобных случаях проследить всю цепочку обмена становится практически невозможно; тем не менее, эксперименты в лабораторных условиях способны до некоторой степени прояснить механизмы возникновения обобщенного обмена.

В частности, один из таких экспериментов был проведен Линдой Молм, Джессикой Коллет и Дэвидом Шэфером [Molm, Collett, Schaefer, 2007]. Исследователи попытались сравнить три различные формы обмена – прямой с переговорами, прямой реципрокный (когда переговоры в явной форме отсутствовали) и непрямым обобщенный – в небольших искусственно созданных сетях; в задачи эксперимента входила проверка гипотезы о том, что обобщенный обмен, в отличие от других типов обмена, приводит к появлению большей социальной солидарности и в большей степени сопровождается возникновением позитивных просоциальных эмоций³⁵. План эксперимента был достаточно сложным: исследователи случайным образом сгруппировали испытуемых в сети, состоящие из 3 или 4 человек, а также установили определенные возможности для обмена внутри этих сетей. Испытуемые находились в изолированных комнатах, и все взаимодействия между ними происходили исключительно при помощи компьютера (каждый участник занимал в сети постоянную и равную другим позицию и мог осуществлять обмен лишь с двумя «соседними» акторами). Так, например, в случае прямого обмена с переговорами дело происходило следующим образом: двум

³⁴ В последнем случае я, безусловно, не ожидаю от старушки ответного действия – тем не менее, обобщенный обмен может привести к тому, что в конечном итоге через много лет кто-то другой переведет через дорогу меня (или окажет мне помощь еще каким-нибудь способом).

³⁵ Разумеется, просоциальные эмоции (т.е. эмоции, способствующие осуществлению поведения, направленного на благо других) не всегда бывают исключительно положительными, такими как эмпатия (что бы ни понималось под этим термином). Чувство вины или стыда зачастую может приводить к аналогичным эффектам (см., например [Bowles, Gintis, 2005]).

испытуемым необходимо было разделить между собой 16 очков через серию обмена предложениями – первый отмечал количество очков, которое он хочет получить, компьютер же автоматически передавал эту информацию второму в виде предложения ему оставшихся очков со стороны первого. Всего могло быть до пяти раундов взаимодействия между двумя «соседними» членами сети, поскольку каждый имел право согласиться, повторить свое предыдущее предложение или сделать контр-предложение – таким образом, обмен заканчивался либо в случае достижения согласия, либо по истечении пяти раундов переговоров. Каждый испытуемый осуществлял обмен с обоими соседями в своей сети; в отличие от этого, в случае реципрокного обмена испытуемый был вынужден выбирать, отдать ли фиксированное число очков (равное восьми, т.е. половине той суммы, которую должны были разделить между собой участники прямого обмена с переговорами) одному или другому «соседу», причем в качестве третьего варианта присутствовала возможность никому ничего не давать. После этого испытуемые получали информацию о том, сколько очков они получили от «соседей» (и получили ли они их вообще), и далее следовал следующий раунд «обмена». Наконец, в условиях моделирования обобщенного обмена (который состоит из «формально» альтруистических актов), испытуемый имел возможность дать определенному члену сети фиксированное количество очков, а также получить очки от другого члена сети (т.е. – и это очень важно – не от того, которому они были отданы).

После того, как серия обменов была закончена, испытуемым предложили оценить других акторов сети (в случае прямого обмена) или сеть как таковую (в случае непрямого обмена) при помощи ряда биполярных семантических дифференциалов. Полученные данные были затем преобразованы в четыре переменные, имеющие ключевое

отношение к социальной солидарности – доверие, аффективное отношение, восприятие социального единства и чувство обязательства (перед другими членами сети). Преобразование происходило путем усреднения ответов по нескольким шкалам, формирующим каждую из четырех итоговых переменных. В результате анализа данных, среди прочего, выяснилось, что показатели социальной солидарности в сетях обобщенного обмена значительно выше, чем в сетях с прямым обменом – при этом у испытуемых, которые участвовали в реципрокном обмене, эти показатели были выше, чем у тех, кто прошел через прямой обмен с переговорами. Таким образом, заключают исследователи, все три формы обмена выстраиваются в ряд по степени возрастания чувства социальной солидарности среди акторов, участвующих в обмене – от прямого обмена с переговорами через прямой реципрокный к обобщенному.

При всех недостатках лабораторного эксперимента с созданием примитивных искусственных сетей обмена, которые, вкупе с претензией теории обмена на объяснение сложных социетальных взаимодействий, выливаются в не слишком высокую экологическую валидность полученных данных, исследование Молм, Коллет и Шэфера позволяет сделать некоторые предположения относительно процесса поддержания обобщенного обмена. Для нас наиболее важно то, что реципрокный и обобщенный обмен ассоциируются с большими позитивными эмоциями, которые, в свою очередь, могут обеспечивать своеобразный механизм аффективного подкрепления альтруистических действий [Lawler, Thye, Yoon, 2014]. Вероятно, попытки применения данных, полученных в лабораторных условиях при исследовании анонимных сетей из всего лишь нескольких акторов, в социетальном масштабе встретятся со значительными логическими затруднениями. Тем не менее, подобные эксперименты

обеспечивают – пусть и весьма ограниченную – возможность эмпирической проверки теории реципрокного и обобщенного обмена, и, следовательно, тех объяснений широкой распространенности альтруизма в человеческих сообществах, которые эти теории предлагают.

2.3. Проблема «истинного» альтруизма

Кристен Монро в свое время сравнила традиционные объяснения альтруизма, увязывающие его с собственными интересами действующего, с толстой дамой в корсете: «В целом, производимый эффект эстетически приятен, но он вносит фундаментальные искажения в действительность» [Monroe, 1994, P. 861]. А действительность, с ее точки зрения, состоит в том, что существует масса случаев, когда альтруистические действия, предполагающие огромный риск и самопожертвование (например, укрывательство евреев от нацистских властей в Германии), не могут быть объяснены при помощи собственных интересов альтруистов, и, таким образом, являются проявлениями чего-то, что остается за рамками биологического и экономического анализа поведения. Один из ведущих социальных теоретиков современности Йон Элстер предлагает отличать основанные на реципрокности «квази-моральные» нормы от «истинных» моральных норм, предполагающих специфическую мотивацию (которую, правда, на практике сложно отличить от какой-то другой мотивации [Эльстер, 2011, с. 106]). Квази-моральные нормы, с точки зрения Элстера, реактивны, в то время как истинно моральные нормы – проактивны: «Типичная моральная норма – помогать людям, попавшим в беду безо всяких условий, даже если предшествующая история помощи отсутствует»

[Эльстер, 2011, с. 116]. Тем не менее, это не означает, что подобные «истинные» моральные нормы и действия людей в соответствии с ними (или случаи бездействия) не имеют научного объяснения. В социальных и поведенческих науках – прежде всего, поведенческой экономике [Camerer, 2006; Pesendorfer, 2006; Яковлева, 2014] – существует устоявшаяся традиция изучения безусловного, «истинного», альтруизма (не основанного на предвосхищении материальной выгоды), которая опирается на так называемые поведенческие игры [Camerer, 2003].

Пожалуй, наиболее простая игра, которая, тем не менее, довольно часто используется в исследованиях альтруизма, носит название «Диктатор» [Camerer, Fehr, 2004]; эта игра позволяет легко проверить, насколько поведение реальных людей соответствует модели «человека экономического», то есть существа, старающегося при любых условиях максимизировать собственную прибыль и минимизировать издержки, и являющегося, таким образом, неким антиподом «чистого альтруиста». Суть игры в следующем: двум игрокам необходимо разделить между собой небольшую фиксированную сумму денег. Экспериментатор случайным образом распределяет роли между игроками, в результате чего один из них становится «дарителем», а другой – «получателем». Далее экспериментатор объявляет «дарителю», что тот может либо поделиться с «получателем», отдав тому любую часть денег, либо забрать всю сумму себе – при этом в «чистом» варианте игры желательно, чтобы игроки были отобраны случайно и не были знакомы друг с другом, что позволило бы исключить любые факторы давления на «дарителя» со стороны «получателя», который, оставшись ни с чем, мог бы «припомнить» это в будущем. Роль «получателя» сводится лишь к тому, чтобы покорно принять любое

предложение «дарителя» (или его отсутствие), поскольку по правилам «Диктатора» он лишен любых механизмов влияния на его решение – после того, как последнее принято, игра заканчивается, и каждый игрок забирает себе ту часть общей суммы, которую определил «даритель».

Результаты игр в «Диктатор», как правило, вызывают значительные трудности у сторонников классической экономической модели поведения человека, поскольку последние составляют чуть ли не единственную категорию игроков, которые, оказавшись в роли «дарителя», принимают утилитарное решение и забирают всю сумму себе [Hole, 2013]. Большинство же людей, в отличие от Эконов³⁶, демонстрируют определенную степень «чистого» альтруизма, жертвуя некоторую часть денег партнеру по игре, что, в условиях отсутствия у последнего каких-либо возможностей для санкций (по крайней мере, на первый взгляд), свидетельствует против модели рационального экономического агента (см. мета-анализ исследований с применением игры «Диктатор в [Engel, 2011]). В то же время, мотивация подобного поведения часто остается неясной, поэтому исследователи вынуждены применять тем или иным образом модифицированные версии «Диктатора», что позволяет делать некоторые предположения относительно тех психических механизмов, благодаря которым человек разумный столь заметно отличается от человека экономического.

Аэлин Эдель, Изабель Джиобек и Моника Келлер [Edele, Dziobec, Keller, 2013] недавно опубликовали результаты своего

³⁶ Ричард Тэлер и Кэс Санстейн в забавной манере противопоставляют мифических Эконов, всегда и везде действующих исключительно из собственных интересов, реальным людям, поведение которых далеко не столь рационально, как может казаться некоторым экономистам [Thaler, Sunstein, 2008]. Впрочем, еще Дюркгейм указывал на неадекватность классических экономических моделей реальному поведению людей [Дюркгейм, 1995].

исследования мотивации действий «дарителей», которое состояло из двух этапов. На первом из них группе участников эксперимента предложили сыграть в «Диктатор», причем все они находились в роли «дарителя» - никаких реальных «получателей» не было, хотя испытуемым, конечно же, говорили, что они существуют, но, по соображениям анонимности, никакие контакты с ними невозможны (а сами испытуемые были отобраны в группу «дарителей» исключительно случайным образом). Игра шла по обычному сценарию – от участников требовалось разделить некоторую сумму между ними и предполагаемыми получателями (как часто бывает в таких случаях, средний размер предложений «дарителей» составил порядка 30% от общей суммы). Через несколько месяцев после того, как были получены результаты этих «игр», наступил второй этап исследования: участников попросили пройти через ряд психометрических тестов, направленных на измерения уровня «чувствительности к справедливости», а также когнитивной и эмоциональной эмпатии (в последнем случае, помимо ряда других методов, применялся специальный тест с фотографиями лиц, выражающих различные эмоции – для измерения эмоциональной эмпатии испытуемых спрашивали, насколько они разделяют чувства людей на фотографиях, в то время как когнитивная эмпатия выражалась в способности испытуемых корректно определять психоэмоциональные состояния изображенных людей). Оказалось, что эмоциональная эмпатия имела достаточно сильную положительную корреляцию с размером пожертвований в «Диктаторе», в то время как для когнитивной эмпатии подобной картины не наблюдалось (в свою очередь, чувство справедливости по отношению к другим также имело заметную положительную корреляцию с предложениями в игре). Последующее построение

нескольких регрессионных моделей показало, что именно эмоциональная эмпатия объясняет наибольший процент вариации размера пожертвований (имея, при этом, наибольшую статистическую значимость), что, кажется, заметно удивило авторов, поскольку в ряде предыдущих исследований [Einolf, 2008; Bekkers, 2006] такой чистой картины не наблюдалось³⁷. Эдель, Джиобек и Келли склонны интерпретировать результаты в русле юмовской традиции, согласно которой источником моральных суждений (и поведения) выступают непосредственные эмоциональные переживания (то есть то, что Адам Смит называл симпатией [Smith, 2006])³⁸; в то же время полученные результаты можно объяснить особенностью метода с более чем значительным интервалом между проведенными измерениями.

Экономистам действительно непросто объяснить сам факт пожертвований в «Диктаторе»; тем не менее, многие из них пытаются сделать это, сохраняя очень важную для экономической науки идею полезности – для чего изначально простую игру также подвергают модификации [List, 2007]. Так, еще одно недавно опубликованное исследование мотивации альтруистического дарения было проведено Мирко Тонином и Майклом Влассопулосом [Tonin, Vlassopoulos, 2014], которые основывались на важном с их точки зрения концептуальном различии между двумя кандидатами на звание

³⁷ Дэниел Бэтсон полагает, что чувство эмпатии является основным фактором, побуждающим людей совершать альтруистические поступки [Batson, 2011; Batson, Shaw, 1991]. Однако стоит отметить, что эмпатия может быть концептуализирована (и измерена) очень по-разному, что зачастую затрудняет интерпретацию результатов исследований и ставит под вопрос правомерность объяснения, на котором настаивает Бэтсон. Вместе с тем, известный этолог Франс де Вааль считает, что чувство эмпатии, непосредственно побуждающее к альтруистическому поведению, присутствует у животных (в частности, у приматов) и имеет достаточно древнее эволюционное происхождение. Наличие подобных спонтанных эмоциональных реакций, по мнению де Вааля, вполне согласуется с теориями родственного и реципрокного альтруизма [de Waal, 2008].

³⁸ В отличие от этого, например, Марк Хаузер делает упор именно на когнитивных аспектах производства моральных оценок [Хаузер, 2008].

главной мотивации альтруистических действий – а именно «чистым альтруизмом» и так называемым «теплым чувством». По мнению экономистов, разница в этих мотивациях отражает разницу в предпочитаемом типе полезности: люди, мотивированные «чистым альтруизмом» заботятся о благополучии других постольку, поскольку оно в конечном итоге сказывается на их собственной функции полезности, в то время как те, кто мотивирован «теплым чувством» (возникающим после совершения альтруистического акта), извлекают полезность непосредственно из него. Два этих типа мотивации зачастую проявляют себя одновременно, хотя и в разной степени – Тонин и Власоупулос попытались разработать определенный методологический инструментарий, позволяющий выявить подобное различие.

Участники эксперимента последовательно (и в случайном порядке) проходили 3 различных варианта игры «Диктатор». В первом случае 10 фунтов должны быть поделены между испытуемым и экспериментатором, который в данном случае выступал в роли «получателя», согласно классической схеме игры. Второй вариант представлял из себя некоторую модификацию «Диктатора» - участникам сообщалось, что они могут пожертвовать определенную часть исходной суммы в одну из предлагаемых благотворительных организаций, причем, какова бы не была эта часть, экспериментатор добавит к ней недостающую до 10 фунтов сумму, так что – каково бы ни было решение испытуемого – благотворительная организация получит именно это количество денег. Наконец, третий вариант предполагал классическое распределение денег между испытуемым и выбранной им организацией. Исследователи признаются, что в каждом из этих случаев пожертвование могло быть вызвано как «чистым альтруизмом», так и желанием испытать «теплое чувство»,

хотя во втором варианте игры последнее, предположительно, будет играть главную роль, поскольку получаемая благотворительной организацией выгода здесь будет постоянной вне зависимости от решения «дарителя»³⁹. Тем не менее, статистический анализ не выявил значимых различий между размерами пожертвований в первом и во втором случае, что сделало задачу различения двух типов мотиваций гораздо более трудной; в то же время размер пожертвований значимо снижался в соответствии с хронологическим порядком игр, в которых участвовали испытуемые. Это позволило исследователям предположить, что мотивация «теплым чувством» характерна для всех вариантов игры (и, вероятно, для любых альтруистических актов), а обнаруженное уменьшение пожертвований со временем может свидетельствовать о некотором «пресыщении» этим чувством. Таким образом, как и в предыдущем исследовании, наибольшую поддержку получает гипотеза об аффективной мотивации альтруистического дарения. Вместе с тем, стоит отметить, что используемый исследователями метод, направленный на поиск эмпирического подтверждения выделяемой аналитически разницы в мотивациях, может служить источником не совсем однозначных результатов.

Несмотря на свой достаточно примитивный характер, игра «Диктатор» остается одним из популярных инструментов, позволяющим изучать факторы и мотивацию альтруистических действий. Тем не менее, эксперименты с поведенческими играми часто (и справедливо) упрекают в том, что их результаты, как правило

³⁹ Нужно отдать исследователям должное: основываясь на ответах на открытые вопросы о причинах дарения и игре, они предполагают, что во втором случае, возможно, присутствует мотивация, отличающаяся от «теплого чувства». Так, один из участников, пожертвовавший 4 фунта, написал: «Я хотел помочь университету сохранить деньги, он и так достаточно потратился на эти эксперименты». При этом возможность возникновения теплого чувства по поводу экономии университетских средств не обсуждается.

полученные на локальных студенческих выборках, слабо отражают реальную действительность (см. критику «Диктатора» также в [Bardsley, 2008]). В этой связи стоит упомянуть о крупном кросс-культурном исследовании под руководством Джозефа Хенрика [Henrich et al., 2005], в ходе которого в игры «Диктатор» и «Ультиматум»⁴⁰ [Güth, Schmittberger, Schwarze, 1982] играли представители 15 различных не-западных культур по всему миру. Хенрик и соавт. попытались сопоставить данные о том, как представители примитивных обществ играют в поведенческие игры, с некоторыми социетальными характеристиками, такими, например, как уровень рыночной интеграции. В ходе исследования обнаружилось, что во всех изучаемых культурах люди систематически нарушали «аксиому эгоизма», т.е. жертвовали значительные доли общей суммы своим партнерам по игре. Более того, при сопоставлении с этнографическими данными выяснилось, что паттерны распределения в играх зачастую соответствуют местным практикам раздела пищи, что свидетельствует о достаточной валидности поведенческих игр, по крайней мере, в данном масштабе.

Это крупнейшее исследование способно в некоторой степени ответить и на другой критический довод против поведенческих игр, согласно которому суммы, подлежащие разделению между игроками, как правило, весьма незначительны по сравнению с их реальными доходами и, следовательно, полученные результаты не могут быть перенесены на случаи, когда на кону стоит гораздо большее (и когда в голове «дарителей», предположительно, все-таки включится

⁴⁰ Игра «Ультиматум» является несколько усложненной версией «Диктатора» – в ней у «получателя» есть право не согласиться с той долей денег, которую ему предложил «даритель», и в этом случае каждый из игроков остается ни с чем. Такое отличие в правилах игры уводит от изучения «чистого альтруизма» в сторону теории сотрудничества, поскольку в данном случае у одного из игроков появляется возможность осуществления санкций по отношению к своему партнеру, что тот, безусловно, должен принимать во внимание при формулировании своего предложения.

«экономический гомункулус»). Дело в том, что люди, участвовавшие в экспериментах, по стандартам развитых стран живут весьма бедно, и сумма, подлежащая разделению в ходе игры, в ряде случаев была эквивалентна одно-двухнедельному доходу – что, тем не менее, никак не уменьшило желания испытуемых отдавать значительную часть этих денег. Интересно также то, что исследователи обнаружили большую вариацию среднего размера пожертвований в разных обществах, что удалось связать с их некоторыми культурными и экономическими характеристиками. И все же не было обнаружено ни одного общества, где бы в той или иной степени не нарушалась «аксиома эгоизма»⁴¹.

Наконец, следует упомянуть и о социально-психологической традиции изучения альтруизма, которая исходит из определяющего влияния личностных характеристик людей, а также ситуации взаимодействия на их поведение [Piliavin, 2008; Якимова, 2014]. С одной стороны, существует позиция, согласно которой выдающиеся альтруисты (герои или «моральные примеры для подражания») отличаются от «обычных» людей определенным набором личностных характеристик [Piliavin, Charng, 1990; Monroe, 1994]. Так, исследование Лоуренса Уокера и Джереми Фримера 100 человек, получивших награду правительства Канады за выдающиеся с моральной точки зрения поступки, выявило, что их жизненные нарративы, а также показатели по ряду психологических шкал значимо отличались от контрольной группы, состоящей из сравнительно непримечательных людей [Walker, Frimer, 2007]. Вместе с тем, существует противоположная позиция, предполагающая, что ситуация взаимодействия оказывает определяющее влияние на

⁴¹ Недостатки поведенческих игр в качестве метода изучения нормативных представлений об альтруистическом поведении более подробно обсуждаются в следующей главе.

моральное поведение (или его отсутствие)⁴². Так, классическое экспериментальное исследование было проведено Джоном Дарли и Бибб Латане, которые приглашали испытуемых в лабораторию якобы для обсуждения проблем студенческой жизни. Испытуемых препровождали в изолированную комнату, где находились средства связи с «другими участниками», объясняя это необходимостью обеспечения анонимности участников исследования, и предупреждали, что экспериментатор не будет следить за ходом обсуждения. В какой-то момент один из «участников» начинал демонстрировать признаки эпилептического припадка (о своей склонности к которым он упоминал) и просить о помощи (все реплики были заранее записаны на магнитофон). Основным фактором исследования являлся размер группы для обсуждения, который исследователи варьировали от двух (реальный испытуемый и «испытуемый», у которого случается припадок) до шести участников. Исследование показало, что люди были менее склонны оказывать помощь человеку, которому она незамедлительно требуется (в данном случае – сообщать о случившемся экспериментатору), в ситуации, когда они убеждены в присутствии рядом других людей – по причине так называемого «размывания ответственности» [Darley, Latane, 1968].

Другое классическое социально-психологическое исследование эффекта «добротного самаритянина» было проведено Дарли и Дэниелом Бэтсоном, которые хотели продемонстрировать, что связь между личностными характеристиками и моральным поведением в специфических ситуациях далеко не однозначна. Исследователи сообщали испытуемым, что им необходимо произнести речь, основанную либо на морально-иррелевантном тексте, либо на

⁴² Такой позиции придерживается, например, Филипп Зимбардо, автор знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента [Zimbardo, 2007].

библейской притче о добром самаритянине (призывающей помогать обездоленным). На пути к месту произнесения речи испытуемый встречал лежащего без движения человека, который при приближении испытуемого дважды кашлял, оставаясь при этом неподвижным. Следует заметить, что испытуемые были предварительно протестированы на степень и тип своей религиозности, а также находились в различной (варьируемой экспериментаторами) степени спешки. Оказалось, что, испытуемые, прочитавшие притчу о добром самаритянине, никак не отличались от контрольной группы в плане того, предлагали ли они помощь лежащему человеку, и персональная религиозность также не являлась статистически значимым предиктором (единственным значимым фактором стала спешка – испытуемые, не спешившие на произнесение речи, с большей вероятностью останавливались и предлагали помощь). Данное исследование парадоксальным образом продемонстрировало, что актуализация установки на помощь окружающим не всегда приводит к действительному оказанию помощи [Darley, Batson, 1973].

В качестве примера более современного социально-психологического исследования альтруизма, ориентированного на изучение взаимодействия личностных и ситуационных факторов, можно привести работу Брента Симпсона и Роба Уиллера [Simpson, Willer, 2008]. Исследователи попытались выяснить, насколько поведение «эгоистов» (осуществляющих просоциальные действия только в случае предвосхищаемой награды – прямой или не прямой) и «альтруистов» (осуществляющих подобное поведения без предвосхищения какой-либо награды⁴³) различается в ситуациях, которые по-разному влияют на репутацию действующего.

⁴³ Определение «альтруистов» авторами согласуется с тем определением «истинного» альтруизма, которое используется в данной работе.

Преобладающая поведенческая ориентация испытуемого – эгоистическая или альтруистическая – была предварительно измерена при помощи подхода т.н. социально-ценностной ориентации (Social value orientation) [Van Lange, 1999]. Далее испытуемого помещали в группу, состоящую из нескольких человек, после чего проводилась игра «Диктатор», в которой испытуемый выступал в качестве дарителя. В зависимости от экспериментальных условий, решение о дарении могло приниматься либо privately (когда из всей группы о нем было известно только дарителю и получателю), либо публично. После этого в игру в качестве дарителя вступал третий участник, который должен был решить, какую часть из новой общей суммы (большей в 1,5 раза по сравнению с той, которую испытуемый разделял изначально) отдать испытуемому – таким образом, в условиях публичного характера первого решения испытуемого, у него появлялась определенная мотивация к дарению большей суммы для того, чтобы сделать вклад в собственную репутацию, и, следовательно, рассчитывать на получение большей доли от третьего участника (что соответствует модели непрямо́й реципрокности)⁴⁴. Анализ данных показал, что испытуемые, классифицированные как «эгоисты» в условиях публичной игры отдавали значительно большую долю денег, по сравнению с private игрой, а те же как «альтруисты» в обоих случаях жертвовали примерно равные (и весьма значительные) суммы. Авторы подчеркивают, что данное исследование доказывает тот факт, что некоторые люди демонстрируют просоциальное поведение даже в тех случаях, когда мотивация для улучшения своей репутации отсутствует, что демонстрирует ограничение теорий родственного и реципрокного

⁴⁴ В данном исследовании использовался полный внутрисубъектный экспериментальный план, т.е. каждый испытуемый проходил через все возможные условия (в случайном порядке).

альтруизма, а также непрямой реципрокности [Simpson, Willer, 2008, P. 49].

Социально-психологическая традиция изучения альтруистического поведения имеет важное значение для понимания природы «истинного» альтруизма, поскольку акцентирует внимание как на личностных, так и на ситуационных факторах, объясняющих моральное поведение – что представляет безусловный интерес для социологической теории. Так, Элстер считает «ситуационное» объяснение случаев спасения немцами евреев в гитлеровской Германии (т.е. факт обращения к ним с такой просьбой и возможное чувство неловкости в случае отказа) не менее правдоподобным, чем традиционное «характерологическое» объяснение (немцы, спасавшие евреев в условиях смертельного риска, были выдающимися с моральной точки зрения людьми)⁴⁵ [Эльстер, 2011, с. 192-193]. Тем не менее, обе позиции, безусловно, уделяют внимание важным факторам, которые могут способствовать или препятствовать «истинно» альтруистическому поведению.

Обсуждение проблемы «истинного» альтруизма было бы неполным без упоминания наиболее радикальных его форм, когда альтруист причиняет значительный вред себе самому, а в предельных случаях – жертвует собственной жизнью. Очевидно, что подобные

⁴⁵ В другом месте Элстер так описывает все сложности с определением «истинно» альтруистической мотивации даже в частных условиях на примере человека, оставляющего пожертвование в безлюдной церкви: «Какой может быть его мотивация? Одна возможность заключается в том, что он пытается купить спасение. Многие теологи говорят нам, что его цель недостижима, поскольку спасение в сущности является побочным продуктом действий, совершаемых по другим причинам. И все же многие верующие пытаются достичь этой цели, некоторые путем пожертвования денег, другие – встав на путь мученичества. Другая возможность состоит в том, что он пытается доставить удовольствие своей внутренней аудитории, не только своим пожертвованием, но и очевидно благородным выбором места, где его никто не сможет увидеть. Третья возможность предполагает, что он хочет помочь нуждающимся, а ящик для подаяния оказался просто удобным средством для пожертвования, и что он выбрал бы его, даже если бы другие могли это наблюдать. До тех пор, пока ученые не смогут сканировать мозг на расстоянии, мы этого не узнаем» [Elster, 2006, p. 204-205].

случаи, сколь редки бы они ни были, представляют наибольшие затруднения для моделей объяснения, с точки зрения которых альтруизм в конечном итоге основан на индивидуальной выгоде. Если донорство почки больному родственнику [Simmons, 1991] вполне можно объяснить при помощи теорий родственного и реципрокного альтруизма, то подобные действия по отношению к незнакомым людям предполагают объяснения иного рода, связанные со специфической мотивацией, а также аффективными состояниями (которые подчас возникают в критических ситуациях).

Эдвард Уилсон отмечает, что «эволюционная теория человеческого альтруизма усложнена тем фактом, что большинство форм этого альтруизма в конечном итоге служат собственным интересам. Ни одна из поддерживающихся форм человеческого альтруизма не является явно и полностью самоуничтожительной» [Wilson, 1988, p. 154]. С его точки зрения, самопожертвование можно объяснить эгоистическими интересами, в том числе верой в обретаемое бессмертие в загробной жизни; кроме того, Уилсон предполагает возможным объяснение самопожертвования при помощи восходящей к Дарвину теории группового отбора, в соответствии с которой единицей селекции являются не гены или индивиды, а социальные группы: те из них, которые состоят из индивидов, с большей готовностью приносящих себя в жертву ради общего интереса⁴⁶, могут получить преимущество над группами, состоящими из более эгоистичных индивидов [Wilson, 1988, p. 155] (см. также [Boyd, Richerson, 2009]). Рендалл Коллинз, анализируя проблему с точки зрения интеракционизма, использует схожую логику, указывая на то, что высокий уровень ритуализированной

⁴⁶ См. обсуждение механизмов, приводящих к самопожертвованию во имя нации в [Stern, 1995].

сплоченности группы перед лицом угрозы со стороны другой группы (классическим примером являются подразделения солдат в бою) представляет собой один из важнейших факторов, приводящих к рискованному альтруистическому поведению [Collins, 2004, p. 169].

Еще Дюркгейм, склонный объяснять альтруистическое самоубийство чрезмерной вовлеченностью индивида в социальные отношения (особенно в тех обществах, где индивидуальная жизнь не представляет ценности), видел в качестве непосредственной причины подобного действия специфические аффективные состояния: «В ... случаях, когда альтруизм принимает особенно острые формы, этот акт носит более страстный и менее рассудочный характер. Тогда перед нами порыв веры и энтузиазма, бросающий человека в объятия смерти» [Дюркгейм, 1998, с. 334]. Уилсон считает, что, помимо прочего, самопожертвование в современных обществах может быть своего рода побочным (атавистическим) эффектом родственного отбора: эмоции, толкающие людей на самопожертвование ради ближних, являются результатам процесса эволюции, в ходе большей части которого непосредственным окружением индивида являлись родственные группы [Wilson, 1988, p. 153]. Таким образом, современное самопожертвование во имя не-родственников выглядит специфическим эволюционным казусом, основанным на психологических механизмах, возникших сотни тысяч лет назад.

Наконец, существует еще одна концепция, объясняющая такое дезадаптивное с генетической точки зрения действие, как альтруистическое самопожертвование. Понятие мема, введенное еще Докинзом [Докинз, 2013 (1976)], предполагает, что идеи являются репликаторами в том же смысле, что и гены, и, соответственно, представляют собой единицы своеобразного отбора. Таким образом, при определенных условиях ущерб генетической приспособленности

индивида, который под влиянием некоторых убеждений не считает нужным заботиться о продолжении собственного рода, может оборачиваться выгодой для этой идеи – в том случае, если она сможет «заразить» других «носителей». Эволюционные антропологи Роберт Бойд и Питер Ричерсон полагают, что мемы (в их терминах – «культурные варианты») «пользуются» эволюционно возникшими психологическими механизмами, которые позволяют распространяться как идеям, способствующим генетической приспособленности, так и идеям, ей препятствующим [Boyd, Richerson, 2005, p. 155]. С этой точки зрения, существование таких явлений как идеология чайлд-фри или представлений о том, что некоторые ценности стоят того, чтобы отдать за них жизнь, вполне возможно при условии, что «генетическая» гибель их носителя не связана с исчезновением соответствующей идеи. Хотя более детальный анализ этой концепции здесь невозможен, она позволяет предложить одно из возможных объяснений того, почему существует столь парадоксальное явление как альтруистическое самопожертвование.

2.4. Выводы

В данной главе был представлен обзор основных моделей объяснения альтруистического поведения (родственный, реципрокный и «истинный» альтруизм), а также наиболее распространенных в социальных и поведенческих науках методов его изучения. По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Концепция родственного альтруизма, появившись на свет в области эволюционной биологии, оказывает все большее

влияние на общественные науки. Тем не менее, современные общества, с изучением которых имеет дело социология, настолько сложны, что родственный альтруизм может быть опосредован другими факторами, а также – в отличие от животных – опираться на комплекс нормативных представлений, потенциально подверженных культурной вариации. Рассуждая о применении биологических законов в социальных науках, даже Эдвард О. Уилсон, которого трудно заподозрить в любви к традиционным для социальных и гуманитарных наук объяснениям поведения человека, признавал, что «Социальные науки потенциально гораздо богаче по содержанию. Со временем они вберут в себя релевантные идеи биологии и продолжат, выходя за их пределы» [Wilson, 1988, P. 13]. Хотя оригинальный проект социобиологии, какой ее хотел видеть Уилсон, едва ли можно назвать успешным, биологический подход к изучению (про)социального поведения, стал все больше использоваться в исследованиях в области психологии и социальных наук – с опорой в первую очередь на экспериментальные методы (хотя, безусловно, ими не ограничивающийся).

2. Концепция реципрокного альтруизма, пожалуй, в равной степени разрабатывалась как специалистами в области биологии, так и социальных наук – антропологии, экономике и социологической теории обмена. В то время как первые пытались объяснить распространение реципрокного альтруизма при помощи апелляции к эволюционной выгоде, вторые исходили из фундаментального характера, который носит обмен (в том числе альтруистическими действиями) в человеческих обществах. Наибольшую трудность для

концепции реципрокного альтруизма представляет объяснение подобного поведения в тех случаях, когда собственно обмен между двумя актерами в явной форме отсутствует, особенно когда речь идет о взаимодействии в больших группах или обществах – для этого привлекаются понятия не прямой реципрокности и обобщенного обмена. Проведенные в этой области исследования, основанные на наблюдении и экспериментах, безусловно способны расширить научное представление о механизмах реципрокного альтруизма.

3. Наконец, вслед за моральными философами, многие ученые полагают, что безусловный, «истинный» альтруизм является фундаментальным свойством человеческой природы. В данном случае едва ли можно говорить о существовании единой модели объяснения поведения в строгом смысле – скорее, речь идет о наборе теоретико-методологических подходов, направленных на изучение одного и того же явления⁴⁷. В эмпирическом плане исследования склонности человека к «истинно» альтруистическим поступкам опираются, в первую очередь, на поведенческие игры, при помощи которых изучаются как мотивационные составляющие альтруизма, так и культурные различия в нормах, регулирующих подобное поведение. Кроме того, исследования в русле социально-психологической традиции позволяют понять влияние ситуации взаимодействия на альтруистическое поведение (либо отсутствие такового), а

⁴⁷ Следует оговориться, что богатая и продолжающая набирать силу нейробиологическая традиция изучения альтруизма в силу своего специфического фокуса осталась за рамками данной работы (см., например [Zak, Stanton, Ahmadi, 2007]).

также подчеркивает важность межиндивидуальных различий в склонности и альтруистическим поступкам.

Данная глава отражает многообразие возможных подходов к изучению альтруизма, которые обычно остаются вне сферы внимания социологов; между тем, как отмечают Хитлин и Вэйси, «вне зависимости от вашей позиции по поводу должной роли биологии и когнитивной науки в изучении морали, факт состоит в том, что – правильно или нет – основное движение сегодня происходит именно в этих областях» [Hitlin, Vaisey, 2010, P. 7]. В *Таблице 1* в сжатой форме представлены основные характеристики описанных моделей объяснения альтруизма, которые позволяют до некоторой степени систематизировать различные теоретические и методологические подходы к изучению альтруизма, существующие в социальных и поведенческих науках. Новая социология морали едва ли сможет претендовать на формулирование собственного исследовательского фокуса без должного внимания к достижениям смежных научных областей. Следующая глава посвящена обсуждению перспектив возрождающейся социологии морали в контексте исследований альтруизма, а также демонстрации того, как экспериментальная когнитивная наука может способствовать формированию интегративного социологического подхода к изучению моральных норм, связанных с альтруистическим поведением.

Таблица 1. Модели объяснения альтруистического поведения

«Тип» альтруизма / модель объяснения	Определение	Возможные объяснения	Наиболее характерные методы изучения	Ключевые авторы
Родственный альтруизм	Альтруистическое поведение, объектом которого выступают ближайшие биологические родственники донора.	Альтруистическое поведение обусловлено наличием общих генов и пропорционально степени биологического родства между индивидами. Распространению родственного альтруизма благоприятствует естественный отбор, поскольку в результате увеличивается количество генов «альтруиста» в популяции.	Наблюдение, эксперимент, социально-психологические измерения (для людей)	Р. Фишер, Дж. Холдейн, У. Гамильтон, Дж. Мэйнард Смит, Э. Уилсон и др.
Реципрокный альтруизм	Альтруистическое действие, предполагающее в будущем ответное действие со стороны реципиента, либо представляющее собой такой ответ – причем донор и реципиент не обязательно (хотя и возможно) являются родственниками.	Распространенность реципрокного альтруизма среди человека и многих видов животных (в т.ч. высших приматов) объясняется долгосрочной взаимной выгодой, которую получают индивиды, периодически помогающие друг другу. По этой причине возникновению подобного поведения благоприятствовал естественный отбор.	Наблюдение, эксперимент, поведенческие игры, имитационное моделирование	Р. Триверс, Р. Александер, Р. Аксельрод, М. Саллинс и др.
«Истинный» альтруизм	Определяется отличием от родственного и реципрокного альтруизма, т.е. отсутствием какой-либо внешней (материальной) выгоды для донора. Принято считать, что «истинный» альтруизм как часть ценностно-нормативных представлений является отличительной особенностью человека.	Объяснения «истинного» альтруизма, как правило, включают в себя апелляцию к определенным аффективным состояниям донора, которые либо выступают непосредственной силой, побуждающей к совершению альтруистического акта, либо являются результатом последнего. В то же время многими исследователями подчеркивается важность нормативного характера «истинного» альтруизма, а так же межиндивидуальных различий в склонности к альтруистическому поведению.	Наблюдение, эксперимент, поведенческие игры (в особенности «Диктатор»), психометрические шкалы, опросы, качественные (глубинные) интервью	Д. Бэтсон, К. Монро, Дж. Пилявин и др.

Глава 3. Интегративный подход к изучению альтруизма: «новая» социология морали

Альтруизм был одним из центральных понятий классической социологии, призванным подчеркнуть важность просоциального поведения человека, и, следовательно, легитимизировать статус новой науки об обществе. Тем не менее, начиная с середины XX века, тематика морали и альтруизма практически полностью перекочевала из социологии в область смежных социальных и поведенческих дисциплин, которые достигли существенных успехов в научном понимании природы человеческой морали (см. Главы 1 и 2). В этих условиях, главный вопрос заключается в том, какой вклад в новую междисциплинарную «науку о морали» может внести социология? Этот вопрос тем более актуален, учитывая возрастающий интерес когнитивных психологов и антропологов к социальным и культурным детерминантам моральных представлений.

В этой главе я попытаюсь обосновать возможность интегративного когнитивно-социологического подхода к изучению альтруизма как моральной нормы, который, с одной стороны, позволил бы учитывать теоретические и методологические достижения социальных и поведенческих наук, а с другой – позволил бы социологии найти свой собственный фокус в междисциплинарной традиции изучения человеческого альтруизма. Кроме того, в данной главе представлены результаты экспериментального исследования факторов, определяющих нормативные оценки альтруистических действий, которое может служить иллюстрацией возможностей предлагаемого подхода.

3.1. «Новая» социология морали и перспективы исследования социальных норм, связанных с альтруизмом

Несмотря на явное доминирование биологии, психологии и ряда других дисциплин в области научного изучения морали, в последние годы некоторые социологи начали проявлять интерес к возрождению этого незаслуженно забытого направления внутри нашей дисциплины. Хитлин и Вэйси, пожалуй, наиболее активные участники движения по возрождению социологического интереса к миру моральных явлений, подчеркивают, что если проблематика морали в эксплицитной форме и была на продолжительное время заброшена социологами, это не означает, что связанные с этой областью явления вовсе не подвергались социологическому осмыслению – например, исследования в области теории идентичности в значительной степени содержали в себе моральную проблематику [Hitlin, Vaisey, 2013; Stets, 2010]. Обсуждая перспективы «новой» социологии морали, Хитлин и Вэйси выделяют три ключевых подхода, которые могут стать основой для «новой» социологической перспективы в изучении этого явления [Hitlin, Vaisey, 2013, P. 54]:

1. Определение морали не должно носить фиксированного характера, в то время как социологии необходимо заниматься изучением исторической и культурной вариации того, что можно отнести к области «морального».
2. Мораль как зависимая переменная. Социологам следует сконцентрироваться скорее не на изучении эволюционных и биологических источников морали, а на социальных процессах, которые создают и поддерживают определенные моральные представления.

3. Мораль как независимая переменная. Социологи должны не изучать факторы производства моральных суждений и механизмы единичных моральных действия в лабораторных условиях, но скорее фокусироваться на том, как мораль влияет на долгосрочные стратегии поведения в естественных условиях.

Исследовательская программа «новой» социологии морали, предложенная Хитлином и Вэйси, безусловно, заслуживает пристального внимания социологов. Тем не менее, достижения поведенческих и когнитивных наук в области изучения морали слишком значительны, чтобы социологи смогли их полностью игнорировать – скорее эти подходы должны стать некой основой, с помощью которой социология морали сможет попытаться найти свой собственный исследовательский фокус. В последние годы среди социологов растет общее понимание того, что необходимо более внимательно относиться к подходам биологии и когнитивной науки – более того, некоторые озвучивают необходимость создания нейросоциологии как интегративного направления исследований [Turner, 2007; Franks, 2010]. Призывы к большей интеграции с поведенческими и когнитивными науками звучат и в области социологии морали [Turner, 2010; Firat, McPherson, 2010]. Действительно, многие исследования в данной области имеют прямое отношение к сфере интересов социологии, а именно изучению различного рода обыденных нормативных представлений [Durkheim, 1973; Parsons, 1966; Девятко, 2009], а также их культурной вариативности – что, безусловно, соответствует тому видению социологии морали, которое предлагают Хитлин и Вэйси. В этой связи имеет смысл кратко остановиться на основных направлениях

исследований когнитивной социальной науки, а также на том, каким образом подобная перспектива может быть инкорпорирована социологией.

3.2. Когнитивная социальная наука о морали и когнитивная теория аксиологических чувств Р. Будона

Многие когнитивные психологи и антропологи обращают внимание на важность изучения культурной изменчивости моральных представлений. Так, упоминавшееся в Главе 2 крупнейшее кросс-культурное исследование под руководством Хенрика [Henrich et al., 2005] выявило достаточно разнообразные паттерны принятия решений в поведенческих играх, что отражает различие в культурных практиках, касающихся распределения ресурсов. Хенрик и его коллеги констатируют, что большинство выводов западной когнитивной психологии основано на изучении западных же выборок, в то время как сравнительные исследования демонстрируют, что во многих отношениях западную культуру едва ли можно назвать типичной [Henrich, Heine, Norenzayan, 2010]. По их мнению, психологам необходимо выйти за пределы своих традиционных студенческих выборок, поскольку выводы, полученные таким образом, несмотря на неявные предположения самих психологов, весьма далеки от универсальности.

Психологическая традиция изучения моральных представлений имеет уже достаточно давнюю историю [Пиаже, 2006; Kohlberg, Elfenbein, 1975], и в то же время относительно недавно некоторые психологи стали обращаться к изучению социальной и культурной вариативности моральных представлений. Пожалуй, наиболее известная современная концепция в области психологии морали – так

называемая «теория моральных оснований», чья разработка связана, в первую очередь, с именем Джонатана Хайдта [Haidt, 2013]. Целью Хайдта и его коллег является определение психологических причин различий в идеологических взглядах – прежде всего между американскими либералами и консерваторами – которые, с их точки зрения, в конечном итоге основываются на разном понимании морально-релевантных фактов (такова, с точки зрения Хайдта, и природа моральных различий между современными западными и традиционными обществами) [Haidt, 2007]. Хотя это и психологическая теория, она может представлять непосредственный интерес для социологии морали, поскольку в фокусе ее внимания находятся причины идеологического (социального) конфликта⁴⁸. Еще одним примером «вторжения» психологов морали на «социологическую территорию» могут служить вызывающие в американском обществе неоднозначную реакцию исследования Пола Пиффа. На основе экспериментальных данных Пифф и его коллеги пришли к выводу, что представители высших социальных классов в большей степени склонны к неэтичному поведению (и даже тому, что Пифф предпочитает называть нарциссизмом [Piff, 2014]), по сравнению с более бедными слоями населения [Piff et al., 2012]. Более того, исследования Пиффа и его коллег показали, что люди с высоким социоэкономическим статусом склонны жертвовать при игре в «Диктатор» меньшими суммами, по сравнению с бедными людьми [Piff et al., 2010]. Данные исследования, в которых социальный класс (а точнее – уровень дохода) выступает в качестве независимой переменной по отношению к (а)моральному поведению также могут

⁴⁸ В своей теории Хайдт в значительной степени актуализирует наследие Дюркгейма, в частности, используя понятие «дюркгеймианского утилитаризма» для того чтобы подчеркнуть важность прогрупповых аспектов морали для консерваторов и представителей традиционных обществ [Haidt, 2013].

оказаться полезными для формирования социологического подхода к изучению моральных представлений.

Еще одно потенциально релевантное для социологии направление когнитивной психологии, имеющее отношение к изучению принципов производства нормативных суждений – так называемая «экспериментальная философия». Представители данного направления пытаются экспериментально изучать те представления, которые обычные люди имеют по традиционным философским вопросам, таким, например, как соотношение детерминизма и свободы воли [Knobe et al., 2012]. Одним из ключевых направлений исследований в данной традиции является проблема обыденного приписывания вины и ответственности [Alicke, 2008; Девятко, 2011; Гаврилов, Толмач, 2012] (а также их связь с представлениями о свободе воли), т.е. производства определенного рода нормативных социальных суждений. Вероятно, наиболее интересным и значимым результатом, полученным «экспериментальными философами», является выявленная связь между (воспринимаемой) моральной валентностью определенного действия и суждениями о том, носило ли действие намеренный или ненамеренный характер [Leslie, Knobe, Cohen, 2006]. Исследования в области «экспериментальной философии» и «экспериментальной мета-этики» [Goodwin, Darley 2012], направленные на изучение механизмов производства моральных оценок обычными людьми, а также воспринимаемой объективности таких оценок, могут стать еще одним источником для теоретических и эмпирических исследований в области социологии морали.

Как видно, традиционная для социологии тематика изучения нормативных представлений достаточно активно разрабатывается в области когнитивной науки, что не могло не оказать влияния на

социологические концепции морали. Социологическое осмысление когнитивной науки в интересующем нас нормативном контексте, пожалуй, наиболее явно представлено в когнитивной теории аксиологических чувств Раймона Будона [Boudon, 2010]. Будон стремится создать социологическую теорию моральных чувств, которая отличалась бы от традиционных этических систем (таких как утилитаризм и рационализм) в том плане, что позволяла бы наилучшим образом объяснять эмпирические данные: «Хорошая социологическая теория должна предоставлять систему координат, которая позволяла бы социологам получать убедительные объяснения моральных, прескриптивных и аксиологических чувств, которые они наблюдают» [Boudon, 2010, p. 16]. Опорой для подобной теории, с точки зрения Будона, должно стать веберовское понятие рациональности, которое необходимо трактовать в первую очередь не в инструментальном, а в ценностном аспекте. С другой стороны, для ряда традиций в истории и философии науки характерно специфическое понимание рациональности, которое Будон называет «когнитивным»: «Для них [историков и философов науки] ученый рационален в том случае, если, в соответствии со своими знаниями, он предпочитает более сильную теорию более слабой. Таким образом, становится нерациональным считать, что земля плоская, с того момента, как накопились доказательства того, что она круглая» [Boudon, 2010, p. 18]. Будон полагает, что понятие аксиологической рациональности Вебера тесно связано с подобным представлением о когнитивной рациональности, предполагающим осуществление выбора возможных точек зрения в соответствии с имеющимися доказательствами.

Основываясь на этой интерпретации идеи Вебера, Будон использует понятие «когнитивной аксиологической рациональности»

для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что размышление людей над нормативными вопросами оказывается сродни размышлениям ученых над вопросами объяснения того или иного явления, т.е. в определенном смысле соответствует процессу построения научной теории. С точки зрения Будона, такие обыденные «теории» могут строиться не только в отношении дескриптивных, но и в отношении прескриптивных вопросов: в зависимости от воспринимаемых «аргументов» в пользу той или иной «моральной теории» люди будут склонны поддерживать ее или отвергать. В качестве примера области применения подобных «аксиологических теорий» можно привести дебаты по вопросу легитимности смертной казни в качестве меры наказания или споры о статусе демократических институтов. Будон отмечает, что в отличие от научных теорий, стремящихся (с большей или меньшей степенью успеха) к тому, чтобы быть «свободными от контекста», «аксиологические теории», могут, напротив, быть зависимыми от того или иного социального и культурного контекста (чем может быть обусловлена, например, позиция по вопросу о смертной казни). Отвечая на возможные обвинения в интеллектуализме своей концепции и недооценке роли аффектов в моральных суждениях [Prinz, 2006], Будон подчеркивает, что даже если реакция, к примеру, морального осуждения какого-то поступка и происходит на эмоциональном уровне, ее всегда можно «концептуализировать», т.е. представить ее как «основанную на субъективно сильных и объективно обоснованных причинах» [Boudon, 2010, p. 32]. Несмотря на успехи «когнитивно-биологического» подхода к изучению нормативных представлений (который уделяет большое внимание интуитивным и эмоциональным моральным реакциям [Haidt, 2001]), Будон считает, что его

«когнитивно-рациональный» подход к изучению аксиологических чувств обладает не меньшей объяснительной силой⁴⁹.

Теория, предложенная Будоном, а также целый ряд исследовательских традиций в когнитивной социальной науке, вполне могут стать основанием когнитивно-социологического подхода к изучению моральных норм, в том числе и тех, которые связаны с альтруистическим поведением. Моральные суждения (в данном случае, суждения о том, стоит или нет оказывать помощь другому) можно рассматривать как вид познавательной деятельности, необходимой для оценки нормативности реальных или предполагаемых действий, а также для социетальных реакций на эти действия. Несмотря на достаточно широкие объяснительные возможности теорий родственного и реципрокного альтруизма, нормативный аспект альтруистического поведения в человеческом обществе, а также факторы, определяющие степень нормативности альтруизма в специфических контекстах социального взаимодействия, обычно остаются без достаточного освещения. Именно повышенное внимание к нормативным составляющим альтруизма способно стать основой «нового старого» социологического подхода к изучению альтруистического поведения, интегрирующего характерную для классической социологической теории ориентацию на изучение нормативных оснований социальной жизни (Дюркгейм, Парсонс, Сорокин) и эмпирически обоснованные теоретические модели и методы, используемые другими социальными науками.

⁴⁹ Будон вполне символично заканчивает свою статью цитатой из Вебера: «Идеи – это главные непосредственные причины человеческих действий» (цит. по [Boudon, 2010, P. 33]).

3.3. Интегративный социологический подход к изучению альтруизма: альтруизм как моральная норма

Моральные нормы и моральный порядок традиционно находились в центре внимания социологических теорий, в особенности тех из них, которые имеют отношение к структурно-функциональному анализу [Levine, 1995]. С другой стороны, проблема возникновения и поддержания моральных норм имеет ключевое значение и для теории культурной эволюции, поскольку масштаб и многообразие форм сотрудничества⁵⁰ у людей выходят далеко за рамки, которых можно было бы ожидать при действии исключительно биологических факторов [Richerson, Boyd, 2005]. Недостаточность этих факторов для объяснения сотрудничества не в последнюю очередь обусловлена тем обстоятельством, что в современных сложных обществах люди вынуждены взаимодействовать с массой не-родственных индивидов, причем зачастую это взаимодействие носит однократный характер. Джозеф и Натали Хенрик выделяют социальные нормы в качестве одной из пяти эволюционных моделей, позволяющих, по их мнению, объяснить масштаб сотрудничества людей в сложных обществах – наряду с родством, прямой и непрямой реципрокностью (репутацией), а также этничностью⁵¹. «На индивидуальном уровне нормы проявляются как наборы ментальных представлений... которые мы обычно называем идеями, предпочтениями, верованиями, ценностями и практиками. Эти представления предписывают как то, что следует делать их обладателю в определенных ситуациях, так и то, что следует делать

⁵⁰ В качестве еще одной иллюстрации близости и взаимного «перетекания» понятий, характеризующих просоциальное поведение человека, можно привести цитату из работы Бойда и Ричерсона, определяющих сотрудничество как «затратное поведение, осуществляемое одним индивидом, которое увеличивает выгоду других» [Boyd, Richerson, 2009, p. 3283].

⁵¹ Связь альтруизма/сотрудничества с этничностью не затрагивается в данной работе. См. подробнее, например в [McElreath, Boyd, Richerson, 2003].

другим» [Henrich, Henrich, 2006, p. 239]. С точки зрения этих авторов, конкуренция между группами (обществами) в процессе «культурного группового отбора» в конечном итоге приводит к унификации среди их членов тех нормативных представлений, которые способствуют внутригрупповому сотрудничеству, что приводит к преимуществу в межгрупповой борьбе. Кроме того, при объяснении эволюции и механизмов поддержания определенных моральных норм (в том числе тех, которые предписывают «затратное» сотрудничество) особая роль отводится понятию «альтруистического наказания», направленного против тех, кто нарушает моральный порядок [Fehr, Gächter, 2002]. Таким образом, даже эволюционно-ориентированные ученые-антропологи понимают недостаточность механизмов родственного и реципрокного альтруизма для объяснения поведения людей и необходимость исследования нормативных представлений, отличающих наш вид от остальных и в значительной степени определяющих масштабы сотрудничества в современных обществах.

Вместе с тем, распространенное среди некоторых психологов понимание морали и моральных норм как феномена, связанного в первую очередь (а то и исключительно) с запретом на осуществление действий, причиняющих вред личности или группе [Gray, Young, Waytz, 2012] («прескриптивная» мораль), не позволяет в должной мере оценить мораль «прескриптивную», связанную в том числе с представлениями о необходимости осуществления альтруистических действий в тех или иных ситуациях и контекстах [Janoff-Bulman, Sheikh, Herr, 2009]. С другой стороны, традиционное для социологии внимание к социальным и, в частности, моральным нормам открывает возможности для создания комплексного подхода к изучению человеческого альтруизма.

С точки зрения интегративного социологического подхода к изучению альтруизма, имеющиеся модели объяснения (см. Главу 2) не только не исключают друг друга, но и дополняют, поскольку различные механизмы поддержания альтруистического поведения в человеческом обществе способны взаимодействовать и усиливать друг друга. Внимание к одним механизмам поддержания альтруистического поведения в ущерб другим едва ли будет способствовать наиболее полному объяснению такого комплексного явления как человеческий альтруизм, поэтому для социологической перспективы важно учитывать как эволюционные, так и социальные, культурные, личностные и ситуационные факторы, обуславливающие альтруистическое поведение. При этом необходимо признать, что человеческий альтруизм тесно связан с комплексом соответствующих нормативных представлений, способных оказывать воздействие на поведение в различных социальных контекстах взаимодействия – от семьи и круга близких друзей и коллег (малые группы) до публичных проявлений альтруизма (потенциально незамкнутые сети обобщенного обмена); изучение подобных нормативных представлений, а также когнитивных механизмов, ответственных за их производство, может стать основой специфического социологического подхода к изучению альтруизма и связанных с ним явлений. Теория Будона, в фокусе которой находятся (более или менее осознанные) когнитивные процессы «обоснования» той или иной нормативной оценки, открывает возможности для разнообразных эмпирических исследований тех переменных, которые подобные оценки обуславливают – от доступной для наблюдателя (арбитра) информации о взаимоотношениях между потенциальными донором и реципиентом до социального и культурного контекста, в котором происходит взаимодействие. Применение методологии

когнитивной науки вкупе со специфическим фокусом на изучении нормативных представлений (что вполне находится в русле дюркгеймианской социологической традиции) позволит социологии морали выработать собственный подход к изучению альтруизма. Понимание альтруизма не только в поведенческом, но и в нормативном измерении позволит значительно увеличить объяснительные возможности этого подхода, а также очертить перспективу разнообразных эмпирических исследований. Учитывая концепцию «новой» социологии морали, предложенную Хитлиным и Вэйси, я попытаюсь в самом общем виде сформулировать основные принципы предлагаемого интегративного социологического подхода:

Использование имеющихся моделей объяснения. Теории родственного отбора и реципрокного альтруизма, безусловно, способны объяснить распространение альтруизма как среди животных, так и среди людей. Между тем, для социологии морали ключевой областью интересов может стать изучение того, как эволюционно обоснованные принципы альтруизма отражаются в обыденных нормативных представлениях о том, при каких обстоятельствах и в каких ситуациях осуществление альтруистического поведения является необходимым или желательным. Степень нормативности того или иного типа альтруизма может быть достаточно различной: например, можно предположить, что реципрокный альтруизм имеет гораздо более нормативно обусловленный характер, чем «истинный» альтруизм. Кроме того, очевидный интерес представляет изучение взаимодействия известных факторов, определяющих альтруистическое поведение, при их нормативной оценке. В сложных современных обществах именно комплекс нормативных

представлений может оказывать непосредственное влияние на поддержание существующих механизмов альтруистического поведения [Boyd, Richerson, 2009]. Вариативность нормативных представлений, а также их связь с известными механизмами поддержания альтруистического поведения оставляют достаточно широкие возможности для исследований в этой в высшей степени междисциплинарной области.

Релевантная методология. Нормативные представления об альтруистическом поведении, как правило, сейчас изучаются экспериментально при помощи поведенческих игр. Между тем, искусственность игровой ситуации в общем случае дает основания сомневаться в том, что полученные результаты, например, игры в «Диктатор» отражают нормативные установки, существующие вне контекста эксперимента [Bradsley, 2008]. Кроме того, мотивация человека при дарении определенной суммы в игре является достаточно трудноопределимой (см. Главу 2), и на решение испытуемого может влиять целый ряд «эгоистичных» факторов – от поддержания определенной концепции собственной личности до желания хорошо выглядеть перед экспериментатором. Альтернативный методологический подход к изучению нормативных представлений об альтруистическом поведении заключается в использовании метода виньеток, характерного для когнитивной социальной науки [Девятко, 2007, 2011]. Подобный подход при определенных условиях позволяет изучать нормативные представления достаточно непосредственным образом. Кроме того, использование факторных виньеток [Rossi, Anderson, 1982; Wallander, 2009] позволит изучать воздействие целого ряда факторов на воспринимаемую необходимость совершения альтруистических действий с применением различных экспериментальных планов.

Метод факторных виньеток имеет перспективу применения и в масштабных репрезентативных опросах, что может позволить выйти за рамки исключительно лабораторных экспериментов, с которыми в основном имеет дело когнитивная наука.

Экологическая валидность. Когнитивная психология морали имеет сильную историческую связь с философской этикой и в значительной степени сконцентрирована на сравнении утилитаристских и деонтологических принципов производства моральных суждений [Conway, Gawronski, 2013; Kahane et al., 2015], для чего испытуемым часто предъявляются «высоко конфликтные» гипотетические сценарии, содержащие в себе определенные этические противоречия. Хорошим примером служит богатая традиция исследований в области «трамваологии» с применением различных модификаций знаменитого сценария с трамваем, в оригинале предполагающего выбор между гибелью одного или нескольких человек, и составленного таким образом, который позволяет эксплицитно конфликт между утилитарными и деонтологическими моральными суждениями [Greene, 2013]. В отличие от подобной традиции, социологии морали следует сконцентрироваться на более реалистических сценариях, не основанных на едва ли возможных в действительности (или исключительно редких) ситуациях. Это, конечно же, не означает, что конфликты между различными принципами разрешения моральных дилемм не разворачиваются в обыденной жизни: принятие решения о том, стоит ли осуществить альтруистический поступок в тех или иных условиях может быть достаточно проблематичным. Изучение обыденных нормативных представлений об альтруистических действиях в ситуациях ежедневного взаимодействия может способствовать пониманию

самых разнообразных альтруистических поступков, которые люди совершают в реальной жизни.

Исследование взаимодействия с личностными, ситуативными и социальными переменными. Несмотря на то, что теории родственного и реципрокного альтруизма претендуют на универсализм, утверждение, о том, что склонность к альтруистическому поведению определяется и некоторыми личностными характеристиками, не лишено оснований, поэтому подобные различия необходимо принимать во внимание и при изучении нормативных представлений. Кроме того, различие в альтруистическом поведении в разнообразных ситуациях и контекстах взаимодействия может быть связано с различием соответствующих нормативных представлений. Вопрос о социальной и культурной вариативности нормативных представлений об альтруистическом поведении для социологии должен быть, в первую очередь, вопросом эмпирическим. Вместе с тем, проблема связи нормативных представлений и собственно альтруистического поведения должна, безусловно, иметь ключевое значение.

Эти принципы, в целом согласующиеся с тем проектом социологии морали, который предлагают Хитлин и Вэйси, вполне могут служить определенным ориентиром для социологического подхода к изучению альтруизма как моральной нормы. Для того чтобы продемонстрировать теоретико-методологические возможности подобного подхода, я приведу результаты исследования факторов, определяющих нормативные оценки необходимости совершения альтруистических действий, которое позволит понять, каким образом предлагаемое понимание социологического подхода к изучению альтруизма может получить свое эмпирическое насыщение. С методологической точки зрения, данный подход предполагает изучение нормативных суждений о необходимости (желательности)

совершения альтруистических действий, выносимых обычными людьми с позиции арбитра, при помощи виньеток-сценариев и оценочных шкал (ср. например, [Девятко, 2011б]). Полный факторный эксперимент позволит оценить влияние переменных, связанных с известными механизмами родственного и реципрокного альтруизма (а также их взаимодействие), на нормативные оценки необходимости осуществления альтруистического поведения.

3.4. Исследование факторов, определяющих нормативные оценки необходимости совершения альтруистических действий⁵²

Исследование, представленное в данной работе, служит цели демонстрации возможностей когнитивно-социологического подхода к изучению альтруизма. Вместе с тем, оно представляет собой вполне самостоятельную попытку внести определенный «социологический фокус» в междисциплинарную традицию исследования альтруистического поведения, а именно сосредоточить внимание на нормативной составляющей человеческого альтруизма, которая часто упускается из виду в психологии морали.

В основе исследования лежал вопрос о том, в какой мере факторы, которые с точки зрения теорий родственного и реципрокного альтруизма являются ключевыми в объяснении подобного поведения, обуславливают нормативную оценку того, должно ли альтруистическое действие быть осуществлено в определенной ситуации. Этими факторами стали родство, реципрокность (операционализируемая как история взаимодействия и вероятность встречи в будущем) и размер необходимой помощи. В отличие от исследования Стюарта-Уильямса [Stewart-Williams, 2007] (см. Главу 2), который изучал влияние этих факторов на собственное

⁵² Исследование, описываемое далее, было разработано и проведено нами совместно с И.Ф. Девятко.

проспективное и ретроспективное поведение испытуемых, мы сосредоточились на изучении нормативных суждений, выносящихся с внешней по отношению к оцениваемой ситуации позиции арбитра. Недостаток подхода Стюарта-Уильямса (и целого ряда подобных исследований в области эволюционной психологии и психологии морали) состоит в том, что данный метод потенциально подвержен целому ряду искажений – от несовершенства памяти испытуемых до очевидного риска получить социально желательные ответы – в результате чего выводы относительно действительного поведения людей могут оказаться необоснованными. Используемый нами метод изучения суждений относительно третьих лиц, не направленный напрямую на изучение собственного поведения, позволяет, на наш взгляд, измерять нормативные представления как таковые и максимально ограничить влияние тех или иных личных интересов испытуемых на выносимые нормативные оценки.

В целом, мы ожидали, что, в соответствии с имеющимися моделями объяснения альтруизма, оценки необходимости совершения альтруистического действия будут выше в тех случаях, когда предполагаемый реципиент является родственником донора, когда реципиент часто помогал донору в прошлом, когда высока вероятность встречи донора и реципиента в ближайшем будущем, а также когда цена необходимой помощи относительно низка. Кроме того, мы предполагали, что степень индивидуальной склонности испытуемых к альтруистическому поведению будет оказывать определенное влияние на их нормативные оценки («альтруисты» будут переносить собственные установки на других людей и, соответственно, выносить более высокие оценки необходимости совершения альтруистических действия в любых ситуациях). Для того

чтобы исследовать эти возможности, мы разработали полный факторный внутрисубъектный виньеточный экспериментальный план.

3.4.1. Метод

3.4.1.1. Экспериментальные факторы и гипотезы

В данном исследовании мы использовали набор виньеток с описанием двух людей, *A* и *B*, в ситуации, когда *A* требовалась помощь (в действительности для обозначения *A* и *B* использовались личные имена, см. примеры в *Таблице 2* и *Приложение*). После прочтения каждой винюетки испытуемым предлагалось ответить, насколько, по их мнению, *B* следует предоставить *A* необходимую помощь (особо подчеркивалось, что она едва ли будет возвращена), используя 11-значную шкалу от 0 (совсем не следует) до 100 (безусловно следует). Систематически варьируемые факторы, каждый с двумя уровнями, включали в себя:

Родство. *A* – дядя *B* (1) или *A* – знакомый *B* (2). Основываясь на теории родственного отбора, мы предполагали, что оценки винюеток будут выше в случаях, когда два актора описаны как родственники.

Размер пожертвования. *A* требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры (1) или *A* требуется 50 000 для оплаты операции (2). Мы попытались представить разницу между двумя суммами значительной (и легко ощутимой) и вместе с тем экологически валидной в том смысле, что большинство людей в действительности смогли бы рассмотреть возможность пожертвования в том или ином случае. Наша гипотеза состояла в том, что оценки необходимости осуществления пожертвования будут ниже в случае, когда размер необходимого пожертвования (т.е. цена помощи) относительно велик.

Следующие два фактора операционализируют реципрокность:

История взаимодействия. *A* редко помогал *B* в прошлом (1) или *A* часто помогал *B* в прошлом (2). Мы предполагали, что оценки будут выше в случае, когда *A* часто помогал *B* в прошлом – по причине воспринимаемого нормативного обязательства.

Вероятность встречи в будущем. *B* не знает наверняка, встретит ли он *A* в ближайшем будущем (1) или *B* знает, что он наверняка встретит *A* в ближайшем будущем (2). Снова, в соответствии с теорией сотрудничества, мы ожидали, что оценки будут выше в случае, когда будущее взаимодействие более вероятно.

Таким образом, испытуемые получали к прочтению $2*2*2*2=16$ виньеток (т.е. все возможные комбинации экспериментальных факторов, см. *Таблицу 2* и *Приложение*). Для исключения эффекта последовательности заполнения виньеток на их оценки испытуемыми было осуществлено статистическое уравнивание этого порядка (использовались опросники с двумя вариантами случайной последовательности виньеток). Кроме того, в качестве межсубъектного фактора мы использовали Шкалу самооценки альтруизма – инструмент измерения индивидуальной склонности к альтруистическому поведению [Rushton, Chrisjohn, Fekken, 1981]. Это шкала типа Ликерта, состоящая из 20 пунктов с описанием различных альтруистических действий (помощь незнакомцами на улице, сдача крови для переливания и т.п., см. *Приложение*); испытуемых просили отметить частоту, с которой они совершали подобные поступки по шкале от 1 (никогда) до 5 (очень часто). Шкала использовалась для контроля влияния индивидуальной общей склонности к альтруистическому поведению на оценки испытуемыми факторных виньеток.

Таблица 2. Экспериментальные факторы и их уровни

<i>Уровни факторов</i>	<i>Примеры описания в виньетке</i>
Родство	
1. Родственник	Иван Семенович – дядя Петра
2. Не-родственник	Николай – знакомый Петра
История взаимодействия	
1. Реципиент редко помогал донору	В прошлом Иван Семенович редко помогал Петру
2. Реципиент часто помогал донору	В прошлом Николай часто помогал Петру
Размер пожертвования	
1. Небольшой	Ивану срочно требуется 2000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем
2. Большой	Ивану срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем
Вероятность встречи в будущем	
1. Неопределенная	Петр не знает наверняка, встретит ли он Ивана в ближайшее время
2. Высокая	Петр знает, что он наверняка встретит Ивана в ближайшее время

3.4.1.2. Участники и процедура

Участниками эксперимента стали 166 студентов (119 девушек, возраст 18-25 лет) Высшей школы экономики и других российских университетов (стоит отметить, что эти цифры отражают только те случаи, которые использовались в дальнейшем анализе, поскольку мы также получили несколько опросников с нулевой вариацией оценок виньеток и частичными неответами, которые были исключены как irrelevantные). Среди них 73 (51 девушка) были рекрутированы в

классе и использовали бумажные опросники, в то время как 93 (68 девушек) были рекрутированы частично в классе, но, в основном, онлайн (через объявление, размещенное в студенческом сообществе в популярной социальной сети, а также приглашения по электронной почте) и заполняли онлайн-опросник. За участие в исследовании никаких компенсаций не предоставлялось. Бумажный и онлайн-варианты опросника были максимально идентичны по дизайну и содержали уравновешенные последовательности из 16 виньеток и Шкалу самооценки альтруизма (ШСА), а также несколько дополнительных вопросов. Мы не обнаружили статистических различий в оценках виньеток между двумя типами опросников (бумажный и онлайн), поэтому данные анализировались вместе.

3.4.2. Результаты

Дескриптивная статистика оценок виньеток представлена в *Таблице 3*. Для оценки главных эффектов и взаимодействия факторов, которые мы использовали для создания виньеток, была проведен дисперсионный анализ с повторными измерениями. Модель включала все четыре фактора, а также баллы испытуемых по ШСА в качестве межсубъектного фактора. В целом, анализ продемонстрировал, что все четыре фактора значимо влияли на оценки виньеток: F-статистика для фактора «Родство» = 143,128 (значимость на уровне $p \leq 0,000$, эта-квадрат⁵³=0,532); для фактора «История взаимодействия», 269,204 ($p \leq 0,000$, эта-квадрат=0,681); для фактора «Размер пожертвования», 11,622 ($p \leq 0,001$, эта-квадрат=0,084); и для фактора «Вероятность встречи в будущем», 93, 599 ($p \leq 0,000$, эта-квадрат=0,429). Более того, практически все взаимодействия между факторами также оказались статистически значимыми: «Родство» и «История взаимодействия»,

⁵³ Здесь и далее имеется в виду частичный эта-квадрат.

$F=13,956$ ($p \leq 0,000$, эта-квадрат=0,1); «Родство» и «Размер пожертвования», $F=8,426$ ($p \leq 0,004$, эта-квадрат=0,063); «Родство» и «Вероятность встречи в будущем», $F=3,976$ ($p \leq 0,048$, эта-квадрат=0,031); «История взаимодействия» и «Размер пожертвования», $F=13,093$ ($p \leq 0,000$, эта-квадрат=0,094); «История взаимодействия», «Размер пожертвования», и «Вероятность встречи в будущем», $F=4,217$ ($p \leq 0,042$, эта-квадрат=0,032); наконец, все четыре фактора, $F=9,058$ ($p \leq 0,003$, эта-квадрат=0,067). Оцененные маргинальные средние для оценок виньеток, отражающие взаимодействие экспериментальных факторов, представлены на Рисунках 1-4.

Таблица 3. Средние значения и стандартные отклонения (СО) оценок виньеток

	Родственник, редко помогал в прошлом	Родственник, часто помогал в прошлом	Не- родственник, редко помогал в прошлом	Не- родственник, часто помогал в прошлом
Небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем	Среднее=52,71 СО=25,12	Среднее=82,11 СО=18,25	Среднее=36,87 СО=22,42	Среднее=72,17 СО=21,74
Небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем	Среднее=62,35 СО=24,09	Среднее=86,33 СО=19,21	Среднее=45,36 СО=24,21	Среднее=79,58 СО=19,14
Большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем	Среднее=56,02 СО=23,30	Среднее=72,95 СО=20,34	Среднее=30,60 СО=22,04	Среднее=61,14 СО=30
Большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем	Среднее=57,77 СО=23,78	Среднее=81,51 СО=18,87	Среднее=42,47 СО=22,22	Среднее=70,06 СО=20,70

Рисунок 1а. Оцененные маргинальные средние факторов "Родство", "История взаимодействия" и "Размер пожертвования" (небольшой размер)

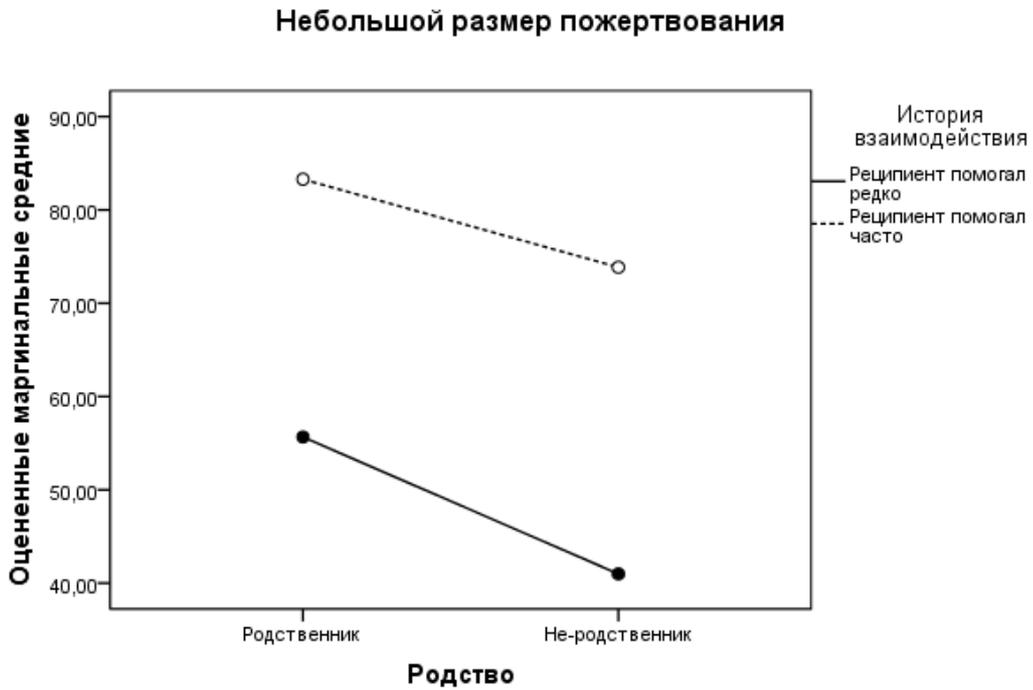

Рисунок 1б. Оцененные маргинальные средние факторов "Родство", "История взаимодействия" и "Размер пожертвования" (большой размер)

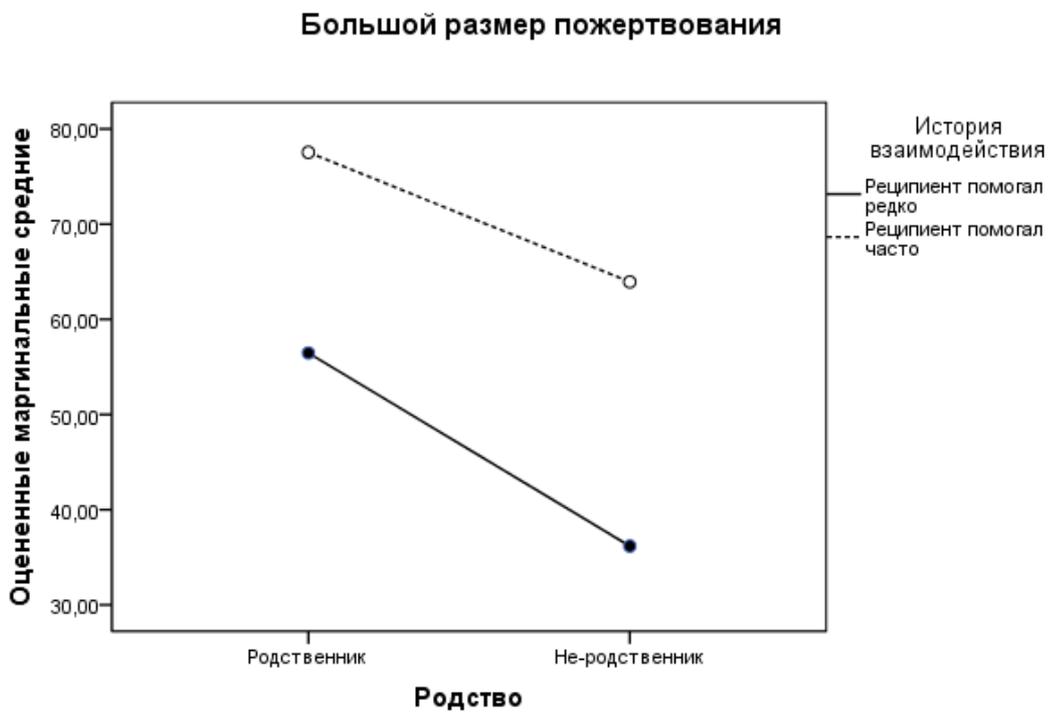

Рисунок 2а. Оцененные маргинальные средние факторов "Родство", "История взаимодействия" и "Вероятность встречи в будущем" (неизвестная вероятность)

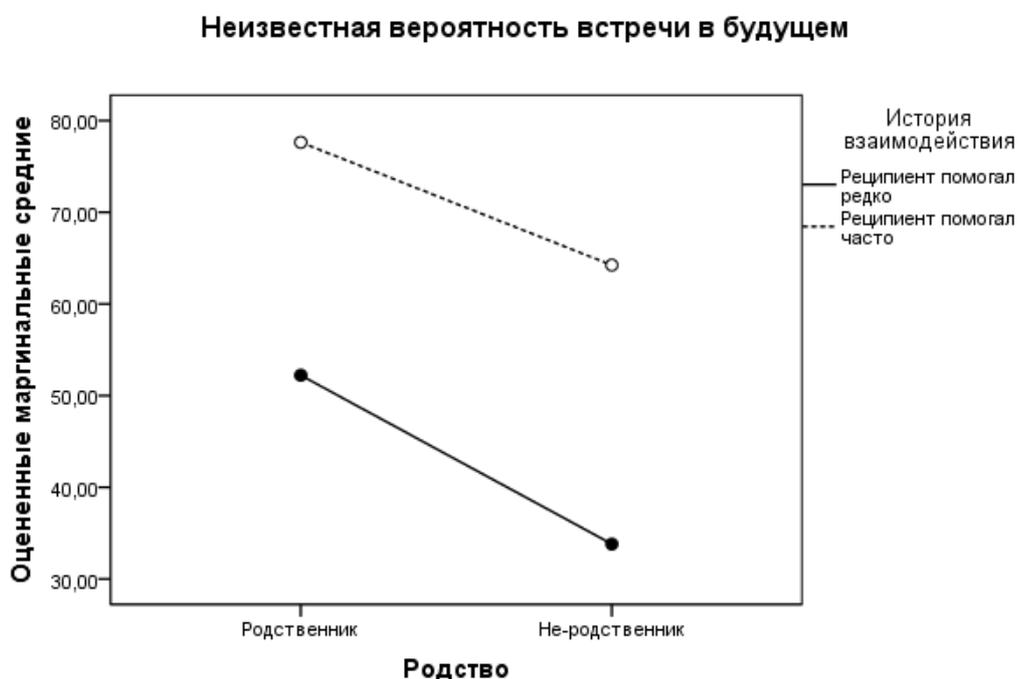

Рисунок 2б. Оцененные маргинальные средние факторов "Родство", "История взаимодействия" и "Вероятность встречи в будущем" (высокая вероятность)

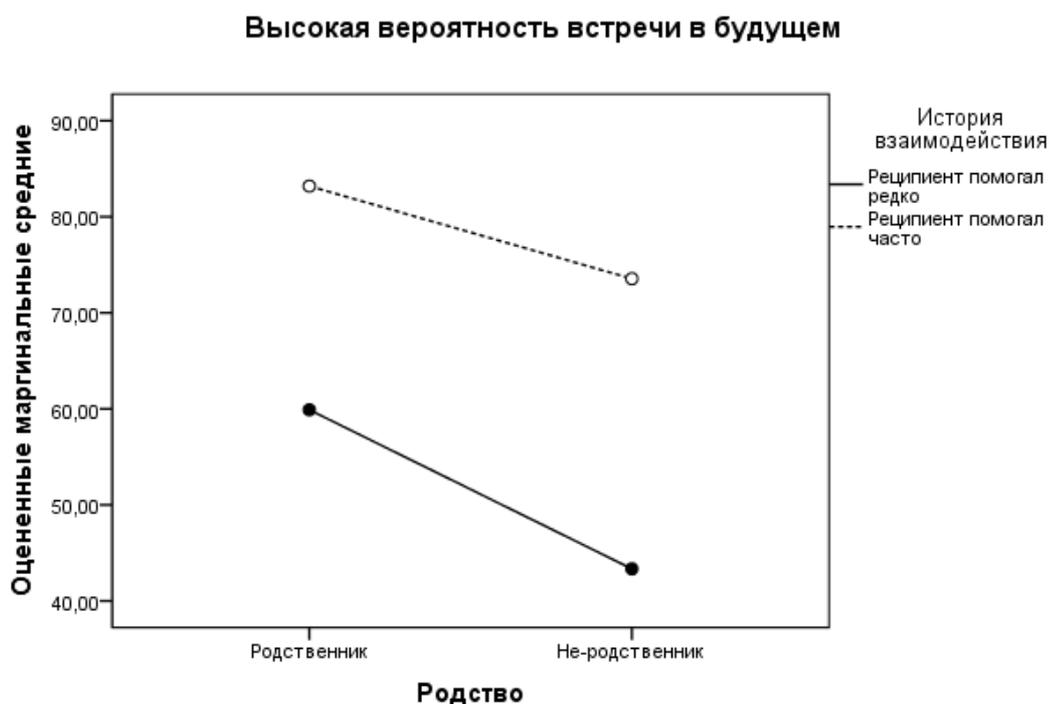

Рисунок 3а. Оцененные маргинальные средние факторов "Родство", "Размер пожертвования" и "Вероятность встречи в будущем" (неизвестная вероятность)

Рисунок 3б. Оцененные маргинальные средние факторов "Родство", "Размер пожертвования" и "Вероятность встречи в будущем" (высокая вероятность)

Рисунок 4а. Оцененные маргинальные средние факторов "История взаимодействия", "Размер пожертвования" и "Вероятность встречи в будущем" (неизвестная вероятность)

Рисунок 4б. Оцененные маргинальные средние факторов "История взаимодействия", "Размер пожертвования" и "Вероятность встречи в будущем" (высокая вероятность)

Таблица 4. Т-тесты (значения) для парных сравнений между экспериментальными условиями, оказавшиеся статистически не значимыми после коррекции Бонферрони (df=165, p>0.0004)

Пары условий (разные уровни отмечены курсивом)	Средние (парные различия: Условие 1- Условие 2)	t	p
1. Родственник, редко помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования</i> , неизвестная вероятность встречи в будущем 2. Родственник, редко помогал в прошлом, <i>большой размер пожертвования</i> , неизвестная вероятность встречи в будущем	-3,31	- 1,61	0,1094
1. <i>Родственник, редко помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования</i> , неизвестная вероятность встречи в будущем 2. <i>Не-родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования</i> , неизвестная вероятность встречи в будущем	-8,43	- 3,42	0,0008
1. Родственник, редко помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования</i> ,	-5,06	- 2,33	0,0209

<p><i>неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p>2. Родственник, редко помогал в прошлом, <i>большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i></p>			
<p>1. Родственник, часто помогал в прошлом <i>небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p>2. Не родственник, часто помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i></p>	2,53	1,81	0,0716
<p>1. Родственник, часто помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p>2. Родственник, часто помогал в прошлом, <i>большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i></p>	0,60	0,44	0,6586
<p>1. Не-родственник, редко помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p>2. Не-родственник, редко помогал в прошлом,</p>	6,27	3,33	0,0011

<i>большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i>			
1. Не-родственник, редко помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i> 2. Не-родственник, редко помогал в прошлом, <i>большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i>	-5,60	- 2,68	0,0082
1. Не-родственник, часто помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i> 2. Родственник, часто помогал в прошлом, <i>большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i>	-0,78	- 0,44	0,6583
1. Не-родственник, часто помогал в прошлом, <i>небольшой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i> 2. Не-родственник, часто помогал в прошлом, <i>большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i>	2,11	1,06	0,2920
1. Родственник, редко	9,33	2,98	0,0033

<p>помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</p> <p>2. Родственник, редко помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</p>			
<p>1. Родственник, редко помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</p> <p>2. Не-родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</p>	1,20	0,52	0,6012
<p>1. Родственник, редко помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</p> <p>2. Родственник, редко помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</p>	4,58	2,29	0,0231
<p>1. Родственник, редко помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</p>	-7,71	-3,30	0,0012

2. Не-родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем			
1. Родственник, часто помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем 2. Родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем	4,82	2,77	0.0063
1. Не-родственник, редко помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем 2. Не-родственник, редко помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем	2,89	1,50	0,1352
1. Не-родственник, часто помогал в прошлом, небольшой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем 2. Родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем	-1,93	- 1,15	0,2519
1. Родственник, редко	-5,12	-	0,0102

<p><i>помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p><i>2. Не-родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p>		2,60	
<p><i>1. Родственник, редко помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p><i>2. Родственник, редко помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i></p>	-1,75	- 1,14	0,2577
<p><i>1. Родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в будущем</i></p> <p><i>2. Не-родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, высокая вероятность встречи в будущем</i></p>	2,89	1,59	0,1142
<p><i>1. Не-родственник, часто помогал в прошлом, большой размер пожертвования, неизвестная вероятность встречи в</i></p>	3,37	1,82	0,0703

<i>будущем</i> <i>2. Родственник, редко</i> <i>помогал в прошлом,</i> <i>большой размер</i> <i>пожертвования, высокая</i> <i>вероятность встречи в</i> <i>будущем</i>			
---	--	--	--

Мы также провели парные t-тесты между средними оценками виньеток во всех экспериментальных условиях; из-за очевидной проблемы множественных сравнений, мы применили коррекцию Бонферрони. Анализ показал, что из 120 парных сравнений лишь 21 (17,5%) не достигло статистической значимости ($p > 0.0004$) – они приведены в *Таблице 4*.

Примечательно, что баллы по ШСА не оказали значимого главного эффекта на зависимую переменную ($F = 1,09$; $p \leq 0,352$) и не имели значимых взаимодействий с факторами нашей модели.

3.4.3. Обсуждение

Данное исследование было направлено на изучение того, как степень родственной связи, история взаимодействия, вероятность встречи в будущем, и размер необходимого пожертвования влияют на нормативные суждения об альтруистическом поведении. Кроме того, мы попытались выяснить, влияет ли индивидуальная склонность испытуемых к альтруистическому поведению на их прескриптивные суждения, касающиеся поведения других. Для этого, мы разработали и провели полный факторный виньеточный эксперимент, используя баллы испытуемых по Шкале самооценки альтруизма в качестве контрольной переменной.

В целом, наши данные представляют достаточно весомое свидетельство в пользу теоретических предсказаний, поскольку все четыре фактора в нашей модели оказали значимые эффекты на оценки

испытуемыми необходимости совершения альтруистических действий именно так, как мы ожидали (что также согласуется с предыдущими исследованиями, которые фокусировались на изучении воздействия данных факторов на действительное или перспективное поведение [Burnstein, Crandall, Kitayama, 1994; Stewart-Williams, 2007]). В целом, оценки виньеток нашими испытуемыми, т.е. зависимая мера нормативности альтруистического поведения, были выше в тех случаях, когда два человека описывались как родственники, когда реципиент часто помогал донору в прошлом, когда вероятность встречи в будущем описывалась как значительная, и когда размер необходимого пожертвования был относительно невелик (хотя имелись и некоторые незначимые различия, представленные в *Таблице 4*). Все факторы, за исключением «Размера пожертвования», имели большие размеры эффектов (частичный эта-квадрат); небольшой размер эффекта последнего фактора («Размер пожертвования») может объясняться тем, что его формулировка описывала не только денежную цену помощи для донора, но и характер этой помощи – оплату медицинской операции. Спецификация характера помощи могла повлиять на оценки испытуемых, поскольку вопросы здоровья обычно представляют для людей особую важность. Другим возможным объяснением является средний размер максимального пожертвования (сравнимый со средней зарплатой в Москве на момент проведения эксперимента) – возможно, уровни этого фактора были недостаточно дифференцированы.

Многие взаимодействия факторов также оказались значимыми, с размерами эффекта от низкого до среднего. Как показывают Рисунки 1-4, в целом, история взаимодействия между людьми, описанными в сценариях, играла большую роль в прескриптивных

суждениях об альтруистическом поведении по сравнению с родством между ними (а также остальными факторами). В то же время, оценки были выше для тех виньеток, которые описывали родственника, который часто помогал в прошлом, по сравнению с родственником, помогавшим редко, или не-родственником. Небольшой размер пожертвования обычно ассоциировался с более высокими оценками нормативности альтруистического действия; тем не менее, как можно увидеть из Таблицы 4 и Рисунка 4а, размер пожертвования не играет роли в случае, если реципиент редко помогал донору в прошлом, последний не знает наверняка, встретятся ли они в будущем, и когда эти двое описаны как родственники (в случаях и большого, и небольшого размера пожертвования оценки были одинаково низкими); но он начинает иметь значение в ситуации, когда реципиент часто помогал донору в прошлом, так, что в случае небольшого размера пожертвования оценки становятся значимо выше. Размер пожертвования, кажется, не имел для испытуемых значения в случае, когда не-родственник редко помогал донору в прошлом и существует большая вероятность высокая вероятность встречи в будущем. Кроме того, вероятность встречи в будущем не влияла на оценки в случае, когда родственник редко помогал донору в прошлом и размер необходимого пожертвования велик. В целом, эти данные позволяют нам говорить о комплексном характере нормативных оценок альтруистического поведения, при ведущей роли таких факторов как ретроспективная реципрокность (т.е. того факта, что реципиент часто или редко помогал донору в прошлом, который, судя по всему, был для наших испытуемых определяющим при вынесении оценки) и воспринимаемое родство.

Представляется важным и тот факт, что испытуемые, по крайней мере в некоторый степени, поддерживали необходимость

совершения альтруистического действия во всех экспериментальных условиях, даже в тех (большое пожертвование не-родственнику, который редко помогал в прошлом), когда, руководствуясь теориями родственного и реципрокного альтруизма, можно было ожидать более близкие к нулю оценки. Таким образом, можно говорить о существовании некоторого нормативного ожидания «истинного альтруизма», то есть безусловной помощи всем, кто оказался в беде (хотя очень сложно, если вообще возможно, отличить механизмы истинного альтруизма и обобщенной реципрокности, см. Главу 2). Эти данные можно интерпретировать в терминах различения двух когнитивных систем [Kurzban, DeScioli, Fein, 2012]: системы, обусловленной родственным отбором и реципрокным альтруизмом (предполагающей более или менее явный подсчет выгоды действующего) и (неконсеквенциалистской) системы «моральных суждений», основанной на жестких правилах. Можно сказать, что наши испытуемые использовали обе «системы» при формировании оценки необходимости совершения альтруистического действия в данной ситуации. Тем не менее, индивидуальная склонность испытуемых к альтруистическому поведению, измеренная при помощи Шкалы самооценки альтруизма, не влияла на их нормативные суждения относительно альтруистических действий других людей. Наши данные свидетельствуют в пользу точки зрения, согласно которой «альтруисты» не отличаются от менее альтруистичных людей в своих суждениях о том, насколько другим людям необходимо осуществлять альтруистические действия, и принимают во внимание те же самые факторы.

Данный эксперимент иллюстрирует потенциал когнитивного подхода к изучению социальных и моральных норм, касающихся альтруистического поведения – в противоположность суждениям о

собственном проспективном поведении («если бы...») или данным о поведении, основанным на самооценках. Эксперимент продемонстрировал, что испытуемые, возможно неосознанно, были способны воспринять различные факторы в качестве «аргументов» для построения морального вывода о необходимости альтруистического поведения в ежедневных ситуациях. При этом они были особо чувствительны к родственной связи между людьми, вовлеченными в ситуацию, а также информации, имеющей отношение к реципрокному альтруизму. Можно сделать вывод о том, что эти факторы обуславливают не только индивидуальное альтруистическое поведение, но и более общие нормативные ожидания, которые, в свою очередь, служат подкреплению определенных форм альтруизма.

3.4.4. Ограничения и возможные направления дальнейших исследований

Главное ограничение данного эксперимента является общим для всех исследований с использованием гипотетических сценариев: хотя это позволяет измерять нормативные представления (что и было нашей главной целью), подобный подход мало что может сказать о реальном поведении. Кроме того, использованная нами четырехфакторная модель является относительно простой, и имеет только по два уровня на каждый фактор; использование большего числа факторов и/или уровней позволило бы получить более детальную картину (при этом, ценой подобного решения будет увеличение общего количества возможных комбинаций, т.е. виньеток), поэтому необходимы дальнейшие исследования. Наконец, Шкала самооценки альтруизма Раштона, которую мы использовали в качестве ретроспективной оценки альтруистического поведения испытуемых, безусловно, имеет общие для всех ретроспективных

шкал самооценок ограничения, связанные с ненадежностью памяти испытуемых и возможностью (осознанных или не осознанных) искажений данных в собственных интересах; поэтому использование других методов измерения альтруистического поведения необходимо для прояснения его отношения к нормативным суждениям о других людях.

3.4.5. Заключение

Данный эксперимент показал, что родственная связь, история взаимодействия, вероятность встречи в будущем, и размер пожертвования играют значительную роль в формировании обыденных нормативных суждений об альтруистическом поведении, выносимых с внешней позиции арбитра. Исследование продемонстрировало, что общие нормативные представления о должном поведении в большой степени основаны на эволюционных принципах родственного альтруизма и реципрокного сотрудничества, поскольку суждения испытуемых показали, что эти принципы являются ключевыми не только для собственного поведения, но и для поведения других – то есть они формируют социальную (или моральную) норму. В то же время, эффект «чистого» альтруизма (определенное одобрение оказания помощи во всех ситуациях) также проявился в нашем эксперименте. Общие нормативные ожидания являются той основой, которая делает сотрудничество возможным, поэтому интересным направлением для будущих исследований будет влияние других факторов на нормативные суждения об альтруистическом поведении, а также изучение их отношения к действительному поведению.

3.5. Выводы

1. В данной главе был предложен интегративный социологический подход к изучению нормативной составляющей альтруизма, которой обычно не уделяется достаточно внимания в социальных и поведенческих науках. Этот подход предполагает изучение влияния известных факторов, обуславливающих альтруистическое поведение, на нормативные суждения о необходимости осуществления такого поведения, выносимые с внешней по отношению к оцениваемой ситуации позиции арбитра. Основой для такой когнитивно-социологической перспективы послужила экспериментальная традиция изучения нормативных представлений в когнитивной социальной науке, а также когнитивная теория аксиологических чувств Раймона Будона, рассматривающая процесс производства нормативных (моральных) суждений через призму восприятия различных «аргументов» в пользу той или иной позиции. Данный подход ориентирован на эмпирическое изучение нормативных суждений о желательности или необходимости альтруистических действий в специфических контекстах, поскольку подобные суждения играют важную роль в поддержании определенных механизмов альтруистического поведения в человеческих обществах.

2. Возможности и ограничения такого подхода были продемонстрированы при помощи экспериментального исследования факторов, определяющих воспринимаемую желательность осуществления альтруистических действий в ситуациях ежедневного взаимодействия. Многофакторный виньеточный эксперимент позволил оценить эффекты и взаимодействия факторов, основанных на механизмах родственного и реципрокного альтруизма; вместе с тем, было выявлено существование определенного уровня

нормативных ожиданий «истинного», безусловного, альтруизма. Подобный подход может быть использован и при изучении влияния других факторов на нормативные оценки альтруистических действий – не только «эволюционных», но и ситуационных, культурных, социальных и т.д. Изучение нормативности альтруизма в различных контекстах взаимодействия может стать тем важным дополнением к междисциплинарной «науке и морали», которое может предложить социология.

Заключение

Научное осмысление альтруизма, поведения, направленного на благо других людей, имеет достаточно богатую историю. Целый ряд философов, начиная с Аристотеля, высказывали многие важные идеи относительно подобного отношения людей друг к другу. После того, как основоположник позитивизма Огюст Конт изобрел термин «альтруизм», его последователи, такие как Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм и Георг Зиммель, стали использовать это понятие и пытались объяснить стоящее за ним явление, зачастую при помощи апелляции к фундаментальному характеру тех общественных отношений, в которые по определению включен человек. Альтруистическое поведение, направленное на благо группы и ее отдельных членов, казалось бы, должно было всегда находиться в центре внимания социологической теории и эмпирических исследований; тем не менее, в определенный момент социологи, за редким исключением, практически перестали интересоваться этой проблемой.

Изучение альтруизма и морали перекочевало из области социологии в область других поведенческих и социальных наук. Теории родственного и реципрокного альтруизма, разработанные в рамках биологии, антропологии, и других социальных наук, и объясняющие альтруизм исходя из «эгоистических» интересов «альтруиста» завоевали значительное междисциплинарное признание и породили множество разнообразных исследований. Вместе с тем, специалисты в области когнитивной социальной науки начали изучать механизмы производства нормативных суждений, а также их социальную и культурную вариацию, в то время как социология в значительной степени продолжает оставаться за бортом этого

междисциплинарного научного поиска. Есть ли у нее шанс «наверстать упущенное» и предложить собственный исследовательский фокус?

Моя позиция состоит в том, что в сложившихся условиях «новая» социология морали способна выработать собственный подход к изучению альтруизма только путем самого внимательного отношения к достижениям коллег из других дисциплин – это касается как теоретических моделей объяснения альтруизма, так и методов его изучения. Вместе с тем, собственно социологический фокус изучения альтруизма может быть найден в особом внимании к его нормативным составляющим, поскольку они зачастую остаются без освещения в ряде других традиций. Социология же обладает всеми концептуальными ресурсами для реактуализации проблематики изучения моральных норм – от богатейшего теоретического наследия классиков, таких как Дюркгейм и Парсонс, до более современных попыток социологического осмысления когнитивных процессов производства моральных оценок. В качестве примера того, как может выглядеть социологическое исследование нормативного измерения человеческого альтруизма, в данной работе приведен эксперимент, направленный на изучение влияния известных факторов альтруизма на прескриптивные суждения относительно необходимости совершения альтруистических действий.

Важность подобного подхода состоит не в последнюю очередь в том, что необходимость следования социальной норме (чье происхождение, безусловно, составляет отдельную проблему) способно, по крайней мере, частично объяснить не укладывающиеся в головы экономических теоретиков проявления безусловного, «истинного» альтруизма. Кроме того, как показывают исследования в социально-психологической традиции, проявления альтруизма

ситуационно специфичны, а так же зависят от определенных личностных характеристик, поэтому задачей социологии может стать выяснение того, насколько подобные поведенческие различия связаны с различием соответствующих нормативных представлений. Перспективной областью исследований также является прояснение социальных и культурных различий в нормативных представлениях об альтруистическом поведении. Есть шанс, что новая социология морали будет способна ответить на многие из этих вопросов

Литература

1. *Аристотель*. Этика. Эстетика. Поэтика. Минск: Харвест. 2011.
2. *Баскин Л.М.* Социобиология: Конфликт парадигм // Социологический ежегодник. 2014. С. 218-230.
3. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: «Канон». 1994.
4. *Бутовская М.Л.* Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность. 1998. 6. С. 149-161.
5. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990.
6. *Гаврилов К.А. Толмач А.Д.* Обыденное приписывание ответственности в ситуации теракта: опыт выделения категорий виновных акторов для контент-анализа // Социология: Методология, Методы, Математическое моделирование. 2012. 35. С. 119-154.
7. *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. 1. 4. С. 18-30.
8. *Гоулднер А.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука. 2003.
9. *Гофман А.Б.* Общество, мораль и религия в философии Анри Бергсона / Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: «Канон». 1994. С. 351-374.
10. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор // Дарвин Чарльз. Сочинения. / Пер. с англ. Под ред. Е.Н. Павловского. Том 5. М.: Издательство Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик. 1953.
11. *Девятко И.Ф.* Причинность, интенциональность и ответственность: от классических диспутов о методологии

социальных наук к когнитивной социальной науке //

Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии. Сборник научных докладов симпозиума, 13-14 октября 2011 г. / Под ред. И.Ф. Девятко, Н.К. Орловой. М.: Институт социологии РАН. 2011а. С. 18-34.

12. *Девятко И.Ф.* В сторону справедливости: экспериментальное исследование взаимосвязи между дескриптивным обыденным знанием и восприятием дистрибутивной справедливости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011б. 2 (55). С. 139-164.
13. *Девятко И.Ф.* О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // Социология: Методология, Методы, Математическое моделирование. 2009. 29. С. 10-29.
14. *Девятко И. Ф.* Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении: контуры нового исследовательского подхода // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2007. 25. С. 5-21.
15. *Девятко И.Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: «АВАНТИ ПЛЮС». 2003.
16. *Докинз Р.* Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ:CORPUS. 2013.
17. *Долгов А.Ю.* Питирим Сорокин о методах альтруизации личности, общества и культуры // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования / Отв. ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОН РАН. 2014. С. 205-223.
18. *Долгов А.Ю.* Генезис теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина: Социально-исторический и

- методологический аспекты // Социологический ежегодник, 2012: Сб. науч. тр. / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН. 2012. С. 267-279.
19. *Дюркгейм Э.* Определение моральных фактов / Пер. с фр. А.Б. Гофмана // Теоретическая социология: Антология: в 2-х ч. // Под ред. С.П. Баньковской. Ч. 1. М. 2002. С. 11-31.
20. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон. 1996.
21. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон. 1995.
22. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб. 1998.
23. *Загребина А.В., Сурков А.В.* Социологические аспекты альтруизма в межпоколенческих отношениях // Социологические исследования. 2010. 11. С. 105-109.
24. *Зиммель Г.* Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист. 1996.
25. *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. 4. С. 71-96.
26. *Кропоткин П.А.* Взаимная помощь, как фактор эволюции. СПб. 1907.
27. *Кротов П.П., Долгов А.Ю.* От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Сыктывкар. 2011.
28. *Лаверычева И.Г.* Влияние эмпатии на проявления альтруизма и эгоизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. 160. С. 65-74.

29. *Лаверычева И.Г.* Альтруизм и эгоизм как основа нравственной определенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2008. 1. С. 196-208.
30. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер. 2007.
31. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ. 2011.
32. *Панов Е.Н.* Бегство от одиночества. Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь. 1997.
33. *Пиаже Ж.* Моральное суждение у ребенка. М.: Академический Проект. 2006.
34. *Подольский Д.А.* Исследование альтруистической позиции подростков // Психология и школа. 2010. 2. С. 29-42.
35. *Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ. 1999.
36. *Сапов В.В.* Интегральная социология П. Сорокина // История теоретической социологии: в 4 т. / Сост. Ю.Н. Давыдов. М. 2002. С. 140-150.
37. *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах поведения и морали. М. 2006.
38. *Сорокин П. А.* Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть? // Вестник психологии криминальной антропологии и педологии. 1913. 4. С. 1-28.
39. *Сорокин П. А.* Л. Н. Толстой как философ // Вестник психологии криминальной антропологии и педологии. 1912. 4-5. С. 80-97.
40. *Спенсер Г.* Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Минск: «Беларуская Энцыклапедыя». 2006.

41. *Спенсер Г.* Научные основания нравственности. Данные науки о нравственности. СПб. 1896.
42. *Смит. А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика. 1997.
43. *Хаузер М.Д.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа. 2008.
44. *Эльстер Ю.* Объяснение социального поведения: Еще раз об основах социальных наук. М.: ГУ-ВШЭ. 2011.
45. *Эфроимсон В.П.* Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. 10. С. 193-213.
46. *Юм Д.* Сочинения в двух томах. Т.2. М.: Мысль. 1996.
47. *Якимова Е.В.* Альтруизм как форма просоциального поведения в контексте западной социально-психологической теории XXI в. // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования / Отв. ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОН РАН. 2014. С. 222-247.
48. *Якимова Е.В.* Феномен альтруизма: Новые аспекты и современные аналитические тенденции // Социологический ежегодник, 2012: Сб. науч. тр. / Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН. 2012. С.241-266.
49. *Яковлева Е.А.* Поведенческая экономика как область научного знания в современной экономической науке // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2014. 5 (2). С. 62-69.
50. *Alicke M.D.* Blaming badly // Journal of Cognition and Culture. 2008. 8. 179-186.
51. *Allen-Arave W., Gurven M., Hill K.* Reciprocal altruism, rather than kin selection, maintains nepotistic food transfers on an Ache reservation // Evolution and Human Behavior. 2008. 29. P. 305-318.

52. *Alexander J.* Rethinking Durkheim's intellectual development I: On 'Marxism' and anxiety of being misunderstood // *International Sociology*. 1986. 1. P. 91-107.
53. *Alexander R.D.* A biological interpretation of moral systems // *Zygon*. 1985. 20. P. 3-20.
54. *Axelrod R.* The evolution of cooperation. New York. 1984.
55. *Bardsley N.* Dictator game giving: Altruism or artefact? // *Exp. Econ*. 2008. 11. P. 122-133.
56. *Batson D.C.* Altruism in humans. N.Y.: Oxford University Press. 2011.
57. *Batson D.C., Shaw L.L.* Evidence for altruism: Toward a pluralism of prosocial motives // *Psychological Inquiry*. 1991. 2.2. P. 107-122.
58. *Bekkers R.* Traditional and health related philanthropy: The role of resources and personality // *Social Psychology Quarterly*. 2006. 69. P. 349-366.
59. *Blasi A.* Bridging moral cognition and moral action: A critical review of the literature // *Psychological Bulletin*. 1980. 88. P. 1-45.
60. *Borofsky R.* Yanomami: The fierce controversy and what we can learn from it. L.: University of California Press. 2005.
61. *Boudon R.* The cognitive approach to morality // *Handbook of The Sociology of Morality* / Ed. Hitlin S., Vaisey S. New York: Springer. 2010. P. 15-33.
62. *Bowles S., Gintis H.* Prosocial emotions // *The Economy as an Evolving Complex System ,III: Current Perspectives and Future Directions* / Ed. by Blume L.E., Durlauf S.N. Oxford University Press. 2005.
63. *Boyd R., Gintis H., Bowles S., Richerson P.J.* The evolution of altruistic punishment // *Proceedings of National Academy of Sciences USA*. 100. P. 3531-3535.

64. *Boyd R., Richerson P.* Culture and the evolution of human cooperation // *Phil. Trans. R. Soc. B.* 2009. 364. P. 3281-3288.
65. *Burnstein E, Crandall C., Kitayama S.* Some neo-Darwinian decision rules for altruism: Weighing cues for inclusive fitness as a function of the biological importance of the decision // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1994. 67. P. 773-789.
66. *Camerer, C. F., Fehr, E.* Measuring social norms and preferences using experimental games: A guide for social scientists // *Foundations of Human Sociality: Economic Experiments and Ethnographic Evidence from Fifteen Small-scale Societies* / Eds. Henrich J., Boyd R., Bowles R., Camerer C.F., Fehr E., Gintis H. New York: Oxford University Press. 2004.
67. *Camerer C. F.* Behavioral game theory: Experiments in strategic interaction. Princeton: Princeton University Press. 2003.
68. *Camerer C.F.* Behavioral economics // *Advances in economics and econometrics: Theory and applications.* Vol. 2 / Eds. Blundell R., Newey W.K., Persson T. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. P. 181-2014.
69. *Carneiro R.L.* Herbert Spencer's "The Study of Sociology" and the rise of social science in America / *Proceedings of the American Philosophical Society.* 1974. 118. 6. P. 540-554.
70. *Chagnon N.A., Bugos P.* Kin selection and conflict: An analysis of a Yanomamo ax fight // *Evolutionary biology and human social behavior* / Eds. A. Chagnon and W. Irons. North Scituate, MA: Duxbury Press. 1979.
71. *Collins R.* Interaction ritual chains. Princeton: Princeton University Press. 2004.
72. *Comte A.* System of positive polity. Volume 2. L. 1875*b*.
73. *Comte A.* System of positive polity. Volume 1. L. 1875*a*.

74. *Conway P., Gawronski B.* Deontological and utilitarian inclinations in moral decision making: A process dissociation approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2013. 104 (2). P. 216-235.
75. *Coser L.* Masters of sociological thought. N.Y. 1977.
76. *Cunningham M.R.* Levites and brother's keepers: A sociobiological perspective on prosocial behavior // *Humboldt Journal of Social Relations*. 1986. 13. P. 35-67.
77. *Curry O., Roberts S.G.B., Dunbar R.I.M.* Altruism in social networks: Evidence for 'kinship premium' // *British Journal of Psychology*. 2013. 104. P. 283-295.
78. *Daly M., Wilson M.* Evolutionary social psychology and family homicide // *Science*. 1988. 242. P. 519-524.
79. *Darley J.M., Latane B.* Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. 8. P. 377-383.
80. *Darley J.M., Batson C.D.* "From Jerusalem to Jericho": A study of situational and dispositional variables in helping behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. 27. P. 100-108.
81. *de Waal F.B.M.* Putting the altruism back into altruism: the evolution of empathy // *Annual Review of Psychology*. 2008. 59. P. 279-300.
82. *Dugatkin L. A.* The altruism equation. Seven scientists search for the origin of goodness. Princeton: Princeton University Press. 2006.
83. *Durkheim E.* Professional ethics and civic morals. London and New York: Routledge. 2003.
84. *Durkheim E.* The division of labour in society. L.: Macmillan Press. 1984.
85. *Durkheim E.* On morality and society. Selected writings. Chicago: The University of Chicago Press. 1973.

86. *Edele A., Dziobec I., Keller M.* Explaining altruistic sharing in the dictator game: The role of affective empathy, cognitive empathy, and justice sensitivity // *Learning and Individual Differences*, 2013. 24. P. 96-102.
87. *Einolf C.J.* Empathetic concern and prosocial behaviors: A test of experimental results using survey data // *Social Science Research*. 2008. 37. P. 1267-1279.
88. *Ekeh P.P.* Social exchange theory: The two traditions. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1974.
89. *Ellis L.* The decline and fall of sociology, 1975-2000 // *American Sociologist*, 1977, 12. P. 56-66.
90. *Elster J.* Altruistic behavior and altruistic motivation // *Handbook of the economics of giving, altruism and reciprocity. Volume 1: Foundations / Ed by. S-C. Kolm, J.M. Ythier. North Holland.: Elsevier. 2006. P. 184-206.*
91. *Emerson R.M.* Social exchange theory // *Annual Review of Sociology*. 1976. 2. P. 335-362.
92. *Engel C.* Dictator game: A meta-study // *Experimental Economics*. 2011. 14 (4). P. 583-610.
93. *Essock-Vitale S.M., McGuire M.T.* Women's lives viewed from an evolutionary perspective. II. Patterns of helping // *Ethology and Sociobiology*. 1985. 6. P. 155-173.
94. *Essock-Vitale S.M., McGuire M.T.* Predictions derived from theories of kin selection and reciprocation assessed by anthropological data helping // *Ethology and Sociobiology*. 1980. 1. P. 233-243.
95. *Firat R., McPherson C.M.* Toward an integrated science of morality // *Handbook of The Sociology of Morality / Ed. Hitlin S., Vaisey S. New York: Springer. 2010. P. 361-384.*

96. *Franks D.* Neurosociology. The nexus between neuroscience and social psychology. N.Y.: Springer. 2010.
97. *Frank S.A.* Natural selection. VII. History and interpretation of kin selection theory // *Journal of Evolutionary Biology*. 2013. 26. P. 1151-1184.
98. *Garfinkel H.* Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall. 1967.
99. *Gofman A.* Durkheim's theory of social solidarity and social rules // *The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity. Formulating a field of study / Ed. V. Jeffries*. N.Y. 2014. P. 45-69.
100. *Goodwin G.P., Darley J. M.* Why are some moral beliefs perceived to be more objective than others? // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. 48. P. 250-256.
101. *Gray K., Young L., Waytz A.* Mind perception is the essence of morality // *Psychological Inquiry*. 2012. 23. P. 101-124.
102. *Güth W., Schmittberger R., Schwarze B.* An experimental analysis of Ultimatum bargaining // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1982. 3 (4). P. 367-388.
103. *Haidt J.* The righteous mind. Why good people are divided by politics and religion. L.: Penguin books. 2013.
104. *Haidt J.* The new synthesis in moral psychology // *Science*. 2007. 316. P. 998-1001.
105. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // *Psychological Review*. 2001. 108 (4). P. 814-834.
106. *Hamilton W. D.* The evolution of altruistic behavior // *Journal of Theoretical Biology*, 1963. 97 (896). P. 354–356.
107. *Hamilton W. D.* The genetical evolution of social behavior // *Journal of Theoretical Biology*. 1964, 7 (1), P. 1–16.

108. *Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A.* The weirdest people in the world? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010. 33. P. 61-83.
109. *Henrich J., Henrich N.* Culture, evolution, and the puzzle of human cooperation // *Cognitive Systems Research*. 2006. 7. P. 220-245.
110. *Henrich J., Boyd R., Bowles S., Camerer C., Fehr E., Gintis H., McElreath R., Alvard M., Barr A., Ensminger J., Smith Henrich N., Hill K., Gil-White F., Gurven M. Morlowe F.W., Patton J.Q., Tracer D.* “Economic man” in coss-cultural perspective: Behavior experiments in 15 small-scale societies // *Behavior And Brain Sciences*. 2005. 28. P. 795-855.
111. *Hitlin S.* Social psychological ingredients for a sociology of morality rules // *The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity. Formulating a field of study / Ed. V. Jeffries. N.Y.* 2014. P. 195-217.
112. *Hitlin S., Vaisey, S.* The new sociology of morality // *Annual Review of Sociology*. 2013. 39. P. 51-68.
113. *Hitlin S., Vaisey S.* Back to the future. Reviving the sociology of morality // *Handbook of The Sociology of Morality / Ed. Hitlin S., Vaisey S.* New York: Springer. 2010. P. 3-14.
114. *Hole A.D.* How do economists differ from others in distributive situations? // *Nordic Journal of Political Economy*. 2013. 38. P. 1-30.
115. *Homans G.C.* Social behavior as exchange // *American Journal of Sociology*. 1958. 63. 9. P. 597-606.
116. *Jeffries V.* (ed). *The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity. Formulating a field of study.* N.Y. 2014.
117. *Johnston B. Pitirim A. Sorokin (1889-1968): Pioneer and Pariah // International Sociology*. 1996. 11. P. 229 – 238

118. *Johnston B.* Sorokin and Parsons at Harvard: Institutional conflict and the origin of a hegemonic tradition // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1986. 22. P. 107-127.
119. *Kahane G., Everett J.A.C., Earp B.D., Farias M., Savulescu J.* “Utilitarian” judgments in sacrificial moral dilemmas do not reflect impartial concern for the greater good // *Cognition*. 2015. 134. P. 193-209.
120. *Kahn C. H.* Aristotle and altruism / *Mind*. 1981. 90. 357. P. 20-40.
121. *Khalil E.L.* Beyond self-interest and altruism. A reconstruction of Adam Smith’s theory of human conduct // *Economics and Philosophy*. 1990. 6. P. 255-273.
122. *Knobe J., Buckwalter W., Nichols S., Robbins P., Sarkissian H., Sommers T.* Experimental Philosophy // *Annual Review of Psychology*. 2012. 63. P. 81-99.
123. *Kohlberg L., Elfenbein D.* The development of moral judgments concerning capital punishment // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1975. 45 (4). P. 614-640.
124. *Krebs D.L.* Altruism and egoism: A false dichotomy? // *Psychological Inquiry*. 1991. 2. 2. P. 137-139.
125. *Krotov P.* Pitirim Sorokin’s heritage: From core ideas to synthesis of theory and practice rules // *The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity. Formulating a field of study* / Ed. V. Jeffries. N.Y. 2014. P. 123-147.
126. *Krotov P.* Pitirim Sorokin studies in Russia in the context of the new section on Altruism, morality and social solidarity in the American Sociological Association // *American Sociologist*. 2012. 43. P. 366-373.

127. *Kurzban R., DeScioli P., Fein D.* Hamilton vs. Kant: pitting adaptations for altruism against adaptations for moral judgment // *Evolution and Human Behavior*. 2012. 33. P. 323-333.
128. *Lawler E.J., Thye S.R., Yoon J.* Emotions and group ties in social exchange // *Handbook of The Sociology of Emotions: Volume II* / Ed. Stets J., Turner J.H. New York: Springer. 2014. P. 77-102.
129. *Leslie A.M., Knob J., Cohen A.* Acting intentionally and the side-effect effect // *Psychological Science*. 2006. 17 (5). P. 421-427.
130. *Levine D.N.* Visions of the sociological tradition. Chicago: The University of Chicago Press. 1995.
131. *Levy-Strauss C.* The elementary structures of kinship. Boston: Beacon. 1969.
132. *List J.A.* On the interpretation of giving in Dictator games // *Journal of Political Economy*. 2007. 115 (3). P. 482-493.
133. *Lynch M.* Revisiting the cultural dope // *Human Studies*. 2012. 35. P. 223-233.
134. *Malinowski B.* Argonauts of the western Pacific. New York: E.P. Dutton. 1922.
135. *Maynard Smith J.* Group selection and kin selection // *Nature*. 1964. 201 (4924). P. 1145-1147.
136. *McElreath R., Boyd R., Richerson P.* Shared norms can lead to the evolution of ethnic markers // *Current Anthropology*. 2003. 44 (1). P. 123-129.
137. *Michod R.E.* The theory of kin selection // *Ann. Rev. Ecol. Syst.* 1982. 13. P. 23-55.
138. *Molm L.D., Collett J.L., Schaefer D.R.* Building solidarity through generalized exchange: A theory of reciprocity // *American Journal of Sociology*. 2007. 113. P. 205-242.

139. *Monroe K.R.* The heart of altruism. Perceptions of a common humanity. Princeton: Princeton University Press. 1996.
140. *Monroe K.R.* A fat lady in corset: Altruism and social theory // *American Journal of Political Science*. 1994. 38. P. 861-893.
141. *Parsons T.* The social system. L.: Routledge. 1991.
142. *Parsons T.* The structure of social action. L. 1966.
143. *Parsons T., Shields E.A.* (ed). Toward a general theory of action. Cambridge. 1962.
144. *Pesendorfer W.* Behavioral economics comes of age: A review essay on advances in behavioral economics // *Journal of Economic Literature*. 2006. 44 (3). P. 712-721.
145. *Piff P.K.* Wealth and the inflated self: Class, entitlement, and narcissism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014. 40. P. 34-43.
146. *Piff P. K., Kraus M. W., Côté S., Cheng B. H., Keltner D.* Having less, giving more: The influence of social class on prosocial behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. 99. P. 771-784.
147. *Piff P.K., Stancato D.M., Côté S., Mendoza-Denton R., Keltner D.* Higher social class predicts unethical behavior // *Proceedings of National Academy of Sciences United States*. 2012. 109 (11). P. 4086-4091.
148. *Piliavin J. A., Charng H.-W.* Altruism: A review of recent theory and research // *Annual Review of Sociology*. 1990. 16. P. 27-65.
149. *Piliavin J.A.* Altruism and helping: The evolution of the field // *Social Psychology Quarterly*. 2008. 73 (3). P. 209-225.
150. *Pickering M.* Auguste Comte. An intellectual biography, Volume III. N.Y.: Cambridge University Press. 2009.

151. *Ponomareva I.* Pitirim A. Sorokin: The interconnection between his life and scientific work // *International Sociology*. 2011. 26. P. 878-904.
152. *Prinz J.* The emotional basis of moral judgments // *Philosophical Explorations*. 2006. 9. P. 29-43.
153. *Queller D. C., Strassmann J.E.* Kin selection and social insects // *Bioscience*. 1998. 48. P. 165-175.
154. *Rachlin H., Jones B.* Altruism among relatives and non-relatives // *Behavioural Processes*. 2008. 79. P. 120-123.
155. *Rawls A.W.* Social order as moral order / *Handbook of The Sociology of Morality* / Ed. Hitlin S., Vaisey S. New York: Springer. 2010. P. 95-122.
156. *Richerson P.J., Boyd R.* Not by genes alone. How culture transformed human evolution. Chicago: The University of Chicago Press. 2005.
157. *Rossi P., Anderson A.* The factorial survey approach: An introduction // *Measuring Social Judgments: The Factorial Survey Approach* / Ed by P. Rossi & S. Nock. Beverly Hills, CA: SAGE. 1982.
158. *Rushton J.P., Chrisjohn R.D., Fekken G.C.* The altruistic personality and the Self-Report Altruism scale // *Personality and Individual Differences*. 1981. 2. P. 293-302.
159. *Shilling C., Mellor P.A.* Durkheim, morality, and modernity: Collective effervescence, homo duplex, and the sources of moral action // *The British Journal of Sociology*. 1998. 49. 2. P. 193-209.
160. *Simmel G.* *The Philosophy of Money*. L.: Routledge. 2004.
161. *Simmel G.* *The sociology of Georg Simmel* / Ed. by Kurt H. Wolf. Glencoe, Illinois: The Free Press. 1950.

162. *Simmons R.G.* Presidential address on altruism and sociology // The Sociological Quarterly. 1991. 32 (1). P. 1-22.
163. *Simpson B., Willer R.* Altruism and indirect reciprocity: The interaction of person and situation in prosocial behavior // Social Psychology Quarterly. 2008. 71. P. 37-25.
164. *Smith A.* The theory of moral sentiments. San Paolo. 2006.
165. *Sorokin P.* The ways and power of love. Chicago. 1967.
166. *Stern P.C.* Why do people sacrifice for their nations? // Political Psychology. 1995. 16 (2). P. 217-235.
167. *Stets J.* The social psychology of moral identity // Handbook of The Sociology of Morality / Ed. Hitlin S., Vaisey S. New York: Springer. 2010. P. 385-410.
168. *Stewart-Williams S.* Altruism among kin vs. nonkin: Effects of cost of help and reciprocal exchange // Evolution and Human Behavior. 2007. 28. P. 193-198.
169. *Swedberg R.* Sociology and game theory: Contemporary and historical perspectives // Theory and Society. 2001. 30. P. 301-335.
170. *Takahashi N.* The emergence of generalized exchange // American Journal of Sociology. 2000. 105. P. 1105–1134.
171. *Thaler R.H., Sunstein C.R.* Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness. L.: Yale University Press. 2008.
172. *Tonin M., Vlassopoulos M.* An experimental investigation of intrinsic motivations for giving // Theory Dec. 2014. 76. P. 47-67.
173. *Trivers R.L.* The evolution of reciprocal altruism // Quarterly Review of Biology. 1971. 46. P. 35–57.
174. *Turner J.H.* Natural selection and the evolution of morality in human societies // Handbook of The Sociology of Morality / Ed. Hitlin S., Vaisey S. New York: Springer. 2010. P. 125-146.

175. *Turner S.* Social theory as a cognitive neuroscience // *European Journal of Social Theory*. 2007. 10 (3). P. 357-374.
176. *Turner S.P.* (ed.). *Emile Durkheim. Sociologist and moralist*. N.Y.: Routledge. 2005.
177. *Van Lange P.A.M.* The pursuit of joint outcomes and equality in outcomes: An integrative model of Social Value Orientation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. 77. P. 337-349.
178. *Walker L.J., Frimer J.A.* Moral personality of brave and caring exemplars // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. 95. P. 845-860.
179. *Wallander L.* 25 years of factorial surveys in sociology: A review // *Social Science Research*. 2009. 38. P. 505-520.
180. *West S.A., Gardner A.* Altruism, spite, and greenbeards // *Science*. 2010. 327. P. 1341-1344.
181. *Weibull J.W.* *Evolutionary game theory*. L.: The MIT Press. 1995.
182. *Wilson D.S.* Rethinking the theoretical foundation of sociobiology // *The Quarterly Review of Biology*. 2007. 82 (4). P. 327-348.
183. *Wilson E.O.* *On human nature*. L.: Harvard University Press. 1988.
184. *Wilson E.O.* *Sociobiology: The new synthesis*. Belknap Press. 1975.
185. *Wozniak P.* Making sociobiological sense out of sociology // *The Sociological Quarterly*. 1984. 25. P. 191-204.
186. *Wright S.* Coefficients of inbreeding and relationship // *American Naturalist*. 1922. 56. P. 330–338.
187. *Wuthnow R.* Altruism and Sociological Theory // *Social Science Review*, 1993. 67. 3. P. 344-357
188. *Yamagishi T., Cook K.S.* Generalized exchange and social dilemmas // *Social Psychology Quarterly*. 1993. 56 (4). P. 235-248.

189. *Zak P.J., Stanton A.A., Ahmadi S.* Oxytocin increases generosity in humans // PLOS ONE 2 (11). 2007.
doi:10.1371/journal.pone.0001128
190. *Zimbardo P.* The Lucifer effect. Understanding how good people turn evil. N.Y.: Random House. 2007.

Приложение

Факторные виньетки и инструкция для испытуемых

Уважаемый участник исследования!

Ниже представлены описания нескольких ситуаций. На первый взгляд может показаться, что все они очень похожи; однако на самом деле они различаются в важных деталях. Пожалуйста, *внимательно* прочитайте каждое описание, а затем ответьте на предложенный вопрос, исходя из Ваших собственных внутренних представлений о том, как в данной ситуации следует поступить.

(Пожалуйста, обведите кружком соответствующую Вашему мнению оценку для каждой ситуации)

(1) Александр Петрович – родной дядя Сергея. Однажды Александр Петрович сообщает Сергею, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Александр Петрович часто помогал Сергею. Сергей знает, что он наверняка встретит Александра Петровича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Сергею дать Александру Петровичу 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(2) Николай – знакомый Дмитрия. Однажды Николай сообщает Дмитрию, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Николай редко помогал Дмитрию. Дмитрий не знает наверняка, встретит ли он Николая в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Дмитрию дать Николаю 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(3) Роман – знакомый Геннадия. Однажды Роман сообщает Геннадию, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Роман часто помогал Геннадию. Геннадий знает, что он наверняка встретит Романа в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Геннадию дать Роману 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(4) Андрей Георгиевич – родной дядя Николая. Однажды Андрей Георгиевич сообщает Николаю, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Андрей Георгиевич редко помогал Николаю. Николай не знает наверняка, встретит ли он Андрея Георгиевича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Николаю дать Андрею Георгиевичу 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(5) Кирилл – знакомый Вячеслава. Однажды Кирилл сообщает Вячеславу, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Кирилл часто помогал Вячеславу. Вячеслав не знает наверняка, встретит ли он Кирилла в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Вячеславу дать Кириллу 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(6) Евгений – знакомый Станислава. Однажды Евгений сообщает Станиславу, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Евгений часто помогал Станиславу. Станислав знает, что он наверняка встретит Евгения в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Станиславу дать Евгению 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(7) Сергей Дмитриевич – родной дядя Алексея. Однажды Сергей Дмитриевич сообщает Алексею, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Сергей Дмитриевич часто помогал Алексею. Алексей не знает наверняка, встретит ли он Сергея Дмитриевича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Алексею дать Сергею Степановичу 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(8) Игорь Васильевич – родной дядя Матвея. Однажды Игорь Васильевич сообщает Матвею, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Игорь Васильевич редко помогал Матвею. Матвей знает, что он наверняка встретит Игоря Васильевича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Матвею дать Игорю Васильевичу 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(9) Николай Петрович – родной дядя Максима. Однажды Николай Петрович сообщает Максиму, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Николай Петрович часто помогал Максиму. Максим знает, что он наверняка встретит Николая Петровича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Максиму дать Николаю Петровичу 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(10) Алексей Викторович – родной дядя Ивана. Однажды Алексей Викторович сообщает Ивану, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Алексей Викторович часто помогал Ивану. Иван не знает наверняка, встретит ли он Алексея Викторовича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Ивану дать Алексею Викторовичу 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(11) Михаил – знакомый Андрея. Однажды Михаил сообщает Андрею, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Михаил часто помогал Андрею. Андрей не знает наверняка, встретит ли он Михаила в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Андрею дать Михаилу 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(12) Владимир Васильевич – родной дядя Виктора. Однажды Владимир Васильевич сообщает Виктору, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Владимир Васильевич редко помогал Виктору. Виктор знает, что он наверняка встретит Владимира Васильевича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Виктору дать Владимиру Васильевичу 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(13) Никита – знакомый Анатолия. Однажды Никита сообщает Анатолию, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Никита редко помогал Анатолию. Анатолий знает, что он наверняка встретит Никиту в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Анатолию дать Никите 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(14) Валерий – знакомый Николая. Однажды Валерий сообщает Николаю, что ему срочно требуется 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Валерий редко помогал Николаю. Николай не знает наверняка, встретит ли он Валерия в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Николаю дать Валерию 50 000 рублей для оплаты операции по протезированию коленного сустава.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(15) Иван Степанович – родной дядя Петра. Однажды Иван Степанович сообщает Петру, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Иван Степанович редко помогал Петру. Петр не знает наверняка, встретит ли он Ивана Степановича в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Петру дать Ивану Степановичу 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

(16) Владимир – знакомый Григория. Однажды Владимир сообщает Григорию, что ему срочно требуется 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры, которые он вряд ли сможет вернуть в будущем. В прошлом Владимир редко помогал Григорию. Григорий знает, что он наверняка встретит Владимира в ближайшем будущем.

Пожалуйста, оцените по шкале от 0 до 100, следует ли Григорию дать Владимиру 2 000 рублей для оплаты долга по аренде квартиры.

Нет, совсем не следует 0...10...20...30...40...50...60...70...80...90...100 Да, безусловно следует

Шкала самооценки альтруизма и инструкции для испытуемых

Уважаемый участник исследования!

Пожалуйста, поставьте отметку (галочку или крестик) в одном из столбцов для каждой строки таблицы в соответствии с тем, как часто Вам приходилось совершать описанные поступки

	Никогда	Однажды	Несколько раз	Часто	Очень часто
1. Я помогал(а) незнакомому человеку вытолкнуть застрявшую в снегу машину					
2. Я рассказывал(а) незнакомому человеку, как пройти в нужное ему (ей) место					
3. Я разменивал(а) деньги незнакомому человеку					
4. Я жертвовал(а) деньги на благотворительность					
5. Я давал(а) деньги незнакомому человеку, которому они были нужны (или который просил об этом)					
6. Я жертвовал(а) вещи или одежду на благотворительность					
7. Я выполнял(а) благотворительную волонтерскую работу					
8. Я сдавал(а) кровь для переливания					
9. Я помогал(а) незнакомому человеку нести вещи (книги, пакеты и т.п.)					
10. Я задерживал(а) лифт и придерживал(а) дверь для незнакомца					
11. Я позволял(а) кому-то пройти вперед меня в					

очереди (в очереди к фотокопировальной машине, в супермаркете)					
12. Я подвозил(а) незнакомца на своей машине					
13. Я указывал(а) на ошибку сотруднику банка или продавцу в супермаркете, который собирался продать мне товар по заниженной цене					
14. Я давал(а) в пользование соседу, которого я не очень хорошо знаю, вещь, представляющую для меня определенную ценность (например посуду, инструменты)					
15. Я покупал(а) открытки и сувениры (или другие товары), зная, что вырученные от их продажи деньги пойдут на благое дело					
16. Я помогал(а) с домашней работой однокласснику (сокурснику), которого я не очень хорошо знал(а), когда я разбирался в предмете лучше него (нее)					
17. Я по собственному желанию и бесплатно присматривал(а) за питомцами или детьми соседей, не дожидаясь, пока меня попросят об этом					
18. Я предлагал(а) помощь инвалиду или пожилому человеку на улице					
19. Я уступал(а) свое место в автобусе или поезде					

незнакомому человеку					
20. Я помогал(а) знакомому с переездом на новую квартиру					